ВКП ленингр.
ИСТПАРТ
Ленинградские
рабочие
в Борьбе
за Власть
СОВЕТОВ
1917

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИЗО
Л 417

ГИЗО
Л 417

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСТПАРТ

ЛЕНИНГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ 1917

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1924

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ленинград, Дом Книги, Проспект 25 Октября, 28, Тел. 132-44, 570-14.

Москва, Тверская, 51. Телефон 3-92-07, 4-92-31.

Г. ЗИНОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

(большевиков)

Популярный очерк. Издание 5-е. Гос. Изд. Л-гр. 1924. Стр. 263. Ц. 60 к.

Г. ЗИНОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

(большевиков)

Популярный очерк. 2-е изд. (карманный формат). Гос. Изд. Л-гр. 1924. Стр. 435. Ц. 60 к.

* * *

История РКП неразрывно связана с деятельностью Ленина. Поэтому в книге вполне выяснена громадная роль Ленина, особенно в годы реакции (1908—1912) и войны (1914—1917 г.). Являясь соратником Ленина в это время, Зиновьев собирает много ценнейших подробностей относительно работы Ленина в эти годы. *(„Книжные Новости“).*

Из всех существующих работ по истории партии книга т. Зиновьева, по справедливости, занимает первое место. Она незаменима именно как превосходное введение в историю партии для тех, кто захотел бы изучить ее более или менее детально. Тут без книги т. Зиновьева не обойтись.

И вместе с тем по превосходному расположению материала, ясности и четкости изложения это—лучшее пособие для наших партшкол и кружков. *(„Звезда“).*

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОТДЕЛ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
и Р. К. П. (б) — ИСТПАРТ

ГИЗО
Л 417 Р

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИНГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ

В БОРЬБЕ

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

1917

(Статьи, воспоминания и документы)

Под общей редакцией
П. Ф. КУДЕЛЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

1 экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
20гь

П

ГИЗО
Л 417 Р

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград
Вознесенский пр. 26

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
СФ
13950
5 61
2/X
185738
185738

Гиз № 10223. Ленинградский Гублит № 11018. 10⅝ л. Отп. 15.000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

1. Предисловие.—От Ленинградского Истпарта 5
2. В. И. Ульянов-Ленин—„О двоевластии" 7

А. НАРАСТАНИЕ ОКТЯБРЬСКОГО ВАЛА.

I. Апрельские дни.

3. В. И. Ульянов (Ленин)—„Нота Временного Правительства" 11
4. Н. П. Альто—„Долой десять министров-капиталистов" 13
5. Ф. Раскольников—„Матросы в апрельские дни". 16
6. „На улицах Петрограда 21 и 22 апреля" 20
7. Резолюции фабрик и заводов. 23
8. В. И. Ульянов (Ленин)—„Уроки кризиса". 25

II. 10 и 18 июня.

9. Прокламация большевиков (с призывом к мирной демонстрации) 28
10. Речь Ленина на закрытом заседании Петроградского Комитета РСДРП (б) 11 июня 1917 г. 30
11. Андрей—„Демонстрация 18 июня" 31
12. К. Ст.—„На демонстрации" 32
13. Выборгский район 34
14. Резолюция завода Старый Парвиайнен 34
15. Картинка с натуры 35
16. В. И. Ульянов (Ленин)—„18 июня" 35

III. Июльские дни.

17. В. И. Ульянов (Ленин)—„О конституционных иллюзиях" 37
18. Миничев—„Из дней 1917 г." 39
19. Ив. Духвинский-Осипов—„Июльские дни" 44
20. Кикас—„К июльским событиям" 46
21. Ефимов—„Путиловский завод" 47
22. Ульянов и Каган—„Фабрика Скороход" 48
23. Зеленко и Личнов—„Завод Речкина" 51
24. Сиско—„Завод Дюфлон" 52
25. Бурсик—„Завод Эриксон" 53
26. Романов—„Завод Парвиайнен" 54
27. Свиленко—„Завод Русский Рено" 55
28. Афанасьев, Д.—„Завод Новый Лесснер" 56
29. Смирнов—Из воспоминаний печатника 58
30. Коротков—„Завод Галерный Островок" 60

стр.

31. Лиздин — „Балтийский завод“ 62
32. Озолин, А. — „Сестрорецкий оружейный завод“ 63
33. Выписки из протокола завкома Сестрорецкого завода 65
34. Глинский, А. — „Еще о Сестрорецком заводе“ 66
35. Кокко, Ю. — „Завод Айваз“ 67
36. Николаев — „Трубочный завод“ 69
37. Комиссия Истпарта на Радио-Телеграфном заводе. Воспоминания об июльских событиях 70
38. Протокол № 27 общего собрания завода Барановского 72
39. Протокол заседания фракции РСДРП (б) завода Барановского (речь т. Евдокимова). 73
40. Дуплицкий, Д. — „Балтийский флот в июльские дни“ 74
41. Бывший член Гельсингфорсского совета. Как откликнулись на июльские дни моряки в Гельсингфорсе 78
42. Ю. М. — „Преддверие победы“ 80
43. Бобкин, И. — „Армия и июль 1917 г.“ 83
44. Н. Ленин (В. И. Ульянов) — „К лозунгам“ 85

IV. От июльских дней к октябрю.

45. Бонч-Бруевич, В. — „Корниловские дни“ 89
46. Шляпников — „Демократическое совещание“ 93
47. Дыбенко, П. — „Второй съезд Балтфлота“ 96
48. Поджаров, Д. М. — „Из воспоминаний о дооктябрьских днях и о жизни предпарламента“ 99

Б. КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ.

49. Н. Ленин (В. И. Ульянов) — „Большевики должны взять власть“ (письмо в ЦК, ПК и МК РСДРП (б) 102
50. Н. Ленин (В. И. Ульянов) — „Марксизм и восстание“ (письмо в ЦК РСДРП (б) 103
51. Лашевич — „Октябрьское восстание в Петрограде“ 107
52. Николаев, П. и Г. Лиздин — „На трубочном заводе“ 110
53. Соколов — „Воспоминание участника“ 112
54. Васильев, М. — „Еще о трубочном заводе“ 114
55. Малаховский — „Красная гвардия Выборгского района в Октябре“ 115
56. Адамович — „Памятная ночь“ 123
57. Наборщик С. Гаврилов — „Среди печатников“ 124
58. Кокко, Н., — „Дни Великой Революции на заводе Айваз“ 126
59. Рабочий табачник Клыкин, А., — „Из воспоминаний об Октябрьской Революции“ 127
60. Головешко, Илья — „Перед Октябрем и Октябрь 1917 года“ (Колпино) . . 128
61. Погодин, Ив. — „Шлиссельбуржцы в Октябрьские дни“ 131
62. Дыбенко, А. — „Из Гельсингфорса в Питер“ 133
63. Смирнов, П. — „Кронштадтцы“ 139
64. Курков, П. — „Аврора“ у Зимнего“ 141
65. Антонов-Овсеенко — „25-е Октября“ 144
66. А. Иванов — „Октябрьские дни в Пскове“ 145
67. Васильев, П. — „В Луге“ 150
68. Мусенко — „В Октябрьские дни на фронте“ 151
69. Смирнов, А. М. — „Из жизни самокатчиков 3-го батальона“ 155
70. Мелих, Ф. М. — „На подступах к Петрограду“ 158
71. Коллонтай, А. — „Заветный порог“ 161
72. Речь Троцкого на заседании Петроградского Совета 25-го Октября 165
73. Речь Ленина на заседании Петроградского Совета 25-го Октября 167
74. Н. Ленин (В. И. Ульянов) — „Вместо послесловия“ (Из статьи „К 4-й годовщине Октябрьской Революции“) 169

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Великий 1917-й год. Великие дни нарастания Октябрьского переворота. Массовые выступления рабочих, матросов и солдат, бурные живые человеческие волны, переливающиеся с одной улицы в другие, с улиц на площади, плакаты—„Вся власть Советам", вооруженные выступления—выстрелы, треск пулеметов, поражение—и временный отлив клокочущей революционной волны. Новый вихрь и шторм ураганной силы,—и конечная победа в Октябре.

Кто этого не знает?!. Кто из современников не хранит в своей душе память об этих кипучих днях? Почти все знают и помнят бурные выступления революционных масс в эти дни.

Но в высшей степени мало известно и мало написано о том, что происходило на самих фабриках и заводах—этих главных гнездах и очагах революции. У каждого завода и фабрики есть своя революционная быль, есть кое-где и ее следы в виде протоколов заводских собраний, резолюций, воспоминаний отдельных товарищей и много живых свидетелей нашего славного революционного прошлого.

Мало известно, или, вернее, почти неизвестно и о том, как бунтовали отдельные военные части, не желавшие по приказу Керенского итти на усмирение Красного Петрограда и переходившие постепенно на сторону большевиков.

От некоторых Районных Комиссий Истпартотдела Ленинградского Губкома РКП(б) за сравнительно короткий срок их существования Губ. Истпартом были получены некоторые материалы. Разобравшись в них, Губ. Истпарт поставил пред собой следующую задачу: объединить этот материал под общим заглавием: „Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов", распределить хронологически и дать по возможности общую картину Октябрьской Революции, рисующую борьбу за власть Советов, клокотание живой людской волны на отдельных фабриках и заводах, в матросских и солдатских частях, написанную при том самими же участниками, главным образом, рабочими, матросами и солдатами.

Не всегда хватало нового материала для того, чтобы дать более или менее полное представление о том или ином этапе революции. В таких случаях мы позволяли себе делать перепечатки из газет, современных описываемым событиям, а также воспользовались и перепечатками отрывков из отдельных авторов.

Таким путем у нас составились для настоящего сборника два главных больших отдела: I — Нарастание октябрьского вала. Сюда мы относим: про-

тест против ноты Милюкова в 20-х числах апреля, 10-е и 18-е июня, июльские дни, от Июля к Октябрю. II — Красный Октябрь. Второй отдел состоит из воспоминаний, представляющих в действии революционные массы, и заканчивается речами Троцкого и Ленина на заседании Петроградского Совета от 25 Октября 1917 года.

Разумеется, не все воспоминания равноценны по своему содержанию, далеко не ото всех заводов нами получены были материалы, например — Володарский (б. Невский) район вовсе не представлен, но нам кажется, что и в таком виде сборник „Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов" дает представление о том, как кипели и бурлили фабрики и заводы, матросские и сухопутные части в те революционные дни.

Однако, этого одного, нам казалось, было бы недостаточно. Каждому отделу и подотделу мы прибавляем, как увидит читатель, соответствующие статьи или отрывки из сочинений нашего Великого Вождя—В. И. Ульянова (Ленина). Его трезвый, ясный, смелый, гениальный учет и прогноз создавшегося положения до или после того или иного этапа революции возглавляет или подводит итог совершающихся или заканчивающих свой цикл событий. Итак, картины живой человеческой волны — нарастание великого Октября и Красный Великий Октябрь знакомят читателя в то же время *отчасти* и с великой ролью и великим значением В. И. Ульянова-Ленина в Российской Пролетарской Революции.

В заключение нам остается только просить тех товарищей рабочих, матросов, бывших солдат и красноармейцев, кому есть что сказать, писать для Губ. Истпарта свои воспоминания и тем самым принять участие в составлении коллективного труда по истории революционного творчества масс в Великую Революцию. Новые, полученные нами воспоминания могут послужить дополнением к настоящему сборнику, а другие, охватывающие дни борьбы с контрреволюцией, положат начало другому сборнику. Надеемся, что наша просьба будет выполнена товарищами.

О ДВОЕВЛАСТИИ [1].

Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею.

В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала двоевластие. Этот факт надо уяснить себе прежде всего; не поняв его, нельзя итти вперед. Старые „формулы", напр. большевизма, надо уметь дополнить и исправить, ибо они, как оказалось, были верны в общем, но конкретное осуществление оказалось иное. О двоевластии никто раньше не думал и думать не мог.

В чем состоит двоевластие. В том, что рядом с Временным Правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее, другое правительство: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Каков классовый состав этого другого правительства. Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства. Это—революционная диктатура, т.-е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, не на закон, изданный централизованной государственной властью. Это—власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки типа. Часто забывают то обстоя-

---

[1] „Правда" № 28, 9 апреля 1917 г., за подписью Н. Ленин. [Н. Ленин (В. Ульянов) собрание сочинений, том XIV, ч. I, Гос. Изд-во, Москва 1921 г.].

тельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. Эта власть — власть того же типа, какого была Парижская Коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой „захват", употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отдаленных от народа и противопоставленных народу учреждений прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют сами вооруженные рабочие и крестьяне, сам вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия, либо заменяются опять таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в сменяемых по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой буржуазной оплатой „местечек" превращаются в рабочих особого „рода оружия", оплачиваемых не свыше обычной платы хорошего рабочего.

В этом и только в этом суть Парижской Коммуны, как особого типа государства. Эту суть забыли и исказили г.г. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму), Каутские (люди „центра", т.-е. колеблющиеся между шовинизмом и марксизмом) и все вообще господствующие ныне соц.-дем., соц.-рев. и т. под.

Отделываются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячу раз друг друга с революцией, не хотят подумать о том, что такое Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Не хотят видеть очевидной истины, что поскольку эти Советы существуют, поскольку они — власть, постольку в России существует государство типа Парижской Коммуны.

Я подчеркнул: „поскольку". Ибо это лишь зачаточная власть. Она сама и прямым соглашением с буржуазным Временным Правительством, и рядом фактических уступок сдала и сдает позиции буржуазии.

Почему? Потому ли, что Чхеидзе, Церетели, Стеклов и К° делают „ошибку"? Пустяки. Так думать может обыватель, но не марксист. Причина — недостаточная сознательность и организованность пролетариев и крестьян. „Ошибка" названных вождей — в их мелко-буржуазной позиции, в том, что они затемняют сознание рабочих, а не проясняют его, внушают

мелко-буржуазные иллюзии, а не опровергают их, укрепляют влияние буржуазии на массы, а не высвобождают массы из-под этого влияния.

Отсюда должно уже быть ясно, почему так много ошибок делают и наши товарищи, ставя „просто" вопрос: надо ли тотчас свергнуть Временное Правительство.

Отвечаю: 1) его надо свергнуть — ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с Советами Рабочих Депутатов и Главным Советом, Питерским, прежде всего; 3) его вообще нельзя „свергнуть" обычным способом, ибо оно опирается на „поддержку" буржуазии вторым правительством, Советом Рабочих Депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских Депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону; пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелко-буржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы зависимости от буржуазии.

Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее лучшие сторонники большевизма уже создали; сплотимся для пролетарской классовой работы, и из пролетариев, из беднейших крестьян на нашу сторону будет становиться все большее и большее число. Ибо жизнь будет ежедневно разбивать мелко-буржуазные иллюзии „социал-демократов" Чхеидзе, Церетели, Стекловых и пр., „соц.-революционеров", мелких буржуа еще более „чистых" и пр. и пр.

Буржуазия за единовластие буржуазии.

Сознательные рабочие за единовластие Советов Р., Б., К. и С. Деп. — за единовластие, подготовленное прояснением пролетарского сознания, освобождением его от влияния буржуазии, а не авантюрами.

Мелкая буржуазия — „соц.-дем.", „с.-р." и пр. и пр. — колеблется, м е ш а я этому прояснению, этому освобождению.

Вот фактическое, к л а с с о в о е, соотношение сил, определяющее наши задачи.

Н. Ленин.

НАРАСТАНИЕ ОКТЯБРЬСКОГО ВАЛА.

I. АПРЕЛЬСКИЕ ДНИ.

Нота Временного Правительства [1]).

Карты раскрыты. Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Милюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах.

Большинство Исполнительнаго Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, народники, меньшевики, все те, кто до сих пор призывал к доверию Временному Правительству, наказаны вдосталь. Они надеялись, ждали и верили, что Временное Правительство, под влиянием благодетельного „контакта" с Чхеидзе, Скобелевым и Стекловым, откажется навсегда от аннексий. Вышло немного не так...

В ноте от 18 апреля Временное Правительство заявляет о „всенародном (!) стремлении довести мировую войну до решительной победы" [2]).

---

[1]) „Правда", № 37, 21 апреля 1917 г., статья Ленина без подписи автора.

[2]) **Нота союзным державам, принятая Временным Правительством 19-го апреля 1917 года.**

Министр иностранных дел телеграммою от 18 апреля 1917 года поручил российским представителям при союзных державах передать правительствам, при которых они аккредитованы, нижеследующую ноту:

„27 марта с. г. Временное Правительство опубликовало обращение к гражданам, в котором содержится изложение взглядов правительства свободной России на задачи настоящей войны. Министр иностранных дел поручает мне сообщить вам означенный документ и высказать при этом следующие замечания.—Враги наши в последнее время старались внести раздор в междусоюзные отношения, распространяя вздорные сообщения, будто Россия готова заключить сепаратный мир с срединными монархами.—Текст прилагаемаго документа лучше всего опровергает подобные измышления. Вы усмотрите из него, что высказанные Временным Правительством общие положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались, вплоть до самого последнего времени, многими выдающимися государственными деятелями союзных стран, и которые нашли себе особенно яркое выражение со стороны нашего нового союзника, великой заатлантической республики, в выступлениях ее президента. Правительство старого режима, конечно, не было в состоянии усвоить и разделить эти мысли об освободительном характере войны, о создании прочных основ для мирного сожительства народов, о самоопределении угнетенных национальностей и т. п. Но Россия, освобожденная, может в настоящее время заговорить языком, понятным для передовых демократий современного человечества, и она спешит присоединить свой

„Само собой разумеется,—прибавляет нота,—Временное Правительство... будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников".

Коротко и ясно. Война до решительной победы. Союз с английскими и французскими банкирами священен...

К т о заключал этот союз с „нашими" союзниками, т.-е. с англо-французскими миллиардерами? Царь, Распутин, царская шайка, конечно. Но для Милюкова и К⁰ договор этот — святыня.

Почему?

Некоторые отвечают: потому, что Милюков неискренний человек, что он хитрец и т. п.

Дело совсем не в этом. Дело в том, что Гучков, Милюков, Терещенко, Коновалов — представители к а п и т а л и с т о в. А капиталистам захваты чужих земель нужны. Они получают новые рынки, новые места вывоза капитала, новые возможности устраивать десятки тысяч своих сынков на прибыльные должности и т. п. Дело в том, что и н т е р е с ы русских капиталистов сейчас такие же, как интересы английских и французских капиталистов. Поэтому и только поэтому договоры царя с англо-французскими капиталистами столь дороги сердцу Временного Правительства русских капиталистов.

Новая нота Временного Правительства подольет масла в огонь. Она может только разжечь воинственные настроения в Германии. Она помогает Вильгельму-разбойнику дальше обманывать „своих" рабочих и солдат и тянуть их на войну „до конца".

Новая нота Временного Правительства ребром поставила вопрос: что же дальше?

С первого же момента нашей революции английские и французские капиталисты стали уверять, что русская революция сделана только и исключительно для того, чтобы продолжать войну „до конца". Капиталистам нужно ограбить Турцию, Персию, Китай. Если по этому случаю придется уложить еще с десяток миллионов каких-то там русских мужиков—что за беда? Была бы только одержана „решительная победа"... И вот теперь Временное Правительство с полной откровенностью стало на тот же путь:

— Воюйте—потому что мы хотим грабить.

голос к голосам своих союзников. Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии заявления Временного Правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче—отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей родины. Само собой разумеется, как это и сказано в сообщаемом документе, Временное Правительство, ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников. Продолжая питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны, в полном согласии с союзниками, оно совершенно уверено и в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем" (Н. А в д е е в. „Революция 1917 года". Том II. Гос. Изд. 1923 г. Приложение, № I, стр. 247).

— Умирайте десятками тысяч каждый день — потому что „мы“ еще не додрались, потому что мы еще не получили своей доли добычи!..

Ни один сознательный рабочий, ни один сознательный солдат не поддержит более политики „доверия“ к Временному Правительству. Политика доверия обанкротилась.

Наша общегородская с.-д. конференция сказала в своей резолюции, что теперь каждый день будет подтверждать правильность н а ш е й позиции. Но такого быстрого хода событий даже мы не ожидали.

Нынешний Совет Рабочих и Солдатских Депутатов поставлен перед выбором: проглотить пилюлю, поднесенную ему Гучковым и Милюковым, значило бы раз навсегда отказаться от самостоятельной политической роли — завтра Милюков положит „ноги на стол“ и сведет Совет к круглому нулю; дать отпор на ноту Милюкова — значит порвать со старой политикой доверия и перейти на путь, предлагаемый „Правдой“.

Можно, конечно, найти и гнилую середину. Но — надолго ли?

Рабочие, солдаты, скажите теперь во всеуслышание: мы требуем, чтобы у нас была единая власть — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Временное Правительство, правительство кучки капиталистов, должно очистить место названным Советам.

Долой десять министров-капиталистов!

(21-е апреля 1917 г.)

Утро. Рабочие толпами спешат на работу. Газетчики-рабочие у ворот завода суют прохожим свежие номера газет. „Дело Народа“ — выкрикивает эс-эр. „Рабочая Газета“ — кричит работница-меньшевичка. „Правда“ — басом, побивая голоса конкурентов, предлагает т. Воронцов.

Газеты быстро расхватываются: одни берут те и другие, а непримиримые берут только одну из них.

— Шура, возьмем „Дело Народа“, может быть, что-нибудь и у „них“ есть хорошего, — говорит своей подруге Катя из калибровочной.

— А ну их к чорту. Разве это революционеры, которые поддерживают буржуазию и хотят отнять у турок Дарданеллы. Ты слышала, что говорил Александров: он говорил, что надо гнать из министерства всех десять министров-капиталистов, а эти с ними заодно. Из принципа не хочу поддерживать эс-эров и пятачка на ихнюю газету не дам. Пойдем... — работницы скрываются в открытые двери душной мастерской.

— „Правду“! „Правду“! берите, товарищи. К чорту „Рабочую Газету“ — она врет и обманывает, — басит Воронцов. — Берите, товарищи, сегодня написано: долой десять министров-капиталистов. Разве „Рабочая Газета“ наберется мужества так написать. Кому „Правду“, товарищи, — берите!

Прогудел протяжный и заунывный заводский гудок. Зашумели и задвигались приводные ремни, завертелись шкива, но... рабочие не принимались за работу. Что-то жуткое, волнующее грудь чувствовалось в среде собравшихся

и о чем-то разговаривавших рабочих. Что-то напряженное и тяжелое висело в воздухе. Как перед грозой становилось душно дышать. Никто не брался за работу.

— Товарищи! на собрание, — быстро прошмыгнул рабочий с бумажкой в руке и скрылся за поворотом мастерской так же быстро, как и появился.

Все заволновалось, загудело. Слесарь кладет обратно в ящик вынутый напильник. Калибровщица прячет приборы, щеточник скидает засаленную в масле и загрязненную блузу. Все стремятся на задний двор, где должно собраться общее собрание рабочих.

Представители из Совета уже на трибуне. Их окружает шеститысячная масса рабочих и работниц. Все напряженно ждут ответа на волнующие их и непонятные вопросы. В толпе слышен сдержанный разговор. Все чего-то ждут, волнуются отдельные товарищи и спорят меж собой.

— Ну и день! что пороховой погреб: положи рядом намоченную в теплой воде тряпку и та взорвется...

— Товарищи! считаю собрание открытым, прошу наметить председателя, — говорит представитель организации.

— Крайнева... Крайнева... председателем, — раздаются голоса. Большинством избирается т. Крайнев — большевик. Меньшевики и эс-эры остаются в меньшинстве.

На стоящую бочку карабкается сухой и энергичный т. Александров, который выпрямляется, и с горящими, как уголь, глазами, начинает сразу же говорить с большим подъемом.

— Товарищи! Разве мы для того гнили в тюрьмах годами, разве мы для того делали революцию, чтобы отдать свои завоевания буржуазии. Нет! То, что добыто рабочей кровью, должно быть закреплено за рабочим классом. Наше правительство ведет страну опять к войне. Мы боремся против захватов нашей буржуазии, а что говорят Милюков и Гучков? Им нужны Дарданеллы, им нужно на костях рабочего класса построить свое благополучие. Мы против соглашательской политики, мы против министров-капиталистов. Наши противники, меньшевики и эс-эры молчат, они боятся взять власть в свои руки, они боятся вытурить десять министров-капиталистов. — Долой буржуазию! — раздаются бурные возгласы; оратор продолжает:

— Товарищи! Мы сегодня должны покинуть завод и со знаменами, на которых должны быть написаны лозунги: „Долой буржуазию“, „Война войне“ выйти на улицу и потребовать смещения буржуазного правительства. Довольно той крови, которая лилась рекой за золотой сундук капиталистов. Мы с оружием в руках должны свергнуть наших врагов, если они добровольно не покинут министерства. Довольно лить рабочую кровь за чуждые нам интересы. На улицу вас призываю. Покажите буржуазии свою мощь, свою силу и организованность. Долой министров-капиталистов! Да здравствует Советская Власть!

Несмолкаемый гром раздается из многотысячной толпы рабочих. Выступающим ораторам не дают говорить. Толпа заволновалась, загудела: „На улицу... На улицу...“

Чшшш... Над головами рабочих развевается красное знамя с лозунгом: „Долой десять министров-капиталистов“, „Война войне“. Все притихли, но это

было только одно мгновенье, а потом вдруг... громовое ура покрыло шум даже соседнего завода. Шеститысячная масса двинулась с пением: „Вставай, поднимайся, рабочий народ“ ... к выходным дверям.

Работница Шура схватила свою подругу за рукав и потянула к выходу. Обе были взволнованы, глаза горели огнем ненависти, они очутились с толпой на улице. Часть рабочих разошлась по домам. Им кричали вслед: „Трусы! Под юбку прятаться спешите, трусы!“

На Сампсониевском проспекте уже было море голов. Развевались знамена, песни неслись со всех сторон. Демонстрация двинулась через Дворянскую улицу ко дворцу Кшессинской, где был т. Ленин, направляясь на Невский проспект.

Народная толпа, полная возмущения, вылилась на улицу и неудержимым потоком разлилась по улицам Питера. Носились неясные слухи, что на Невском стреляют, что много убитых и раненых, все равно, рабочий был уверен в своей силе и шел открытой грудью на врага. Но враг уже приготовился и ждал, как хищный зверь, своего противника на углу Невского и Садовой.

Нападение буржуазии свершилось. Призыв и предостерегающий голос т. Ленина не был принят во внимание, рабочие ряды были расстроены, но как это случилось?

Головная колонна выборжцев уже на Невском пр., а хвост еще тянется по Марсову полю. Слухи все упорнее и упорнее носятся в толпе, что буржуазия атакует колонны демонстрантов на Невском. Но этому мало кто верит, и каждый спешит скорей добраться и проверить лично на месте. А на Невском в это время уже шла схватка. Лесснеровцы и парвиайновцы пробиваются, ощетинив штыки красногвардейцов-милиционеров, сквозь озверевшую толпу буржуазии. Слышатся выстрелы и сухим треском доносятся до задних рядов демонстрантов. Оставшиеся спешат на помощь передним. Наконец и мы у цели — на углу Невского и Садовой. Тесно, — нас сжали с двух сторон, — пробиваемся по два, по три в ряд, но пробиваемся и двигаемся вперед.

— Лентяи! Изменники! Лодыри! — набрасываются разодетые дамы на работниц. — Солдаты на фронте кровь льют, а вы бастовать вздумали?! Негодяи! ... Ленинцы!

В ответ на это Шура набрасывается на говорившую и срывает шляпу с ее головы. Крики: „Бей их!“ — несутся и со стороны буржуазии, и со стороны рабочих, — свалка начинается. Я спешу на помощь, пробиваюсь локтями, кулаками, и первое, что встретил, — это удар кулаком стоящего на дороге юнкера. За мной следуют другие с винтовками, — винтовки вырывают из рук, слышатся выстрелы и крики: „Убили ... ранили ... помогите ...“

Знамя срывают с древка. Озверелая толпа буржуазии, „солдаты“ и раскрашенные дамы смешиваются с толпой рабочих.

— Долой десять министров-капиталистов! — раздается голос товарища, который пробился со знаменем на Невский.

Раздается выстрел ... Шура, бледная — зашаталась и упала. Из груди сочится кровь. „Аааахх ...“ раздается голос Кати, и она бросается к подруге. Ей спешат на помощь другие и на руках несут в лазарет на Михайловскую улицу раненую товарку.

— Товарищи! не бойтесь,—кричит т. Воронцов. — Ряды тесней,—вперед!

Вокруг знамени собирается кучка рабочих в сто человек. По улице мчится автомобиль. Трааахх, — раздается выстрел. Стреляет офицер, — падает раненый юноша Михаил с фабрики „Невка". Его подхватывают и несут в тот же лазарет, куда унесли Шуру. Навстречу двигается демонстрация с плакатом: „Да здравствует Временное Правительство". Две стенки встретились ... несколько „приветственных слов", и не видно больше знамени буржуазии. Выстрелы участились, Невский стал пустеть, рабочие двинулись кучками по смежным улицам. Первые ряды демонстрантов пробились, задние— были разгромлены буржуазией, которая пустила в ход оружие.

День 21-го апреля 1917 года кончился неудачно, но показал, что с рабочими шутить нельзя. Тот, кому до сих пор еще не было ясно, в этот день прозрел. Затаенная ненависть к буржуазии усилилась, вера в меньшевиков и эс-эров погасла, остались два лагеря: лагерь буржуазии и лагерь пролетариата. Два непримиримых врага почувствовали в этот день, как еще никогда, свою ненависть друг к другу, и еще с большей яркостью подчеркнули в Июльские дни, и закончили борьбу в Октябре.

Шура умерла от ран в лазарете, а т. Михаил отомстил врагам на Красном фронте, закончив начатое в апреле 1917 года. Вечный покой и вечная слава героям!

Рабочий **М. П. Альто.**

Матросы в апрельские дни [1]).

20 апреля, вечером, возвратившиеся из Петрограда товарищи сообщили кронштадтскому партийному комитету, что в Питере неспокойно. Как раз в это время у нас происходило партийное собрание. Я предложил одному из приехавших кронштадтцев—матросу т. Колбину доложить о происходящих в Петрограде событиях. Но его слова не создавали сколько-нибудь отчетливой картины. Была какая-то демонстрация на Невском, шла непонятная стрельба... и только.

Другие товарищи также не внесли ясности.

Наш жгучий интерес к развивавшейся борьбе в Петрограде, с которым мы жили одной общей политической жизнью, на этот раз не был удовлетворен.

На следующий день по телефону позвонил из Петрограда т. Николай Ильич Подвойский. Оговорившись, что по проводу он всего сообщить не может, т. Подвойский от имени военной организации большевиков потребовал немедленного приезда в Петроград надежного отряда кронштадтцев.

Встревоженный, прерывистый голос т. Подвойского обнаруживал, что в Петрограде положение серьезно.

Мы тотчас разослали телефонограммы по судам и береговым отрядам, приглашая каждую часть выделить несколько вооруженных товарищей для поездки в Петроград.

---

[1]) „Красная Летопись", исторический журнал Ленинградского Бюро Истпарта, № 7, 1923 г. Гос. Изд-во, Петроград.

Когда наши друзья собрались на просторной террасе партийного дома, еще недавно служившего комфортабельной дачей адмиралу Бутакову, а теперь предоставленного Кронштадтскому Комитету, я произнес несколько слов по поводу обострившегося положения в Петрограде. Сославшись на отсутствие подробных сведений, я призвал товарищей быть готовыми в любой момент, если понадобится, умереть за революцию на улицах Петрограда.

Собравшиеся проявили самоотверженную готовность следовать, куда угодно, где подвергается малейшей опасности драгоценная судьба революции.

Настроение кронштадтцев в этот день, как всегда, было полно решимости и отваги, нетерпеливого желания схватиться с главными силами контрреволюции.

Самая ничтожная угроза революции со стороны Временного Правительства или близких к нему кругов заставляла настораживаться красных кронштадтцев, судорожно схватывать заряженные винтовки и требовать от своих вождей немедленного похода на Петроград на выручку уже достигнутых завоеваний революции, которые, несмотря на их сравнительное ничтожество, служили в глазах кронштадтцев верным залогом близкого и всевластного пролетарского торжества.

Естественно, что призыв на помощь, исходивший от большевистских партийных верхов Петрограда, нашел чуткий отклик в настроениях революционного Кронштадта.

Петроградская политическая обстановка, сложившаяся к 21 апреля, еще не требовала больших подкреплений. Поэтому готовый к отправке отряд, сформировавшийся по принципу представительства двух-трех человек от каждой части, насчитывал от ста до полутораста штыков.

Этот небольшой отряд являлся передовым застрельщиком Кронштадта, авангардом, за которым всегда были готовы последовать тысячи вооруженных бойцов.

Еще засветло отряд выехал на пароходе из Кронштадта. В Ораниенбауме была пересадка на поезд.

Выгрузка в Петрограде на Балтийском вокзале произошла уже в вечерней темноте.

По глухой набережной Обводного канала и по необычайно пустынному Измайловскому проспекту, где только изредка мелькали одинокие пешеходы, мы, шествуя по середине мостовой, с винтовками, взятыми „на плечо", держа мерный походный шаг, не навлекали на себя никаких подозрений.

На узком мосту, перекинутом через Фонтанку у Александровского рынка, мы обогнали прохожего, в котором, при свете фонаря, упавшем на его лицо, я узнал брата Семена Рошаля — Михаила.

Я его окликаю. Он тотчас отделяется от тротуара, подходит ко мне и, не владея собой, дрожащим, нервно захлебывающимся голосом, в котором слышится безвыходная, жгучая тревога, бросает дымящиеся свежей кровью слова:

— Знаете, им удалось натравить солдат на рабочих... Я был сегодня на Невском... Я сам видел стрельбу... Это ужасно!

Стараюсь, как могу, успокоить младшего брата моего друга, обнадежить его, ободрить, уверить, что сегодняшняя перестрелка только единичный эпизод, который ни в малейшей степени не может задержать или замедлить

Институт Ленина 185738 СПб 13950

углубления и развития революции. Михаил Рошаль недолго сопровождает нас, затем прощается и уходит.

На углу Садовой и Невского нас задерживают несколько офицеров и штатских меньшевистско-эс-эровского вида.

Один из них, в новом с иголочки пальто и в презирающей весну меховой шапке, пытливо задает мне вопрос:

—Вы идете по приказанию Временного Правительства?

—Да, по приказанию Временного Правительства,—твердым тоном отвечаю я.

Внешний вид стройной воинской части, фуражка морского офицера и безапелляционный ответ внушают доверие меньшевику, или эс-эру и, пропуская нас, он говорит: „Можете проходить. Я спросил потому, что сегодняшним приказом воспрещено появляться на улице с оружием без особого разрешения Временного Правительства. Но раз вы идете по приказанию, то можете продолжать свой путь. В противном случае мы бы вас задержали".

Итак, с помощью хитрости, благополучно миновав меньшевистско-эс-эровскую преграду, мы пересекаем Марсово поле и, отмерив длину Троицкого моста, вступаем на Петербургскую сторону. Через несколько минут мы уже в доме Кшессинской. Поднимаемся по лестнице во второй этаж и входим в большую комнату с длинным столом, где часто происходили не только рядовые собрания, но и заседания питерских общегородских конференций.

В комнате масса народу: одни товарищи сидят на скамейках, другие, облокотившись, стоят у стены.

В момент нашего появления говорил т. Подвойский. Увидя вливавшихся непрерывным потоком кронштадтцев, он приветствовал нас от имени военной организации и в кратких словах обрисовал создавшееся в Питере положение в связи с цинично-империалистической нотой Милюкова, демонстрациями под лозунгом: „Вся власть Советам" и кровавыми столкновениями рабочих с контр-демонстрацией буржуазии на Невском проспекте.

Введя кронштадтцев в курс событий, Николай Ильич обратился с призывом к сплочению и организации сверху донизу, вплоть до завода и полка, где отсталые товарищи крайне нуждаются в прояснении их классового самосознания. Из речи т. Подвойского тотчас были сделаны практические выводы и для товарищеского непосредственного общения; все кронштадтцы были немедленно распределены по петроградским заводам и полкам.

Я был назначен в Преображенский полк, один из самых реакционных.

22-го апреля, с раннего утра, все кронштадтцы были на своих местах.

В казармах Преображенского полка, среди грязных нар, я заявил солдатам, что хочу устроить митинг.

Словно из-под земли передо мною вырос дежурный офицер и робко поинтересовался, на какую тему я думаю говорить. Узнав, что предмет моей речи политический—„О текущем моменте",—молодой офицер подозрительно спросил меня, не предполагаю ли я призывать солдат к выступлению на улицу. Я успокоил любознательного поручика, что в данный момент это в мою программу не входит.

Офицер воспрянул духом и проболтался о только что полученном приказе, воспрещающем выпускать солдат из казармы.

Офицерство Преображенского полка вообще было заметно растеряно и после двухдневных уличных демонстраций с волнением и страхом ожидало грядущих событий.

Вскоре солдаты собрались на митинг в большом зале. Большинство аудитории составляли пожилые солдаты, почти сплошь бородачи, отцы семейства. Поднявшись на импровизированную эстраду, я начал агитационную речь. Содержание ее сводилось к оценке положения, созданного предательской политикой Временного буржуазного Правительства, и к изложению наших целей и задач.

Пока я говорил на эту тему, все шло хорошо.

Солдаты слушали, хотя и без подъема, но во всяком случае спокойно и равнодушно, словно соблюдая нейтралитет. Однако, стоило мне только упомянуть имя товарища Ленина и перейти к выяснению его взглядов, как меня перебили громкими выкриками: „Долой, немецкий шпион!"

Я повысил голос и, доходя почти до крика, продолжал перечисление заслуг Ленина перед революционным движением.

Тогда группа непримиримых, с шумом, громко топая сапогами, вышла из залы.

Однако, большинство осталось слушать и терпеливо дало докончить речь. По окончании, раздались даже апплодисменты.

Несколько офицеров, как куры на нашесте, сидели на окнах и злобно держались в отдалении от солдат и от ораторской трибуны, словно подчеркивая свое нежелание смешиваться с толпой. Однако, за пределы враждебных, уничтожающих взглядов их демонстрация не пошла.

Преображенский полк справедливо считался тогда одной из опор контр-революционного Временного Правительства.

Короткое пребывание среди преображенцев показало мне, что дела контр-революции обстоят не так уж блестяще. В лице Преображенского полка она не имела твердой опоры, симпатии к буржуазии не были прочными и базировались на безграничной отсталости отцов семейства крестьян—бородачей, оторванных от сохи.

Чувствовалось, что вскоре придет настоящий день, когда революция дойдет, наконец, до их закорузлого мозга и прояснит даже их политическое сознание.

Самые отсталые гвардейские части мало-по-малу начинали выходить из-под влияния своего белогвардейского офицерства и покидать Временное Правительство.

После апрельских дней это особенно резко стало бросаться в глаза. Исторические события 20-21 апреля сыграли роль этапа в этом сложном процессе.

Они послужили прообразом 3-5 июля, как Июльские дни, в свою очередь, были прообразом Великого Октябрьского Бунта.

Ф. Раскольников.

На улицах Петрограда 21 апреля [1]).

Волнение, вызванное опубликованием ноты Временного Правительства от 18 апреля, не утихало в течение всего вчерашнего дня. Дело доходило до вооруженных столкновений.

Во всех этих столкновениях зачинщиками выступали черносотенцы, уже давно подготовлявшие свои выступления и подкупавшие наиболее податливых людей. Они использовали в своих целях возбуждение толпы, сваливая потом все на ленинцев и призывая к активной борьбе с ними.

Демонстрации начались в центре города сторонниками Временного Правительства. Сначала они были очень незначительны. Много учащихся средних учебных заведений, барышень и представителей „чистого общества" завсегдатаев Невского. Плакаты: „Да здравствует Временное Правительство", „Да здравствует П. Н. Милюков" и пр.

Разбрасывались и расклеивались прокламации от имени партии „Народной свободы", призывавшие к манифестациям с выражением доверия Временному Правительству. Были и другие прокламации от представителей Петроградского гарнизона, выражавшие доверие лишь Сов. Р. и С. Д.

На некоторых плакатах были надписи: „Долой Ленина", „Арестовать Ленина" и пр., имя Ленина раздавалось во всех падежах по Невскому проспекту. Слышались даже призывы итти немедленно к Мариинскому дворцу и требовать от Временного Правительства указа об аресте Ленина, того самого Ленина, которого столько раз арестовывало и высылало правительство Николая Кровавого.

На Ленина сыпались гнусная ложь и клевета. Искажая его взгляды, его выставляли, как мишень для нападок. Удобнее и безопаснее клеветать на одного человека, чем на выборных рабочих и солдат.

Демонстрации, выражавшие недоверие Временному Правительству, начались с полудня. Процессия части Выборгского района днем, другая, более грандиозная, двигалась по Невскому проспекту к вечеру. Демонстрировались и другие районы, Петроградский, II городской и пр. Толпы рабочих, среди которых было очень много женщин, несли плакаты и знамена с надписями: „Вся власть Совету Р. и С. Д.", „Долой Временное Правительство", „Мы за немедленный мир без аннексий и контрибуций" и пр.

При встрече враждебных демонстраций происходили столкновения.

Мирная манифестация Выборгского района с плакатом: „Долой Временное Правительство", „Да здравствует С. Р. и С. Д," шла по Невскому проспекту с пением Марсельезы. В ней было много рабочих, между прочим и с завода Лесснер и женщин.

На углу Садовой ул. из вагона проходившего трамвая какой-то субъект в форме офицера направил в толпу, проходившую под этим флагом, револьвер. Милиционеры Выборгской стороны, шедшие с этой же манифестацией, взяли винтовки на прицел, но не стреляли. В это время с панели от „Вечернего Времени" отделилось несколько человек в солдатских формах — и произвели выстрелы по рабочей манифестации.

---

[1]) „Правда" № 39, 6 мая (23 апреля ст. ст.), 1917 г.

В последних манифестациях появлялось очень много солдат с фронта— защитников лозунга: „Войны до полной победы". Но каково же было удивление окружающих, когда при требовании к предъявлению некоторым из них показать удостоверение — эти воины показывали — паспорт.

Разве теперь выдают солдатам паспорта взамен воинских удостоверений? „Чистая публика" бросилась на толпу женщин-работниц, вырвала и разорвала их знамя.

Около 3 часов дня на углу Невского пр. и Екатерининского канала собралась большая толпа, обсуждавшая текущие события.

Скоро началась свалка, послышались выстрелы. В результате трое убитых и двое раненых.

Около 4 часов дня на Казанской ул. произошло столкновение двух враждебных демонстраций.

С одной стороны шли вооруженные рабочие, работницы и „частная публика", впереди несли плакат с надписью: „Долой Временное Правительство". Навстречу шла другая демонстрация с плакатом: „Доверие Временному Правительству!".

Когда все демонстрации подошли вплотную друг к другу, то офицер и сестра милосердия, шедшие впереди правительственной демонстрации, подбежали к плакату с враждебной им надписью и разорвали его. Вслед за этим раздались выстрелы. Казалось выстрелы были со стороны—с тротуара или, может быть, из окна.

Произведенными выстрелами оказались тяжело ранены двое солдат и одна женщина.

Рабочие Петербургского и некоторых других районов направились от Народного дома через В. О. к Невскому пр. Толпа выросла до 10—12 тысяч, шла с пением революционных песен и возгласами: „Всю власть Совету Р. и С. Д.". На углу Садовой и Невского сомкнутая цепь из юнкеров и студентов пыталась задержать демонстрантов, но была прорвана простым напором толпы. Когда демонстрация завернула по Садовой, то на углу Итальянской раздались выстрелы в тыл: как утверждают очевидцы, стреляли городские милиционеры и юнкера. Выстрелы были произведены и одним юнкером из проходившего вагона трамвая, который неизвестно куда скрылся. Рабочие красногвардейцы ответили выстрелами. Большая часть манифестантов после стрельбы рассеялась, оставшаяся же часть (около 2—$2^1/_2$ тысяч) пошла на Петроградскую сторону и около Троицкого моста разошлась по приглашению районного Комитета.

Часов в 8 вечера, толпа рабочих тысяч в 18 двинулась от морского корпуса, где заседал Сов. Раб. и Солд. Депутатов, к Невскому проспекту с песнями и знаменами, на которых было между другими много надписей с лозунгами: „Да здравствует III Интернационал", „Да здравствует социализм", „Долой Временное Правительство", „Да здравствует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов". Стройно и мирно двигались демонстранты по Невскому, решив направиться к Петербургскому Комитету и выразить солидарность. С панели то и дело раздавались крики: „Ленинцы, провокаторы" и т. д.

В конце демонстрации шли рабочие II гор. района, Галерного островка и часть путиловцев.

Когда большая часть демонстрантов свернула уже на Садовую, часть, шедшая в конце, была отрезана трамваем и осталась на Невском.

Вдруг стали раздаваться крики: „Товарищи, знамя берут, знамя рвут, отнимают!". Одни хватали знамена, а рабочие не давали. Внезапно из дома, что на углу Садовой и Невского раздались два выстрела. Рабочие бросились к дому, сзади опять раздались выстрелы, и открылась беспорядочная стрельба.

Было дано около тридцати выстрелов, — в результате убитые и раненые. Кто первый выстрелил из дома, так и не удалось выяснить, но после окончания стрельбы, на панели виднелась местами кровь, и группы рабочих, волнуясь и негодуя, обсуждали вопрос, как быть дальше, как реагировать.

С трудом удалось товарищей уговорить разойтись спокойно по домам и не прибегать к эксцессам.

Большой митинг выражения доверия Временному Правительству происходил в течение двух часов у Казанского собора.

На Мариинской площади в течение всего дня беспрерывно происходили митинги, на которых произносились речи ораторами различных течений.

Около 5 часов дня в Михайловском артиллерийском училище была получена телефонограмма от главнокомандующего петроградским военным округом ген.-лейт. Корнилова о высылке двух училищных батарей на Дворцовую площадь.

Собрание офицеров и солдат училища, ознакомившись с телефонограммой, единогласно постановило: „Приказание ген. Корнилова не исполнять и пушек на Дворцовую площадь не давать".

Постановлено командировать делегатов для выяснения, с согласия ли Совета действовал генерал Корнилов.

Выяснилось, что приказ был издан без санкций Исполнительного Комитета С. Р. и С. Депутатов. Комитет просил передать, что его приказы будут даваться только письменно за подписью одного из членов Комитета.

Через два часа в училище был получен новый письменный приказ генерала Корнилова с отменой первого распоряжения о высылке пушек.

В 11 часов Невский пр. принял обычный вид.

Манифестации рабочих 22-го апреля.

Около 9 часов вечера на Невском, в связи с переживаемыми событиями, происходила грандиозная манифестация.

Рабочие и работницы Петроградской стороны, окончив работы на фабриках и заводах, пришли выразить свое отношение к Временному Правительству.

Многотысячная процессия, растянувшаяся на громадное расстояние, двигалась от Адмиралтейства к Знаменской площади. Во главе процессии шел отряд вооруженных солдат с офицером на коне, а за ним следовал большой отряд рабочей Красной гвардии, вооруженный винтовками.

В промежутках между отдельными колоннами манифестантов также шли отряды Красной гвардии.

Целый ряд знамен и плакатов с надписями: „Долой Временное Правительство", „Вся власть Совету Раб. и Солд. Деп.", „Мир без аннексий и контрибуций", „Да здравствует братство народов!".

Стройными рядами, с пением революционных песен двигаются рабочие батальоны. Воздух оглашался возгласами: „Долой Временное Правительство", „Долой Милюкова", „Долой империалистскую войну!".

Чтобы не задерживать движения трамваев, манифестанты стараются держаться одной стороны проспекта.

У Казанской площади процессия встречается с другой рабочей манифестацией, идущей из-за Невской заставы и также направленной против Временного Правительства.

Небольшая остановка. С обеих сторон несется „ура", несутся рабочие лозунги дня: „Долой Временное Правительство", „Вся власть Совету Раб. и Солд. Деп.!".

Нарвская манифестация шла в живой цепи, сделала поворот и присоединилась к Петроградской, составляя продолжение ее и замыкая ее. Вместе они двигаются дальше к Знаменской площади, и в вечерних сумерках долго еще видны рабочие знамена и слышно пение рабочей Марсельезы и Интернационала.

Из проходящих трамваев солдаты приветствуют демонстрантов криками „ура".

А. С.

Резолюции, принимавшиеся на фабриках и заводах.

Резолюция фабрики Скороход.

Мы, рабочие фабрики и завода т-ва „Скороход", собравшись 22 апреля 1917 года в количестве 6.000 человек, обсудив настоящее тревожное положение, видим, что темные силы, уже заявившие о своем существовании, угрожают посягнуть на основы порядка свободной России; поэтому, желая оградить интересы трудящихся масс, а также интересы общегосударственные, которые могут быть защищены лишь самим народом, постановляем:

Ходатайствовать перед Советом Р. и С. Д. о содействии нам в приобретении вооружения для организуемой нами в количестве 1.000 чел. Народной Красной Гвардии, и даем полномочия товарищам, избранным в С. Р. и С. Д., ходатайствовать перед Исп. Ком. Сов. Солд. и Раб. Депут. о скорейшей выдаче нам разрешения на приобретение и ношение оружия, а именно: винтовок 500 штук и револьверов 500 штук, которые доверяем получить уполномоченным товарищам.

Председатель (*подпись*)
Секретарь (*подпись*)

Из резолюции Охтенского порохового завода, принятой на митинге рабочих 16 апреля 1917 [1]).

По вопросу о войне и об отношении к Временному Правительству было решено требовать через С. Р. и С. Д., чтобы Временное Правительство приняло действительные меры к скорейшему прекращению войны и опубликовало бы все договоры, заключенные старым правительством с нашими союзниками; призывать рабочих всех воюющих стран свергать своих царей, правительства и буржуазию, затеявшую эту войну.

---

[1]) „Правда", № 38, суббота 5-го мая (22 апреля ст. ст.), 1917 г.

Дальше, в виду травли, лжи и клеветы, распускаемых буржуазной печатью против революционных соц.-дем., противников войны и их газеты „Правда", решено бойкотировать буржуазные газеты, распространять рабочую прессу и сделать сбор в пользу газеты „Правда".

Раб. „Русский Рено" [1]).

Мы, рабочие зав. „Русский Рено" на собрании 16 апреля 1917 года, обсудив данный момент, вынесли следующую резолюцию:

1. Требуем самым категорическим образом передачи власти из рук Временного Правительства в руки Совета Раб. и Солд. Депутатов.
2. Требуем немедленного опубликования тайных договоров, заключенных старым правительством с правительствами других стран.
3. Протестуем против задержки политических эмигрантов правительством Англии и требуем их пропуска.
4. Требуем лишения пенсий министров старого режима.
5. Протестуем против вывода революционных войск из Петрограда и его окрестностей без ведома Совета Рабоч. и Солд. Депутатов.
6. Протестуем против займа свободы, который поддерживает империалистические стремления буржуазии, и требуем средства на ведение навязанной буржуазией войны брать от самой же буржуазии.
7. Призываем бойкотировать буржуазную прессу, как-то: „Русская Воля", „Биржевые Ведомости", „Новое Время", „Петроградский Листок", „День", „Речь", „Маленькая Газета" и др.
8. Требуем конфискации помещичьих, удельных, кабинетских и монастырских земель.
9. Требуем организовать Красную Гвардию и вооружить весь народ.
10. Требуем выборного начала при занятии должностей в государстве.

Председатель собрания *И. Лебедев.*

За Секретаря *Ашкинази.*

Старый Парвиайнен.

РЕЗОЛЮЦИЯ.

Мы, рабочие завода „Старый Парвиайнен", обсудив на общезаводском собрании от 26 апреля в количестве 2.500 человек текущий момент, признаем:

а) что „Нота Временного Правительства", разъясненная для внутреннего успокоения, нисколько не изменяет сути дела, т.-е. война продолжается все так же во имя грабительских интересов господ капиталистов.

б) Члены Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, голосовавшие за „заем свободы", сделали недопустимую ошибку перед рабочими и крестьянами всего мира и своим голосованием способствовали усилению шовинизма во всех воюющих странах.

в) Требуем перерешить вопрос „о займе свободы", вместо которого необходимо конфисковать капиталы, заработанные капиталистами на этой кровавой войне.

г) Требуем опубликования договоров, заключенных правительством Николая Кровавого с капиталистическими правительствами Англии и Франции.

д) Протестуем против предполагающегося вхождения социалистов в буржуазное к о а л и ц и о н н о е министерство и считаем единственной властью — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

е) Протестуем против гнусного обвинения Временным Правительством рабочих в произведенных будто бы ими первых выстрелах 21 апреля в центральной части города.

ж) Протестуем против участия социалистов в конференции, организуемой Шейдеманами и другими ставленниками международного капитализма.

з) Требуем скорейшего созыва Учредительного Собрания.

Председатель *А. Ефимов.*

---

[1]) „Правда", № 37, пятница 4 мая (21 апреля ст. ст.), 1917 г.

Резолюция, принятая на собрании служащих петроградского почтамта [1]).

(в количестве 3 тысяч чел.) 16 апреля 1917 г. в зале Главного Почтамта.

1. Требуем от Временного Правительства опубликования всех тайных договоров, заключенных старым царским правительством с союзниками.

2. Требуем организации в скорейшем времени на местах Всероссийского Совета Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов.

3. Пока признаем и поддерживаем Совет Раб. и Солд. Депутатов, как единственный орган, защищающий интересы наемного труда (городского и сельского) во всех областях государственного и общественного устройства.

4. Широкое местное самоуправление на основе всеобщего избирательного права.

5. С. Р. и С. Д. должен выработать избирательный закон в Учредительное Собрание.

6. Немедленный Созыв Учредительного Собрания.

7. Приветствуем т. Ленина и рабочую газету „Правду", как старых поборников пролетарского движения, протестуем против травли буржуазных газет [2]).

Председатель Собрания *Федоров.*

Представитель П. К. Р. С. — Д. Р. П. *Ев. Бакунин.*

Уроки кризиса [3]).

Петроград и вся Россия пережили серьезный политический кризис, первый политический кризис после революции.

19 апреля Вр. Правительство приняло свою печально-знаменитую ноту, подтверждающую захватно-грабительские цели войны достаточно ясно, чтобы вызвать возмущение широких масс, добросовестно поверивших желанию (и способности) капиталистов „отказаться от аннексий". 20-го и 21-го апреля Питер кипел. Улицы были переполнены народом; кучки и группы, митинги разных размеров образовывались всюду днем и ночью; массовые манифестации и демонстрации продолжались непрерывно. Вчера 21 апреля, вечером кризис, повидимому, закончился или, по крайней мере, закончилась его первая ступень: Исп. Комитет Совета Р. и С. Д., а затем и Совет признали удовлетворительными „объяснения", поправки к ноте „разъяснения" правительства (сводящиеся к пустейшим, ровнехонько ничего не говорящим, ничего не меняющим, ни к чему не обязывающим фразам) — и признали „инцидент исчерпанным".

Признают ли широкие массы „инцидент исчерпанным", покажет будущее. Наша задача теперь внимательнее изучить силы, классы, отсюда уроки для партии пролетариата. Ибо великое значение всяких кризисов состоит в том, что они скрытое делают явным, отбрасывают условное поверхностное, мелкое, отметают прочь политический сор, вскрывают истинные причины действительно происходящей классовой борьбы.

---

[1]) „Правда", № 37, пятница 4 мая (21 апреля ст. ст.), 1917 г.

[2]) Аналогичные резолюции принимались на многих фабриках и заводах.

[3]) „Правда" № 39, воскресенье 6 мая (23 апреля ст. ст.) 1917 г. статья Ленина без подписи автора. Н. Ленин (В. Ульянов), собрание сочинений, том XIV, ч. I, Гос. Изд-во, Москва, 1921 г.

Правительство капиталистов, в сущности, только повторило 19 апреля свои прежние ноты, облекавшие империалистическую войну дипломатическими оговорочками. Массы солдат пришли в возмущение, ибо они добросовестно верили искренности и миролюбию капиталистов. Демонстрации начались, как солдатские демонстрации с противоречивым, несознательным, ни к чему не способным привести лозунгом: „Долой Милюкова!“ (точно перемена лиц или группок могла изменить суть политики).

Это значит, что широкая, неустойчивая, колеблющаяся масса, ближе всего стоящая к крестьянству, по научно-классовой характеристике мелкобуржуазная, колебнулась прочь от капиталистов на сторону революционных рабочих. Это колебание или движение массы, способной по своей силе решить все, и создало кризис.

Тогда сейчас же начали приходить в движение, выступать на улицу и организовываться не средние, а крайние элементы, не промежуточная мелкобуржуазная масса, а буржуазия и пролетариат.

Буржуазия захватывает Невский — „Милюковский“ по выражению одной газеты — проспект и соседние части богатого Питера, Питера капиталистов и чиновников. Манифестируют офицеры, студенты, „средние классы“ за Временное Правительство, из лозунгов часто попадается надпись на знаменах: „Долой Ленина“.

Пролетариат поднимается из своих центров — из рабочих предместий, организованный вокруг призывов и лозунгов Центр. Ком. нашей партии. Ц. К. принимает 20 и 21 резолюции, тотчас передаваемые через комитет организации массам пролетариата.

Рабочие манифестации заливают не богатые, менее центральные районы города, затем частями проникают на Невский. От демонстрации буржуазии резко отличаются более массовые, более дружные демонстрации пролетариев. Из надписей на знаменах: „Вся власть Совету Р. и С. Деп.“

На Невском доходит до столкновения. Рвут знамена „враждебных“ демонстраций. В Исп. Ком. телефонируют из нескольких мест о том, что с обеих сторон стреляли, что были убитые и раненые; сведения об этом крайне противоречивы и непроверены.

Буржуазия выражает свой испуг перед тем, как бы настоящие массы, действительное большинство народа, не взяло власть в свои руки, криками о „призраке гражданской войны“. Мелкобуржуазные вожди Совета, меньшевики и народники, — не имеющие ни после революции вообще, ни в дни кризиса в особенности никакой партийно-выработанной линии — дают себя запугать. В Исп. Комитете, в котором накануне число голосов против Временного Правительства доходило почти до половины, собирается 34 голоса против, 19 — за возврат к политике доверия к капиталистам и соглашательства с ними.

„Инцидент“ признан „исчерпанным“.

В чем суть классовой борьбы? Капиталисты за оттягивание войны, за прикрытие этой фразой и посулами, они запутались в сетях русского, англо-французского и американского банкового капитала. Пролетариат, в лице своего сознательного авангарда за переход власти к революционному классу, к рабочему классу и полупролетариям, за развитие всемирной рабо-

чей революции, растущей явно и в Германии, за окончание войны такой революцией.

Широкая масса преимущественно мелкобуржуазная, верящая еще меньшевистским и народническим вождям, насквозь напуганная буржуазиею и проводящая с оговорочками ее линию, колеблется то вправо, то влево.

Война ужасна; именно широкая масса всего тяжелее чувствует это; именно в ее рядах растет еще далеко не ясное сознание, что война эта преступна, что она ведется из-за соревнования и грызни капиталистов, из-за дележа их добычи. Всемирное положение запутывается все больше, исхода нет, кроме всемирной рабочей революции, которая сейчас впереди других стран в России, но нарастает явно (стачки, братанье) и в Германии. И масса колеблется: между доверием к старым господам, капиталистам, и озлоблением против них; между доверием к новому, открывающему путь в светлое будущее для всех трудящихся, единственному последовательно революционному классу — пролетариату и неясным сознанием его всемирно-исторической роли.

Не первое и не последнее колебание мелкобуржуазной и полупролетарской массы.

Урок ясен, товарищи-рабочие. Время не ждет. За первым кризисом последуют другие. Все силы отдайте делу просвещения остальных, массового, товарищеского, непосредственного (не только митингового) сближения с каждым полком, с каждой группой еще не прозревших трудящихся слоев. Все силы на собственное сплочение, на организацию рабочих снизу доверху, вплоть до каждого района, до каждого завода, до каждого квартала столицы и ее предместий. Не давайте сбить себя ни мелкобуржуазным „соглашателям“ с капиталистами, оборонцам, сторонникам „поддержки“, ни одиночкам, склонным торопиться и раньше прочного сплочения большинства народа восклицать: „Долой Временное Правительство“. Кризиса нельзя изжить насилием отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками „захвата власти“, „ареста“ Временного Правительства и т. д.

Лозунг дня: „Разъясняйте точнее, яснее, шире линию пролетариата, его путь к окончанию войны. Стройтесь крепче, шире повсеместно в пролетарские ряды в колонны. Сплачивайтесь вокруг своих Советов, внутри их товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь сплотить вокруг себя большинство“.

Н. Ленин.

10-е и 18-е ИЮНЯ.

Прокламация большевиков, расклеенная в рабочих кварталах 9 июня с призывом к мирной демонстрации [1]).

ВСЕРОССИЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТ. РАБ. ПАРТИЯ (б).

К о в с е м т р у д я щ и м с я, ко всем рабочим и солдатам Петрограда.

ТОВАРИЩИ!

Тяжелые испытания переживает Россия.

Война, уносящая миллионы жертв, все еще продолжается.

Ее намеренно затягивают наживающиеся на войне м и л л и о н е р ы - б а н к и р ы.

Промышленная разруха, вызванная войной, ведет к приостановке заводов, к безработице. Ее намеренно обостряют жадные до сказочных барышей л о к а у т ч и к и - к а п и т а л и с т ы.

Недостаток хлеба и прочих продуктов становится все ощутительнее. Дороговизна душит население. А цены все растут во имя прихотей м а р о д е р о в - с п е к у л я н т о в.

Зловещий призрак голода и разрухи носится над нами...

В то же время надвигаются черные тучи контр-революции.

Третьеиюньская Дума, помогавшая царю душить народ, требует теперь немедленного выступления на фронте, — для чего? Для того, чтобы потопить в крови добытую свободу.

Государственный Совет, поставлявший царю министров-вешателей, плетет в тиши предательскую петлю, прикрываясь именем закона, — для чего? Для того, чтобы в удобную пору выйти на свет и накинуть её на шею народу.

А Временное Правительство, поставленное между царской Думой и Советом Депутатов, с 10 буржуа в своем составе, явно подпадает под влияние помещиков и капиталистов.

Вместо обеспечения прав солдат — „декларация" Керенского, нарушающая эти права в ряде очень важных пунктов.

Вместо закрепления вольностей, добытых солдатами в дни революции, — новые „приказы", грозящие каторгой.

Вместо закрепления свободы, добытой гражданами России, — аресты без суда и следствия, новые предположения о 129-й ст., грозящие каторгой.

Вместо борьбы с контр-революцией — попустительство разгулу и вакханалии контр-революционеров.

А разруха все растет, и никаких мер против нее.

---

[1]) Вера Владимирова. „Революция 1917 г.". Том III, Гос. Изд-во, Москва, 1924 г. Приложение № 11, стр. 268.

А война все идет, и никаких действительных мер для ее прекращения.

А голод все надвигается, и—никаких действительных мер против него.

Можно ли удивляться, что контр-революционеры все наглеют, подбивая правительство на репрессии против солдат, матросов, рабочих, крестьян?

Товарищи! Молча терпеть дальше такие порядки нельзя! Молчать после всего этого преступно!

Протест уже начинается в глубинах рабочих.

Мы—свободные граждане, мы имеем право протестовать, и мы должны воспользоваться этим своим правом, пока не поздно.

Право мирной демонстрации остается за нами. Выйдем же на мирную демонстрацию и поведаем о своих нуждах и желаниях!

Пусть взовьются сегодня победные знамена на страх врагам свободы и социализма!

Пусть наш клич, клич сынов революции, облетает сегодня всю Россию на радость всем угнетенным и порабощенным!

Рабочие! Присоединитесь к солдатам и поддержите их справедливые требования: разве не помните как они поддерживали вас в дни революции?

Все на улицу, товарищи!

Солдаты! Протяните руки рабочим и поддержите их справедливые требования: сила революции в союзе солдат и рабочих. Ни один полк, ни одна рота не должны сидеть сегодня в казарме!

Все на улицу, товарищи!

Стройными рядами шествуйте по улицам столицы.

Спокойно и уверенно, как подобает сильным, заявите о своих желаниях:

Долой царскую Думу!

Долой Государственный Совет!

Долой десять министров-капиталистов!

Вся власть Всероссийскому Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!

Пересмотреть „декларацию прав солдата"!

Отменить „приказы" против солдат и матросов!

Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов!

Да здравствует контроль и организация промышленности!

Пора кончить войну! Пусть Совет Депутатов объявляет справедливые условия мира!

Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с французскими и английскими капиталистами!

Хлеба! мира! свободы! [1])

---

[1]) По настоянию меньшевистского эс-эровского Совета Р. и С. Д. мирная демонстрация, назначенная Центр. Комитетом большевиков на 10-е июня, была запрещена, почему Ц. К. дал спешное распоряжение об ее отмене, что вызвало большое недовольство в районах.

Речь тов. Ленина на закрытом заседании Петроградского Комитета с.-д. большевиков, 11-го июня 1917 года.

Означенная речь представляет из себя не стенограмму — это просто запись секретаря, найденная в протоколах П. К. того времени. Но и в таком виде она представляет большой интерес.

Тов. Ленин выступает в защиту Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б) по вопросу об отмене нашей демонстрации 10 июня.

Тов. Ленин соглашается, что недовольство большинства товарищей отменой демонстрации весьма законно, но поступить иначе Ц. К. не мог по двум основаниям: 1) мы получили формальное запрещение демонстрировать со стороны полуоргана власти; 2) это запрещение было мотивировано: „нам известно, что вашим выступлением хотят воспользоваться притаившиеся силы контр-революции". В подкрепление мотивировки нам назвали имена — например, одного генерала, которого обещали через три дня арестовать, и другие, заявили, что на 10-е июня назначена и демонстрация черносотенцев, которые должны были вмешаться в нашу демонстрацию и сделать из нее побоище.

Даже в простой войне случается, что назначенные наступления приходится отменять по стратегическим причинам, тем более это может быть в классовой борьбе, в зависимости от колебания средних мелких-буржуазных слоев. Надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях.

Отмена явилась безусловной необходимостью, что доказывается дальнейшими событиями. — Сегодня Церетели произнес свою историческую и истерическую речь. Сегодня революция вступила в новую фазу своего развития. Они начали с запрещения нашей мирной демонстрации на три дня, хотят запретить на все время Съезда, они требуют от нас подчинения решению Съезда и грозят нам исключением из состава Съезда. Но мы заявили, что предпочитаем быть арестованными, но не отказываемся от свободы агитации.

Церетели, показавший себя в своей речи явным контр-революционером, заявил, что с большевиками надо бороться не словами, не резолюциями, а надо их лишить всех имеющихся в их руках технических средств. Итог буржуазных революций: вначале вооружить пролетариат, потом обезоружить, чтобы он не пошел дальше. Если понадобилось запрещение мирной демонстрации, то положение очень серьезное.

Церетели, явившийся на Съезд из недр Временного Правительства, выразил ясное желание обезоружить рабочих. Он проявил дикое бешенство, он требовал, чтобы большевики были партией, стоящей вне рядов революционной демократии. Рабочие должны трезво учесть, что о „мирной демонстрации" теперь речи быть не может. Положение гораздо серьезнее, чем мы предполагали. Мы шли на мирную демонстрацию, чтобы оказать максимум давления на решения Съезда — это наше право, — а нас обвиняют, что мы устроили заговор, чтобы арестовать правительство.

Церетели говорит, что, кроме большевиков, — контр-революционеров нет. Собрание, судившее нас, было организовано с особенной торжественностью из президиума Съезда, из Исп. К-та С. Р. и С. Д. в полном составе, из

Бюро фракций всех партий Съезда, и на этом собрании они выболтали нам всю правду, они объявляют нам наступление.

Ответом со стороны пролетариата может быть максимум спокойствия, осторожности, выдержки, организованности и памятования, что мирные манифестации — это дело прошлого.

Мы не должны давать повода к нападению, пусть нападают они, и рабочие поймут, что они делают покушение на самое существование пролетариата. Но жизнь за нас, и еще неизвестно, как удастся им нападение: на фронте стоят войска, дух недовольства у них очень силен, в тылу дороговизна, разруха и пр. Ц. К. не хочет произвести давление на ваше решение. Ваше право протестовать против действий Ц. К. законно, и ваше решение должно быть свободным [1]).

Демонстрация 18-го июня [2]).

„На улицу"—мощно разнеслось по рабочим кварталам Петрограда.

Пролетарская и солдатская масса построилась в ряды и выкинула лозунги революционной социал-демократии.

Еще за несколько дней до демонстрации по казармам, фабрикам, заводам и пролетарским организациям горячо обсуждались лозунги дня. Делалась оценка момента, выковывалось сознание масс. На улице над головами трехсот-четырехсот-тысячной пролетарской и солдатской массы реяли знамена с властными требованиями:

„Вся власть Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких (добавляли некоторые) депутатов", „Долой десять министров-капиталистов". „Контроль рабочих над производством", „Против политики наступления", „Вооружение всего народа и рабочих прежде всего" и „Хлеба, мира, свободы".

Много своеобразного бытового было выявлено на плакатах: „Земля крестьянам, фабрики рабочим, монахов и буржуазию в окопы",—говорили солдатские плакаты. „Всех буржуев в окопы, кормильцев домой"—требовали солдатки.

„Фракционная борьба не мешает единой борьбе рабочего класса", „Революционное знамя 1905 г."—заявляли рабочие. „Товарищ, поторопись", говорил русский солдат немецкому на одном из плакатов.

Только три-четыре плаката говорили о доверии Временному Правительству, за ними шли небольшие группы.

Дело не обошлось без инцидентов. Когда „Бунд", казаки и „Единство" со знаменами—„Доверие Временному Правительству" вышли с Марсова поля,

---

[1]) Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. (б). согласился с доводами Ленина.

[2]). Настроение рабочих и многих военных частей было приподнятое. Желая разрядить сгущенную атмосферу, эсеровско-меньшевистский Совет Раб. и Солд. Д. назначил на 18-е июня свою демонстрацию, но на деле она показала, что рабочие и солдаты были уже на стороне большевиков.

то толпа, не участвовавшая в демонстрации, ринулась на эти знамена, знамена порвали... Вот, вот была готова вспыхнуть свалка... Но стройные колонны какого-то полка и завода с музыкой „Марсельеза“ под большевистскими плакатами двинулись в беспорядочную, разгоряченную массу.

Это разрядило атмосферу. Подоспевший партийный автомобиль облегчил выход казакам с остатками знамени из толпы.

При входе на Марсово поле на высоких столбах были спущены три флага, средний „Доверие Временному Правительству“ — крайние пустые. „Доверие“ вызывало скептические насмешки демонстрантов, но ряды проходили... После демонстрации улица под флагом оказалась запруженной солдатами и рабочими.

— Кто вывесил флаг?

— Почему нет подписи организации? — кричали в толпе.

— Это флаг казенный, вывесило Временное Правительство, это оно само себе выражает доверие, — пронеслось в толпе.

Выступил солдат с теми же вопросами и недоумениями.

— Долой флаг! — прокатилось в толпе, — кто за „долой“?

Вся толпа подняла руки.

— Кто против? Поднялось три четыре руки.

Флаг спускают. Апплодирующая толпа жадно хватается за концы флага. Флаг трещит. „Доверие“ в один миг по кусочкам разлетается в толпе.

Андрей.

На демонстрации.

Ясный солнечный день. Бесконечная лента демонстрантов. Шествие идет к Марсову полю с утра до вечера. Бесконечный лес знамен. Закрыты все предприятия и заведения. Движение приостановлено. Мимо могил демонстранты проходят с наклоненными знаменами. Марсельезу и Интернационал сменяют „Вы жертвою пали“. От возгласов в воздухе стоит гул. То и дело раздаются: „Долой десять министров капиталистов, вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!“ В ответ со всех сторон несется громкое одобрительное ура.

Что бросается в глаза при обзоре демонстрации, — это отсутствие буржуазии и попутчиков. В отличие от манифестации в день похорон, когда рабочие терялись в море обывателей и мелких буржуа, демонстрация 18 июня была демонстрацией чисто пролетарской, ибо главными ее участниками были рабочие и солдаты. Кадеты еще накануне демонстрации объявили бойкот, заявив через свой Ц. К. о необходимости „воздержаться“ от участия в демонстрации. И действительно, буржуа не только не участвовали, — они буквально спрятались. Невский, обычно многолюдный и шумливый, в этот день был абсолютно чист от буржуазных завсегдатаев.

Короче, это была действительно пролетарская демонстрация революционных рабочих, ведущих за собою революционных солдат.

Союз рабочих и солдат против сбежавших буржуа при нейтралитете обывателя — таков внешний вид шествия 18-го июня.

Не манифестация, а демонстрация. Шествие 18-го июня не было простой прогулкой, манифестацией народа, чем безусловно являлась манифестация в день похорон. Это была демонстрация протеста, демонстрация живых сил революции, рассчитанная на перемену в соотношении сил. Крайне характерно, что демонстранты не ограничились одним лишь провозглашением своей воли, а потребовали немедленного освобождения т. Хаустова [1]) бывшего сотрудника „Окопной Правды". Мы говорим о всероссийской конференции военных организаций нашей партии, участнице демонстрации, потребовавшей от Исполнительного Комитета в лице Чхеидзе, освобождения т. Хаустова, при чем Чхеидзе обещал принять все меры к освобождению „сегодня же".

Весь характер лозунгов, выражающих протест против „приказов" Временного Правительства, против всей его политики, с несомненностью говорит о том, что „мирная демонстрация", из которой хотели сделать невинную прогулку, превратилась в могучую демонстрацию давления на существующее правительство.

Недоверие Временному Правительству. Бьющая в глаза особенность: ни один завод, ни одна фабрика, ни один полк не выставили лозунга „доверия" Временному Правительству. Даже меньшевики и эс-эры забыли (скорее не решились) выставить этот лозунг. Было у них все, что угодно: „Долой раскол", „За единство", „Поддержка Советов", „За всеобщее обучение" (не любо не слушай) — не было только главного, не было доверия Временному Правительству, хотя бы с хитрой оговорочкой „постольку, поскольку". Только три группы решились выставить лозунг доверия, но и те должны были раскаяться. Это группа казаков, группа „Бунда" и группа Плехановского „Единства". „Святая троица" острили рабочие на Марсовом поле. Двух из них рабочие заставили свернуть знамя (Бунд и Единство) при криках долой. У казаков, не согласившихся свернуть знамя, изорвали последнее. А одно безымянное знамя с „доверием", протянутое „на воздухе" поперек входа на Марсово поле, было уничтожено группой солдат и рабочих при одобрительных замечаниях публики: „Доверие Временному Правительству повисло в воздухе".

Короче — недоверие Правительству со стороны громадного большинства демонстрантов, при явной трусости меньшевиков и эс-эров выступить „против течения" — таков общий тон демонстрации.

Крах политики соглашения. Из всех лозунгов наиболее популярными были: „Власть Совету", „Долой десять министров-капиталистов", „Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами", „Да здравствует контроль и организация производства", „Долой Думу и Государственный Совет", „Отменить приказы против солдат", „Объявите справедливые условия мира" и проч. Громадное большинство демонстрантов оказалось солидарным с нашей партией. Даже такие полки, как Волынский, Кексгольмский, вышли под лозунгом: „Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов". Члены большинства Исполнительного Комитета, имеющие дело не с массой солдат, а полковыми комитетами, были искренно поражены этой неожиданностью.

---

[1]) Прапорщик, с.-д. большевик, однофамилец с.-д. меньшевика рабочего, б. члена 4-й госуд. думы.

Короче. Громадное большинство демонстрантов (всех участников 400 — 500 тысяч) выразило прямое недоверие политике соглашения с буржуазией — демонстрация прошла под революционными лозунгами нашей партии.

Сомнения невозможны: сказка о „заговоре" большевиков разоблачена в конец. Партия, пользующаяся доверием огромного большинства рабочих и солдат столицы, не нуждается в заговорах. Только нечистая совесть или политическая безграмотность могли продиктовать „творцам высшей политики" „идею" о большевистском „заговоре" [1]).

К. Ст.

Выборгский район [2]).

Стройными сомкнутыми рядами шел организованный пролетариат под звуки „Марсельезы", „Варшавянки", „Интернационала", которые играли оркестры и пели громкие голоса юношеских организаций и работниц.

Внушительная картина была на Выборгской стороне. Только здесь рядом со всем пролетариатом всего района, с левой стороны улицы шла жалкая группа в 200 — 300 человек с надписями на плакатах: „О единстве революционных сил" и „Долой фракционность!"

Впереди Выборгского района и под его плакатами шел Московский полк. Перейдя Литейный мост, шествие встретило весь Литейный район с плакатами профессиональных союзов и теми же надписями нашей партии на плакатах.

Приближаясь к Марсову полю, все манифестанты внезапно запели похоронный марш, и все головы обнажились. Шаги сами собой замедлялись, и так же опустились знамена. Запели — „Вечная память павшим борцам". Проходя могилы, толпа рабочих и солдат, стоявших за цепью, громко приветствовала всех проходивших лозунгами революционной социал-демократии и пропускала гробовым молчанием всех тех, у кого были плакаты с неопределенными лозунгами. Гробовым молчанием была пропущена и группа анархистов, шедшая за черным знаменем. Шествие замыкали Литовский, Волынский и др. полки.

Резолюция завода старый Парвиайнен от 15-го июня.

Мы, рабочие завода „Старый Парвиайнен", обсудив доклад т. Евдокимова на общем собрании обеих смен 15 июня, считаем политику соглашательства со своими отечественными капиталистами, а через них и с капиталистами всего мира — губительной для дела русской и международной революции, для дела мирового объединения пролетариата.

Мы зовем всех товарищей пролетариев и полупролетариев города, деревни и армии к решительному разрыву с политикой империализма и соглашательства с империализмом — политикой, направленной к понижению русской революции до роли покорной слуги и исполнительницы велений международного капитала. Русская революция, зовущая трудящихся всего мира к борьбе с капиталистами, должна дать достойный пример этой борьбы в выдержанном законченном виде ее. Долой власть капиталистов: Да здравствует власть революционного пролетариата и крестьянства. Долой политику бессилия, политику соглашательства.

---

[1]) и [2]) „Правда", вторник 20 июня (3 июля н. ст.) 1917 г.

с всемирными грабителями. Да здравствует политика силы, политика решительной борьбы за свободу трудящихся всего мира! За мир всего мира! Мир хижинам, война дворцам. Во имя этой великой борьбы мы считаем необходимым немедленно провести в жизнь ряд мер, выражаемых в следующих лозунгах: Долой контр-революцию, долой 10 министров-капиталистов, долой „союзных-империалистов", стоящих за организующиеся контр-революции Долой капиталистов, организующих итальянские забастовки и скрытые локауты. Вся власть С. Р. и К. Д. Да здравствует контроль рабочих над производством и распределением продуктов Долой недемократические пункты в декларации прав солдата. Против расформирования революционных полков. Против разоружения рабочих. Да здравствует вооружение всего народа и рабочих прежде всего. Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с английскими и французскими капиталистами. Немедленное опубликование Советом действительно справедливых условий мира. Против политики наступления. Хлеба. Мира Свободы. 1) Во имя победы пролетарско-крестьянской революции, во имя революции, во имя победы рабочего над капиталистами, крестьянина над помещиком, мы под этими лозунгами пойдем на демонстрацию 18 июня. 2) Требуем освобождения т. Хаустова. 3) Самым категорическим образом протестуем против травли и зажимания рта С.-Д., большевикам и интернационалистам на Всероссийском Съезде Советов, против оскорбительного поведения на съезде по адресу большевиков т. Гегечкори и угроз т. Церетели.

Приняты единогласно.

Председатель *И. Шинкевич.*

Картинка с натуры [1]).

Колонны Выборгского района повернули на Садовую. К голове колонны подходит обывательский тип и спрашивает:

— А ленинцы есть?

— Нет у нас таких людей, — ему отвечают.

— Как нет?! А Ленин?

— Да Ленин ведь сам большевик.

— А большевики тут есть?

— Вот все, кого тут видите и кого еще увидите, все это большевики.

— Не может быть... Ведь так мирно проходят.

— Да, мирно.

— Неужели все это большевики?

И отошел любопытный обыватель к фонарному столбу, облокотился и провожал глазами стройно проходящие колонны большевиков.

Восемнадцатое июня [2]).

Восемнадцатое июня так или иначе войдет в историю русской революции как один из дней перелома.

Взаимное положение классов, их соотношение в борьбе друг с другом, их сила в особенности по сравнению с силой партии, — все это вскрылось воскресной демонстрацией так отчетливо, так ярко, так внушительно, что при всяком ходе, при всяком темпе дальнейшего развития выигрыш сознательности и ясности остается гигантским.

---

[1]) „Правда", вторник 20 июня (3 июля н. ст.) 1917 г.

[2]) „Правда" № 86, 20 июня (3 июля н. ст.) 1917 г. Статья Ленина без подписи автора.

Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках и показала с непререкаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска, в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией.

Мерная поступь рабочих и солдатских батальонов. Около полумиллиона демонстрантов. Единство дружного наступления. Единство вокруг лозунгов, среди которых гигантски преобладали: „Вся власть Советам", „Долой 10 министров-капиталистов", „ни сепаратного мира с немцами, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами" и т. п. Ни у кого из видевших демонстрацию не осталось сомнения в победе этих лозунгов среди организованного авангарда рабочих и солдатских масс России.

Демонстрация 18 июня стала демонстрацией сил и политики революционного пролетариата, указывающего направление революции, указывающего выход из тупика. В этом гигантское историческое значение воскресной демонстрации, в этом ее отличие принципиальное от демонстраций в день похорон жертв революции и в день 1-го мая. Тогда это было поголовное ч е с т в о в а н и е первой победы революции и ее героев, взгляд, брошенный народом назад на пройденный им наиболее быстро и наиболее успешно первый этап к свободе. Первое мая было п р а з д н и к о м пожеланий и надежд, связанных с историей всемирного рабочего движения, с его идеалом мира и социализма.

Ни та, ни другая демонстрация не задавались целью указать н а п р а в л е н и е дальнейшего движения революции и не могли указывать его. Ни та, ни другая не ставили перед массами и от имени масс конкретных, определенных, злободневных вопросов о том, куда и как должна пройти революция.

В этом смысле 18 июня было первой политической демонстрацией д е й с т в и я, разъяснением — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы, — разъяснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше.

Буржуазия попряталась. В мирной демонстрации, устроенной заведомым большинством народа, при свободе партийных лозунгов, при главной цели — выступить против контр-революции, в такой демонстрации буржуазия отказалась участвовать. Оно и понятно. Буржуазия, — это и есть контр-революция. Она прячется от народа, она устраивает настоящие контр-революционные заговоры против народа. Партии, правящие теперь в России, партии эс-эров и меньшевиков, наглядно показали себя в исторический день 18-го июня, как партии колебаний. Их лозунги выражали колебание, и за их лозунгами оказалось, — явно, очевидно для всех — меньшинство. Стоять на месте, оставить пока все попрежнему — вот, что о н и советовали народу своими лозунгами, своими колебаниями. И народ чувствовал, и они чувствовали, что это невозможно.

Довольно колебаний, — говорил авангард пролетариата, авангард рабочих и солдатских масс России. Довольно колебаний. Политика доверия капиталистам, и х правительству, и х реформаторским потугам, и х войне, и х политике наступления, — эта политика безнадежна. Крах ее недалек. Крах ее

неизбежен. Это будет крах и правящих партий эс-эров и меньшевиков. Разруха двигается все ближе. От нее нельзя спастись иначе, как революционными мерами стоящего у власти революционного класса.

Пусть народ порвет с политикой доверия капиталистам, пусть он окажет доверие революционному классу — пролетариату. В нем и только в нем источник силы. В нем и только в нем залог служения интересам б о л ь ш и н с т в а, интересам трудящихся и эксплоатируемых, задавленных войной и капиталом, способных победить войну и капитал!

Кризис неслыханных размеров надвинулся на Россию и на все человечество. Выход только в доверии самому организованному передовому отряду трудящихся и эксплоатируемых, в поддержке его политики.

Скоро ли будет понят народом этот урок и как он осуществлен, мы не знаем. Но мы твердо знаем, что вне этого урока выхода из тупика нет, что возможные колебания или зверства контр-революционерам ничего не дадут.

Вне полного доверия народных масс своему руководителю пролетариату выхода нет.

Н. Ленин.

III. ИЮЛЬСКИЕ ДНИ.

О конституционных иллюзиях [1]).

Большевики 2-го и 3-го удерживают от выступления. Это признал д а ж е свидетель из „Дела Народа", рассказав о том, что было 2-го июля в Гренадерском полку, 3-го вечером движение переливает через край, а большевики составляют воззвание о необходимости придать движению „мирный и организованный" характер. 4-го июля провокационные выстрелы справа увеличивают число жертв стрельбы с обеих сторон: надо подчеркнуть, что обещание Исполн. Комитета расследовать события, выпускать дважды в день бюллетени и проч., и проч. осталось пустым обещанием! Ровно ничего эс-эры и меньшевики не сделали, д а ж е, — полного списка убитых с обеих сторон они не опубликовали!!

4-го ночью большевики составили воззвание о прекращении выступлений и тою же ночью оно напечатано в „Правде". Но в эту самую ночь начинается, во-первых, приход контр-революционных войск в Питер (видимо, по призыву или с согласия эс-эров и меньшевиков, их Советов, при чем, конечно, об этом „деликатном" пункте до сих пор, по миновании самомалейшей надобности в тайне, больше всего и строже всего хранят молчание!). Во-вторых, в эту же ночь начинаются погромы большевиков отрядами юнкеров и тому подобная, действующими по поручению командующего войсками Половцева и генерального штаба. С 4-го на 5-е громят „Правду". 5-го и 6-го громят ее типографию „Труд", убивают рабочего Воинова среди белого дня за то, что он выносил „Листок Правды" из типографии, производят обыски и аресты большевиков, разоружают революционные полки.

---

[1]) Отрывок из брошюры под заглавием „К моменту", вышедшей в конце июля 1917 г. За подписью Н. Ленин. То-же самое, но под заглавием „О конституц. иллюзиях". Т. XIV, ч. 2-я. Собр. соч. Ленина.

Кто начал все это выполнять? Не правительство и не Совет, а контр-революционная военная шайка, сконцентрированная около генерального штаба, действующая от имени „контр-разведки", пускающая в ход фабрикат Переверзева и Алексинского, дабы „поднять ярость" войск и так далее.

Правительство отсутствует, Советы отсутствуют; они дрожат за свою собственную судьбу, они получают ряд сообщений, что казаки могут прийти и разгромить их. Черносотенная и кадетская пресса, проведшая травлю против большевиков, начинает травлю против Советов.

Эс-эры и меньшевики связали себя всей своей политикой по рукам и по ногам. Как связанные люди, звали они (или терпели призыв) контр-революционные войска в Питер. А это связало их еще более. Они скатились на самое дно отвратительной контр-революционной ямы. Они трусливо распускают свою собственную комиссию, назначенную расследовать „дело" большевиков. Они подло выдают большевиков контр-революции. Они униженно участвуют в демонстрации похорон убитых казаков, целуют таким образом руку контр-революционерам.

Они связанные люди. Они на дне ямы.

Они мечутся, отдавая портфель Керенскому, идя в Каноссу к кадетам, устраивая „Земский собор" или „коронацию" контр-революционного правительства в Москве. Керенский увольняет Половцева.

Но эти метания остаются метаниями, нисколько не меняя сути дела. Керенский увольняет Половцева и в то же время оформливает, узаконяет меры Половцева, его политику, закрывает „Правду", вводит смертную казнь для солдат, запрещение митингов на фронте, продолжает аресты большевиков (даже Коллонтай!) по программе Алексинского.

„Сущность конституции" в России определяется с поразительной ясностью: наступление на фронте и коализация с кадетами в тылу сваливает эс-эров и меньшевиков в яму контр-революции. На деле государственная власть переходит в ее руки, в руки военной шайки. Керенский и правительство Церетели и Чернов лишь ширма ей, они вынуждены задним числом узаконять ее меры, ее шаги, ее политику.

Торговля Керенского, Церетели, Чернова с кадетами имеет второстепенное, если не десятистепенное значение. Победят ли кадеты в этой торговле, продержатся ли еще Церетели и Чернов „одни", суть дела не изменится, поворот эс-эров и меньшевиков к контр-революции (поворот, вынужденный всей их политикой с 6 мая) [1]) остается основным, главным решающим фактом.

Цикл партийного развития завершился. Эс-эры и меньшевики катились со ступеньки на ступеньку, от „доверия" к Керенскому 28 февраля к 6 мая, привязавшего их к контр-революции, к 5 июля, когда они скатились к ней донизу.

Начинается новая полоса. Победа контр-революции вызывает разочарование масс в партиях эс-эров и меньшевиков и открывает дорогу для их перехода к политике поддержки революционного пролетариата.

Н. Ленин.

---

[1]) 5-го, 6 мая 1917 г. сформировалось коалиционное правительство.

Из дней 1917 года [1]).

(Из воспоминаний.)

После мартовской революционной амнистии 1917 г. я вернулся в Петроград и поступил на Путиловский завод и одновременно начал работу в Нарвском райкоме РСДРП (большевиков) на правах рядового члена партии. В то время эс-эры и меньшевики были, что называется, в большом „фаворе", в особенности на Путиловском заводе эс-эровщина пустила глубокие корни среди более обеспеченных в материальном отношении высоко квалифицированных рабочих, превозносивших эс-эровскую партию и героев ее Чернова, Спиридонову, Камкова и других, которые довольно часто появлялись на заводе.

В то же время в Нарвском райкоме РСДРП (большевиков) появился молодой человек с орлиным взглядом, в очках, в сером костюме, который при первом своем выступлении в райкоме невольно обратил на себя внимание простотой своей речи и ясностью высказываемой им мысли. Это был, ныне покойный, т. Володарский. Можно утвердительно сказать, что с момента его появления в Нарвском районе на Путиловском заводе почва под ногами господ эс-эров начала колебаться, и в течение каких-нибудь двух месяцев путиловские рабочие пошли за большевиками.

К тому же и в ряды ячейки РСДРП (б) на заводе стали вливаться новые члены из среды рабочих, и работа закипела.

Не лишним будет упомянуть про собрания на Путиловском заводе, происходившие в большинстве случаев в пушечной мастерской, где эс-эры, анархисты и меньшевики в лице Каплана, Блейхмана и др. вступали с большевиками в единоборство. И достаточно было появиться на таких собраниях ныне покойному Володарскому и Гр. Чудновскому, победа оставалась за большевиками.

Как известно на 10 июня 1917 года предполагалось выступить на улицу с целью осмотра сил. Перед этим днем эс-эры и меньшевики всячески запугивали рабочих, чтобы последние не шли на эту демонстрацию.

Здесь приходится отметить одну деталь предполагавшегося выступления на 10-е июня.

Накануне этого дня вечером в помещении Нарвско-Петергофского райкома большевиков на бывш. Новосивковской улице, в д. № 23, состоялось совещание райкома по вопросу о выступлении и было предложено в день выступления перед началом работ на Путиловском заводе устроить митинг, на котором должен был сделать доклад т. Троцкий. После окончания совещания т. Володарский написал на своей визитной карточке несколько слов т. Троцкому, просил его от имени райкома прибыть на митинг, поручив пишущему эти строки доставить эту записку и привести т. Троцкого на завод не позднее $6^1/_2$ часов утра, когда рабочие пойдут на работу. Пробыв до начала 5 часа утра в райкоме, я отправился на квартиру

---

[1]) „Красная Летопись", исторический журнал Ленинградского Бюро Истпарта № 9, 1923 г. Гос. Изд-во, Ленинград. Статья с измененным заглавием — „Боевые дни".

т. Троцкого, проживавшего в то время на Греческом проспекте, недалеко от Бассейной улицы, против сада (д. № не помню). Придя туда и вызвав т. Троцкого, я рассказал ему, зачем приехал, и передал записку, на которую т. Троцкий ответил: „А разве райкому неизвестно, что выступление постановлением Бюро ЦК партии отложено и переносится на другое число?". Получив это сообщение, я ушел обратно в район.

Приблизились Июльские дни. Будучи избран на партийную конференцию, которая должна была собраться во дворце Кшессинской и наметить пути дальнейшей партийной работы, мы не предвидели того, что придется нам встать во главе движения, которое вылилось помимо нашей воли. Точно не припомню дня, когда на вечернем заседании конференции должен был сделать доклад о международном движении т. Ленин. В этот день, перед перерывом на обед, к дому Кшессинской, где заседала конференция, подошла в полном вооружении воинская часть 1-го пулеметного полка. Явившийся в помещение конференции представитель полка просил предоставить ему слово для внеочередного заявления. Председательствовавший в этот день на конференции т. Володарский дал ему слово, и он сообщил конференции, что 1-й пулеметный полк вышел на улицы Петрограда, требуя передачи власти в руки советов, и предоставляет себя в распоряжение партии. В ответ на это, т. Володарский заявил, что этот вопрос для партии является неожиданным и что его надо обсудить, чтобы принять то или иное решение. Представитель полка тогда сказал, что он исполняет волю пославших и что его товарищи от своего постановления не отступят. На этом конференция была прервана, и было решено обсудить создавшееся положение в самом ЦК партии.

Кроме того, были получены сведения, что на Путиловском и других заводах идут заводские собрания, на которых рабочие постановили не уходить до тех пор из заводов, пока не получат ответа с конференции.

После окончания перерыва, президиум конференции объявил: „В виду того, что движение вылилось на улицу и приняло массовый характер, и для того, чтобы придать ему организованный характер, партия постановляет: взять в свои руки руководство движением, попытаться на улицу рабочих не выводить, для каковой цели выделяет для каждого района по два товарища с конференции".

В числе выделенных для Нарвского района значился пишущий эти строки и ныне покойный т. Чудин, с которым мы направились в Нарвский район, где, подъезжая, увидели, что по улицам уже разъезжают грузовики с вооруженными солдатами, с плакатами, с лозунгами: „Вся власть Советам".

Красная Гвардия района была в те дни немногочисленна, и перед нами встал вопрос — мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям, а потому должны быть во всяком случае вооруженными, хотя последнее было принято без санкции партии. Вопрос о вооружении стоял довольно остро. Источник оружия находился в руках правящих партий, т.-е. эс-эров и меньшевиков. Все вооружение Красной Гвардии нашего района состояло из полутора десятков винтовок и нескольких револьверов, находящихся на руках, плюс 30 с лишним ящиков пироксилиновых шашек, с которыми после пришлось долго возиться, в смысле их хранения. Не лишним будет сказать, что эти ящики

были привезены с баржи, стоявшей на реке Неве на Выборгской стороне, которая была „разгружена" ночью. Всех деталей этой разгрузки — не помню.

По приезде в район, а это было около 7-8 часов вечера, мы узнали, что большинство рабочих Путиловского завода находится в стенах завода, принято решение итти к Таврическому дворцу и ждут только результатов конференции. В силу последнего на завод отправился т. Чудин, сообщивший о решении конференции. Все усилия товарищей, убеждавших рабочих не выходить на улицу и воздержаться от демонстрации, успеха не имели, и вся масса путиловцев с женами и детьми в начале 10-11 часов вечера двинулась к Таврическому дворцу с лозунгом: „Вся власть Советам".

Как уже было сказано выше, Красная Гвардия Нарвского района была незначительна и не была достаточно вооружена, то вставший перед нами вопрос о вооружении требовал разрешения. Я знал, что рабочие района пошли к Таврическому дворцу, необходимо было принять меры к охране оставшегося их имущества, так как развившиеся грабежи и носившиеся слухи о том, что район будет подожжен, заставили нас серьезнее отнестись к этому и принять меры к охране. К тому же милицейская охрана была слаба и не внушала доверия. Многие лица из числа администрации этой охраны служили ранее на службе царского правительства.

Взяв несколько товарищей из красногвардейцев, мы отправились в управление района милиции, что на Ушаковской улице, начальником коего состоял тогда эс-эр Шишков. Прийдя к последнему, мы потребовали выдачи свободного оружия, на что он всячески стал нам доказывать, что у него такового нет, что охрана поставлена хорошо, но, в конце концов, наши настойчивые требования заставили его выдать 14 винтовок австрийского образца, но без патронов. В этом факте выдачи винтовок без патронов выявилась вся эс-эровская тактика в отношении к рабочим и защите их интересов. Каково было наше удивление, когда ночью возвращавшиеся от Таврического дворца путиловские рабочие притащили пулемет „Максима" с пятью ящиками лент, который, по словам рабочих, им удалось отбить у вооруженной воинской части после ее угроз по адресу рабочих. Имея в своем распоряжении пулеметы „Максим", „Льюис" и несколько десятков винтовок, в том числе и полученных 14 австрийских, — мы радовались, как дети, имея столь ценное для нас в то время вооружение, и считали, что сможем дать отпор тому, кто попытался бы нарушить спокойствие рабочих.

Последующие события, однако, показали, что мы были правы, когда доказывали несвоевременность июльского выступления. Началась бешеная травля большевиков и их вождей, разгром юнкерами „Правды" и организаций на Васильевском Острове и убийство рабочих, симпатизировавших большевикам. Все эти дни пришлось быть, что называется на „чеку" и ждать прихода юнкеров и вызванных с фронта казаков, которые не замедлили бы произвести расправу. Июльские дни, показали нам то, что и в наших рядах были лица, которые, боясь за свою шкуру, „жевали партийные билеты" и открещивались от партии. Но, конечно, таких находилось немного, и мы рады были, что они не будут связывать нам руки и путаться в ногах.

Невольно встает перед глазами светлый облик т. Григория Самодеда, рабочего шрапнельной мастерской Путиловского завода, ныне покойного,

погибшего смертью героя на Северо-Двинском направлении под Архангельском, в 1919 г., который, находясь в охране района в Июльские дни, говорил. что только трусы и шкурники могут оставить в эти тяжелые дни партию, И райком, и мы, оставшиеся (не более двух десятков человек), дали клятву, что, только переступив через наши трупы, враги могут разгромить наш райком. Да и вряд ли они попытались бы показаться в районе, ибо это было бы вызовом всему Путиловскому заводу, насчитывающему в то время 36 тысяч пар мозолистых рук.

Все эти дни мы жили оторванно от центра нашей партии и товарищей: В. Кассиор, Гессен, Иткина и др., были единственной живой связью между Райкомом и Петербургским Комитетом Партии.

Но, вот после тяжелых бессонных ночей дежурства в райкоме пришел приказ Петербургского Комитета Партии РСДРП (б) немедленно разоружиться и спрятать оружие, а рабочим итти на завод и начать работать в мастерских. Это приказание, как оно было для нас ни тяжело, пришлось выполнить. Винтовки были запрятаны и розданы надежным членам партии, пулеметы: „Льюис", обмазанный салом, пришлось зарыть в землю, а с пулеметом „Максим" пришлось долго возиться, так как он был тяжел и его приходилось разбирать и прятать по частям, ствол в одно место, тележку зарыть в саду в землю, закрыв сухими листьями, а ящики с пироксилиновыми шашками, частью свезли в совет, а остальную—на Путиловский завод, где в то время был наш завком в лице председателя его т. Антона Васильева. И только по окончании этой работы мы возвратились на завод к станкам.

На заводе нам пришлось не сладко. Господа эс-эры и их подпевалы начали всячески травить нас, называя агентами германского правительства, и пишущему эти строки даже не дали говорить на собрании в мастерской. Называли, кроме того, убийцами и предателями родины и виновниками пролитой крови в Июльские дни. Приходилось напрягать всю силу самообладания и выдержки, доказывать, что наступит время, когда они воочию убедятся, кто их друзья и враги. Не забыть тот день, а это было вскоре после июльских событий, когда наш райком назначил общее собрание членов партии большевиков района. Собрание было назначено в помещении столовой Путиловского завода напротив районного комитета эс-эров (Марьина роща). Мы все время собрания ждали с минуты на минуту разгона собрания, но, повидимому, наши враги не рискнули этого сделать, и т. Володарский, делая доклад, говорил, что как бы нам ни было тяжело, наступят более лучшие времена, когда мы будем вновь вести рабочие массы в бой против буржуазии и господ соглашателей.

Прошло немного времени, как началась выборная кампания в муниципальные, районные и центральную думу, и здесь мы опять, несмотря на наше поражение в Июльские дни, вели за собой массы, которые своими бюллетенями показали, что их симпатии на стороне большевиков. Так в Нарвско-Петергофскую районную думу мы ввели кажется 13 (точно не помню) большевиков, а в Центральной Думе наша фракция насчитывала в своих рядах 43-45 человек, в числе коих были: нынешний всероссийский староста т. М. Калинин, А. Луначарский, Мануильский (Безработный), нынешний посол С. С. С. Р. в Китае т. Иоффе, ныне покойный т. Володарский и многие

другие видные работники партии. Центральную Думу в то время возглавлял меньшевик А. А. Исаев, а в районной думе Нарвского района—эс-эр Б. Френкель.

В Корниловские дни районный совет Нарвско-Петергофского района, находившийся в д. № 9 по бывш. Новосивковской ул., представлял сборный пункт. Там происходило формирование отрядов из рабочих, их вооружение, после чего отряды направлялись в Гатчино и на Александровскую, навстречу корниловским войскам.

Подъемное революционное настроение царило и среди оставшихся рабочих на Путиловском заводе, где в то время шла работа по изготовлению пушек и снарядов. В те дни рабочие работали по 16 часов в сутки. За первые дни „корниловщины" было собрано около 100 пушек. Теперь, когда все это оказалось позади, с горечью приходится сожалеть, что многие факты исчезли из памяти, а о записи их в то время не могло быть и речи, да кроме того, напряженная работа, в особенности, в корниловские дни, затем формирование отрядов, дежурство в райкоме партии, не позволяли уделять времени на какую-либо запись того, что происходило на глазах.

Рабочие прекрасно понимали, что власть из рук буржуазии не так легко взять и что для захвата ее необходима реальная сила в лице армии. Связь с последней хотя и существовала через „Военку", но не была еще достаточно хорошо поставлена, и входившие в „Военку" Вл. Невский, Н. Подвойский, Механошин и др. товарищи учитывали это положение и старались расширить связь, в особенности, на фронте. Кроме того, после июльского поражения на „Военку" посматривали не очень дружелюбно, не только товарищи из верхов нашей партии, но и некоторые районные партийные комитеты. Все это вместе взятое до некоторой степени и отражалось на работе „Военки". Ошибки и промахи старательно исправлялись и связь с армией ширилась.

Приходится отметить, что многие наши партийные товарищи плохо понимали военное дело. Так, когда на заседании ПК и ЦК совместно с ответственными работниками, происходившем 15-го октября 1917 года, ставился вопрос о захвате власти, то, говоря в докладе с мест т. Гессен (от Нарвского района), сообщая о вооружении, говорил о гранатах, находившихся в районе. А эти гранаты были... пироксилиновые шашки, упоминаемые мною выше, и представлять из себя предметы вооружения в то время ни в коем случае не могли, так как для использования их необходимо было присутствие сведущего лица.

Ход дальнейших событий и факты улетучились из памяти, если не считать заседаний фракции большевиков в Смольном (точно не помню, кажется, в 32 комнате), где обсуждались доклады о настроении воинских частей питерского, лужского и др. гарнизонов. Доклады т. Володарского и Слуцкого [1]) более ярко остались в памяти. Они говорили о том, что настроение в воинских частях в нашу пользу и что войска готовы выступить. Возражавший им т. Рязанов не считал своевременным начать выступление, но он остался в меньшинстве.

[1]) Замучен и убит белыми в Крыму.

Но вот собрался второй съезд Советов. Придя в Смольный в зал заседания, где происходил Съезд, я услышал знакомую речь, то говорил Ильич, выступавший в первый раз после пребывания в подполье с Июльских дней. Его слова вселяли непоколебимую бодрость и уверенность в правоту рабочего класса, и чувствовалось, что под его руководством пролетариат победит.

А. Миничев.

„Июльские дни".

(Воспоминания.)

В Июльские дни 1917 г. я работал в особняке Кшессинской, заведывал подпиской на газету Военной Организации Р. С. Д. Р. Партии (б) „Солдатская Правда".

До Июльских дней в особняк приходило очень много рабочих за всевозможными советами и указаниями, особенно рабочие Выборгской стороны. Не мало наблюдалось публики с Невского в котелках и шляпках. Последние заходили во внутрь особняка, чтобы удовлетворить свое любопытство и узнать, что это за „большевистское гнездо".

В среде рабочих и солдат Питерского гарнизона тогда было большое недовольство Временным Правительством.

2-го июля вблизи особняка собралось много отдельных групп рабочих и солдат, которые горячо спорили между собою.

3-го июля питерский пролетариат выступил против буржуазного правительства, заявляя: „Долой войну, долой министров-капиталистов, вся власть Советам". Первым застрельщиком был Пулеметный полк с Выборгской стороны, часть авто-броневого дивизиона, дружно поддержанные рабочими массами.

Работа в Петербургском Комитете закипела. Стали прибывать к особняку рабочие с заводов и солдаты из воинских частей. Прибыли броневики. Все прибывающие горячо требовали указаний и распоряжений, заявляя: „Теперь мы в вашем ведении, приказывайте, что нам делать!"

В три часа дня 3-го июля я по распоряжению штаба выехал из особняка Кшессинской на броневике в город узнать, что происходит в центре. Броневик через Троицкий мост направился на Марсово поле. Переехав мост, мы увидели, что на Марсовом поле скопилась масса демонстрантов, которых казаки, с шашками наголо, разгоняли. С Миллионной улицы и набережной Невы слышалась стрельба. Когда наш броневик открыл пулеметный огонь по распоряжению старшего из отряда, казаки бросились бежать врассыпную. Переехав Марсово поле, мы направились по Садовой улице к площади Покрова, где все оказалось спокойно, но по Садовой улице, по направлению к Невскому, двигались вооруженные демонстранты. С Покровской площади мы возвратились на Невский и направились к Николаевскому вокзалу. По пути встречались вооруженные демонстранты и воинские части, которые, завидя наш броневик, провожали его дружными криками ура, так как на броневике был вывешен плакат: „Вся власть Советам". Возвращаясь по Невскому обратно, на углу Итальянской и Садовой мы заметили выстрелы по демонстрантам из окон. Броневик остановился, и стрельба прекратилась.

К вечеру особняк обратился в военный и укрепленный пункт. Кругом были расставлены пулеметы. Внутрь свозилось и сносилось оружие и патроны.

Поздно вечером к особняку прибыл отряд матросов.

В тот же день т. Еремеев, употребив дипломатическую военную хитрость, без особых затруднений занял Петропавловскую крепость. Комитет крепости был в большинстве своем на стороне большевиков.

Утром 4-го июля (к нашему несчастью и, благодаря саботажу телефонных барышень — особняк был выключен из телефонной сети. Настроение работавших в особняке сразу упало. Все бегали и суетились, не зная, что предпринять) в городе наблюдалось необычайное зрелище: улицы были переполнены вооруженными демонстрантами, рядовые же обыватели попрятались. Появились расклеенные по городу приказы Временного Правительства о подавлении якобы большевистского восстания, грозящие строгой карой всякому антиправительственному выступлению.

В ночь с 4 на 5 июля никто из работавших в особняке не спал.

Рано утром увидел я т. Ленина, который сидел на стуле в небольшой комнате особняка, возле него стояли т. Зиновьев и т. Свердлов. Лица т. Ленина и Зиновьева были очень озабочены. Причиной этой озабоченности было то, что т. Свердлов, как впоследствии я узнал, убеждал их скрыться и утверждал, что это необходимо, так как надеяться на Временное Правительство и меньшевиков не приходится.

Поздно вечером 5-го июля я, после двухнедельного отсутствия, пошел узнать, что делается дома. Переночевав на квартире, рано утром направился обратно к особняку Кшессинской, но, подойдя к Троицкому мосту, увидел, что мост разведен. Желая все же попасть в особняк, я пошел искать яличника, но попытки мои не увенчались успехом, так как яличника не нашел и возвратился обратно к мосту. Здесь увидал легковой автомобиль, в котором сидело несколько человек, а среди них Филипковский — оборонец, член Президиума ВЦК'а, остальных я не знал. Увидя меня, Филипковский заговорил со мною и, зная меня лично, спросил с насмешкой: „Ну что же вы теперь будете делать? Вам, повидимому, необходимо пройти в особняк Кшессинской? Но теперь там уже вам нечего делать".

Он уехал, а я остался у моста, окруженный собравшейся во время нашего разговора враждебной толпой; из толпы некоторые начали меня спрашивать, не большевик ли я, а также слышались возгласы убежденных в том, что я большевик: „Это германский шпион, у него должно быть много денег — нужно его обыскать".

Один из толпы бросился на меня и ударом по лицу сбил мою шапку.

Дежурный юнкер передал меня милиционеру, который препроводил меня в участок, помещавшийся на углу Итальянской и Садовой. За нами следовала толпа, которая остановилась у входа.

Милиционер сдал меня дежурному, рассказав, что я хотел перебраться через Неву в особняк Кшессинской; меня заперли в отдельную комнату.

Ночью в комнату привели нескольких товарищей, задержанных на Невском за большевистскую агитацию. Утром, после допроса, нас освободили, взяв с нас подписки о невыезде из города.

9-го июля, проходя по Невскому, я был неожиданно арестован неизвест-

ным субъектом, который препроводил меня в Штаб Округа. Штаб без всякого допроса перевел меня в Пересыльную тюрьму, где я встретил многих товарищей, среди которых оказался и т. Баландин. Просидев в тюрьме около 3-х недель без всякого допроса, я с другими товарищами был освобожден.

Между прочим, сидя в тюрьме, я по наивности написал письмо Филипковскому, как члену Президиума ВЦК'а, так как тот знал меня по нелегальной работе до Февральской Революции, с просьбой об освобождении, но получил отказ с характерной надписью: „Не нужно быть большевиком".

Случайно, после Октябрьского переворота, того же Филипковского я встретил арестованным в Смольном, он в разговоре со мною в присутствии т. Лашевича говорил, что большевики напрасно арестовывают невинных людей.

Вспомнив его ответ на мое письмо, я в свою очередь не остался в долгу и сказал ему: „Не нужно быть оборонцем-предателем и не были бы вы арестованы".

Ив. Духвинский-Осипов.

К Июльским событиям.

В самые дни Июльских событий 3—5 шла горячая схватка по всем улицам Петроградской стороны, где я был в то время. Меньшевики, эс-эры—партии предателей ловко собирали вокруг себя рабочих и всякий сброд и с пеной у рта старались убедить окружающих, что Ленин, Троцкий, Зиновьев и т. д. шпионы, присланные из Германии в запломбированных вагонах для водворения беспорядка, чтобы ввести в заблуждение рабочих, предать германцам нашу родину Россию и т. д. Но только эти лжецы предательской партии не имели успеха, истинные рабочие тут же разоблачали их и доказывали, что Ленин, Троцкий, Зиновьев и др. большевики—истинные защитники и вожди рабочих.

Эти господа, видя свое бессилие, удирали на другой уголок улицы, где также пели свои лживые песни, призывая поддерживать Временное Правительство, Керенского и других единомышленников.

В самые дни 3—5 июля, когда они на минуту почувствовали свою силу, то каждого, кто осмеливался говорить против Временного Правительства, они тащили в комендатуру. Но это им не удавалось, так как солдаты, братья рабочих с чрезвычайной храбростью быстро освобождали из рук предателей жертву и угрожали оружием, если они тронут рабочих и всех, кто за Советы.

Разъезжали автомобили, грузовики, наполненные разным предательским сбродом, нагруженные пулеметами, и разбрасывали листовки с воззванием за Временное Правительство. Но и это им не проходило свободно, их задерживали наши товарищи солдаты и рабочие, обезоруживали их, вступая с ними в бой.

Разъезжали грузовики с плакатами: „Ленин, Зиновьев, Троцкий,—шпионы Вильгельма—их надо в пломбированный вагон и обратно отправить в Германию" и т. д. Тут также давали им энергичный отпор рабочие с криком: „Долой предателей, да здравствует т. Ленин!"

Киккас.

Путиловский завод.

В пушечной мастерской Путиловского завода с утра 5-го июля ходили слухи, что состоится митинг у главной конторы завода на улице. Всех рабочих интересовало, кто будет оратором и о чем будут говорить. Товарищи, агитировавшие за митинг, отвечали, что министры-капиталисты хотят послать новые войска для срыва братания с германскими войсками на фронте. Узнав об этом, рабочие пришли в боевое настроение, говорили, что надо гнать военного министра с.-р. Керенского. Около 2-х часов дня рабочим сообщили, что приехала делегация от 2-й пулеметной команды, которая созывает митинг рабочих, а заводский комитет не решался на это. Рабочие, сгорая нетерпением, собрались у старой главной конторы завода, шумя: „Открывай митинг". Вошли солдаты, которые подтвердили слухи, заявив рабочим, что они получили приказ отправиться 4-го июля на фронт, но решили ехать не на германский фронт против германского пролетариата, а против своих министров-капиталистов.

Услышав это, собравшиеся рабочие (около 10 тысяч чел.) закричали: „Долой таких министров". Далее пулеметчики заявили, что они сегодня выступают в 4 часа на автомобиле с пулеметами. „Двинем, двинем",—закричали рабочие; члены заводского комитета пробовали убедить собравшихся, что надо действовать более организованно. Рабочие настаивали итти и вот в 4 часа собрались на улицах.

Я забежал в партийный районный комитет большевиков (Новосивковская ул.) и спросил товарищей, что будем делать. Тов. Гессен, Сергей, сказал, что выступать не будем, но оставить рабочих на произвол судьбы не можем, поэтому идем с ними вместе. В этот момент прибежал член районного комитета т. Чудин с вестью, что во всех районах рабочие выступают, придется партийным поддерживать порядок.

Собрались и мы—пошли. У Нарвских ворот народу масса, будто бы не осталось никого на квартирах. Женщины кричат: „Все должны итти, никто не должен оставаться. Мы будем охранять квартиры".

Некоторые из рабочих предложили итти в комендатуру и взять винтовки для защиты от юнкеров Керенского. Пришли в комендатуру на Обводный канал с просьбой к коменданту выдать винтовки. Комендант отказал, ссылаясь на распоряжение Временного Правительства, и заявил, что он окажет рабочим вооруженное сопротивление. Безоружные рабочие решили двигаться дальше. Пошли к Невскому. Тут на самом деле начали рабочим чинить препятствия интеллигенты, офицеры, студенты. Они врывались в наши ряды, вырывали наши знамена, на которых было написано: „Долой войну". Рабочие выталкивали буржуев опять на панель, а сами продолжали итти по Невскому. Тогда интеллигенты и прочие начали стараться рассеять выступивших, убеждая их, что это германские шпионы хотят впустить в Петроград германцев и похоронить революцию, которая так дешево досталась. Рабочие на это отвечали: „Это вам дешево досталась революция—спиной народа, а нам-то нет".

В сумерки выступившие рабочие приустали и стали расходиться; проходя обратно по Невскому, спорили с буржуазией и интеллигенцией, кое-кому попало от них и наоборот.

На другой день 4-го июля путиловцы выступили более организованно и без оружия.

4-го июля рабочие собрались в пушечной мастерской. На трибуну вышли члены Совета, некоторые из них говорили за войну, другие против и призывали рабочих продолжать манифестировать против войны более организованным порядком в мирной обстановке. На это рабочие согласились и собрались у Нарвских ворот. В этот момент явились приехавшие из Кронштадта матросы. Т. Семен Рошаль определенно заявил собравшимся, что матросы никогда не отстанут от рабочих, никому не позволят противиться, что матросы вместе с рабочими на улицах, и предложил демонстрировать без вооружения и поддерживать порядок. Собравшиеся у Нарвских ворот солдаты не пожелали итти без винтовок, и все тронулись. Когда рабочие подошли к Сенной площади, на колокольне „Спаса" начали звонить. Когда демонстранты подошли к Гороховой, раздался выстрел, другой, третий, как будто бы из пулемета. Солдаты подняли винтовки и дали залп по колокольне церкви. Выстрелы замолкли, и демонстранты опять пошли дальше. У Гостиного Двора на демонстрантов налетела компания юнкеров и студентов и выхватила было у них плакат. Рабочие сопротивлялись, получилась давка, кто-то выстрелил, пишущему эти строки разбили голову и сильно помяли ногами бока и грудь.

4-го июля рабочие пушечной мастерской судили-рядили на своем импровизированном митинге, кто виноват в стрельбе на улицах 3-го июля. Вечером 5-го июля члены партии собрались в Путиловской столовой. Т. Гессен предложил выяснить виновников выступления на заводе. Даже присутствовавшие на этом собрании беспартийные говорили, что виновником выступления рабочих на улицу надо считать само Временное Правительство.

Фабрика „Скороход".

С первых дней Февральской революции на фабрике „Скороход", под влиянием переворота, настроение среди рабочих было неопределенное, но вскоре первенствующую роль начали играть эс-эры. Затем, под влиянием большевиков, прибывших из ссылки и тюрем, настроение рабочих постепенно изменялось. Рабочие стали относиться недоверчиво к эс-эровским членам Совета, которых на фабрике было в I Совете — 4, а большевиков — 2.

Вскоре после этого была проведена кампания перевыборов в члены Петроградского Совета. Были выставлены два списка от большевиков и эс-эров. При тайной баллотировке в Совет прошли 5 большевиков и 1 эс-эр. После этого большинство рабочих фабрики пошло за большевиками.

После провокационного наступления 18-го июня на фронте, последний авторитет, который еще оставался у эс-эров на фабрике, был потерян.

Наступили Июльские дни. Помню, как один район за другим начали выступать. На фабрике „Скороход" вопрос о выступлении был выдвинут самими рабочими. Помню, как эс-эры лезли из кожи вон, настаивая на недопущении выступления.

5-го июля рабочие фабрики не пошли на работу. На дороге было устроено общее собрание, на котором было постановлено большинством, против небольшой группы эс-эров, выступать. В связи с таким настроением рабочих эс-эры не преминули мобилизовать все силы. Так на этот митинг на грузовом автомобиле прибыли эс-эры из военной организации. После этого митинга дня два члену Совета от фабрики эс-эру пришлось не являться на фабрику.

После собрания, забрав вооруженную охрану, стройными рядами, всей массой, до 4-х тысяч человек, рабочие пошли к Таврическому дворцу. К скороходовцам присоединились все кожевенники и рабочие обувных фабрик „Победа", „Столярова" и др.; металлисты за Московской заставой не выступали за исключением небольших групп.

Помню, как на второй день после выступления скороходовские эс-эры искали зачинщиков выступления и подавали сводки с фабрики в контрразведку, но это совершенно не повлияло на рабочих, наоборот, даже самые отсталые из них отвернулись от эс-эров; через некоторое время рабочие группами стали вступать в ряды большевиков.

До июля 1917 года на фабрике „Скороход" было членов партии большевиков около 100 человек, вскоре после Июльских дней это число повысилось на 100%.

Ульянов.

„Скороходовцы".

Районный Комитет большевиков весной и летом 1917 г. уделял фабрике „Скороход" большое внимание; на каждом из общих собраний был представитель комитета партии. Из лидеров партии посетили тогда фабрику т. Ленин—1 раз, т. Зиновьев—2 раза, Володарский—4 раза. Их выступления имели большое влияние на рабочих, так что в конце апреля все резолюции на общих собраниях рабочих и заседаниях заводского комитета принимались большевистские, а членами Совета от рабочих фабрики, кроме 4-х эс-эров, были и 2 (молодых) члена партии большевиков. Эс-эры—члены Совета, голосовали на заседаниях Совета за резолюции эс-эровские, а не проводили резолюции, принятые на общих собраниях рабочих фабрики. За это им было высказано от общего собрания порицание и недоверие со стороны рабочих и было решено переизбрать новых членов Совета. Перевыборы произошли тайным голосованием, в результате чего громадным большинством голосов прошли 5 большевиков и 1 эс-эр.

После этого в скором времени эс-эры хотели провести на общем собрании рабочих предложение отработать за 1-е мая в следующее воскресение, но это им не удалось, благодаря выступлениям большевиков на общем собрании, а также агитации по отделениям.

В мае на фабрике еще шире развернулась работа, прилив членов в партию большевиков стал больше, распространение большевистских газет дошло до 5000 экземпляров в день. Знаменитое наступление Керенского дало

последний толчок, даже более отсталые люди шли на демонстрацию с лозунгами: „Долой 10 министров-капиталистов", „Да здравствует власть Советов".

Утром 5-го июля, не приступая к работе, рабочие фабрики устроили общее собрание, на котором был сделан доклад членом Совета от фабрики, большевиком Коганом, о текущем моменте. Докладчик говорил о мирной демонстрации воинских частей и многих заводов и фабрик с лозунгом: „Вся власть Советам" и призывал рабочих фабрик присоединиться к мирной демонстрации.

На этом собрании выступал также от эс-эров член Военной Секции Петроградского Совета; три оратора призывали не выступать, но общее собрание рабочих фабрики постановило выступить с лозунгом: „Вся власть Советам". Часов в 11 утра рабочие стройными рядами, свыше 4-х тысяч человек, вышли на Забалканский проспект со знаменем и плакатами. Охрана фабрики, человек 40 вооруженных винтовками, шла вокруг демонстрантов, на случай отпора нападения. Передовые работники, могущие выступать (Коняшин, Коган, Смирнов „Хромой" и др.), сели на грузовой автомобиль со знаменем в руках и поехали на заводы: „Динамо", „Речкин", „Артур Коппеля" и „Сименс-Шукерта" и призывали рабочих присоединиться к демонстрации. Заводы эти были еще под большим влиянием эс-эров и меньшевиков. После митингов к скороходовцам присоединилась только часть рабочих этих заводов.

Часов около 12-ти дня все двинулись в путь с пением революционных песен. До Литейного шло все благополучно, но на Литейном уже были даны по демонстрантам провокационные выстрелы из буржуазных домов. Но эти выстрелы не расстроили рядов. Все шли стройно и дружно, пели песни. У Таврического дворца рабочие остановились, к ним с речью обратился т. Троцкий. После его речи рабочие прошли на Шпалерную улицу, а члены Совета от фабрики передали резолюцию общего собрания дежурному рабочей Секции Петроградского Совета.

Часа в 4 дня скороходовцы получили распоряжение двинуться обратно другой дорогой, чтобы миновать Невский, но им нельзя было миновать Невского, и как раз, когда скороходовцы шли мимо Невского, на углу Николаевской на них сделали нападение человек 300—400, которые хотели отобрать от них знамя и плакаты, но фабричная охрана, вооруженная винтовками, и часть рабочих загородили нападавшим дорогу и задержали их, пока не прошли все скороходовцы, спокойно затем дошедшие до Московской заставы в стройных рядах и с революционными песнями.

После Июльских дней, в дни реакции, эс-эры опять приподняли головы и пришли на общее собрание рабочих „Скорохода" с провокационными выступлениями. Их ораторы утверждали, что т. Ленин деньги получает из Германии и что все большевики — немецкие шпионы. Но скороходовцы им не верили. За выступление в Июльские дни на фабрике „Скороход" и других заводах, за призыв итти на демонстрацию член заводского комитета эс-эр Милешко донес в районный Совет на Когана—большевика.

Московский районный Совет тогда состоял в большинстве из эс-эров. Контр-разведке арестовать Когана не удалось. Большевистское настроение

на фабрике крепло. В течение месяца после Июльских дней в коллективе большевиков на фабрике прибавилось 150 человек новых членов партии. После разгрома юнкерами типографии газеты „Правда“ и на „Скороходе“ были частые сборы денег на помощь газете, дававшие большие суммы. Один раз сбор денег дал до 5000 рублей; т. Равич передала их с резолюцией съезду партии большевиков, который был тогда нелегальным.

Заводский комитет почти весь состоял из большевиков. Он тоже много приносил пользы партии большевиков, распространяя большевистские газеты и литературу. Когда в трудное время редакция большевистской газеты „Рабочий и Солдат“ обратилась через т. Когана в заводский комитет с просьбой дать заимообразно 10 тысяч рублей на закупку за границей бумаги, которую трудно достать было в Петрограде, то заводский комитет сейчас же выдал редакции эту сумму.

Коган.

Завод „Речкина“.

I.

Речкинский завод в то время был настоящим гнездом эс-эровщины, большевики были в загоне. Коллектив большевиков тогда насчитывал 13 товарищей, а теперь из этих 13-ти продолжают работать только двое, т. Островский в кузнице, да я в электроцехе.

Решение наше в Июльские дни было итти всем коллективом в город ко дворцу Кшессинской, где был Петроградский Комитет партии. В течение ночи сделали небольшой плакат: „Долой министров-соглашателей“, „Вся власть в руки Советов“, и 5-го июля с утра направились к центру города, сопровождаемые насмешками и ехидными улыбками заводских эс-эров; такие же насмешки встречали мы во время нашего пути.

Первая встреча с казаками, приверженцами Временного Правительства, была у нас на углу Звенигородской улицы и Загородного, где по нас дали несколько выстрелов из пулемета, но только в воздух, повидимому, для острастки. Но, свернув по улицам, мы прошли все же до Невского.

Новая встреча состоялась на углу Литейного и Невского, где нас определенно разогнали, но мне и нескольким другим товарищам окружным путем удалось пробраться поздно вечером на Петроградскую сторону. На моих глазах, хорошо помню, как моряки привезли арестованного Чернова к Таврическому дворцу, но вышедший т. Троцкий предложил матросам освободить Чернова, что и было сделано.

Зеленко.

II.

Был я в Июльские дни 1917 года на заводе в рядах Красной Гвардии. В отряде нас было до 120 человек. Начальником нашим был т. Кочеровский, а ближайшими помощниками ему т. Томчак, убитый белогвардейцами в Октябрьские дни под Царским Селом, и т. Ефимов, расстрелянный белыми бандами под Ямбургом. В нашем распоряжении имелось тогда до 80 винтовок и 20 кольтов. Были ко дню 3-го июля присланы и два пулемета, которые мы получили через штаб Красной Гвардии. Один „Максим“ стоял в столовой, был

обращен в окно, а второй был затащен нами на чердак первого здания завода, выходящего на улицу. Все это, конечно, было очень не по носу тогдашней администрации завода, инженерам Евнину и Пташецкому.

С оружием мы обращались очень осмотрительно, давали его в надежные руки.

Мы держали самую тесную и неразрывную связь с районным комитетом большевиков, который тогда был в доме № 109 по Забалканскому проспекту, и со штабом Красной Гвардии, помещавшемся на Заставской в д. № 4, в заводе лаков и красок Л. Маркса.

По сигналу штаба в Июльские дни мы, захватив два заводских грузовика, вооруженным порядком направились в город. Сперва на Невский, оттуда, после небольшой перестрелки, направились на Троицкую площадь, где т. Луначарский призывал нас успокоиться, а т. Троцкий говорил, что момент захвата власти еще не наступил. Вернуться в тот же день на завод нам не удалось, так как все мосты через Неву были разведены, и мы приехали домой только на другой день. Сохранилось еще в памяти, как мы снабжали рабочих хлебом; так как лавки почему-то были закрыты, пошли мы к дирекции завода с требованием поручиться за нас и уплатить деньги за сколько-то пудов хлеба. Директор инженер Евнин начал отнекиваться, ссылаясь на правление завода, но т. Кочеровский, после длинных разговоров и стуков кулаком по столу, вырвал от него бумажку с обязательством уплаты суммы, следуемой за хлеб, взятый заводом.

На заводе у нас было очень мало активных товарищей большевиков, царило эс-эровское засилье, и велика была их радость, когда Июльские события сошли на-нет. Мы хотя были и в меньшинстве, но всегда жарко спорили с эс-эрами. Хорошо припоминаю рабочего токаря латыша т. Смильке, который хотя и плохо говорил по-русски, но всегда ругался с ними.

Личнов.

Завод „Дюфлон".

В Июльские дни 1917 года я работал слесарем на заводе „Дюфлон" и Константинович на Петроградской стороне. В демонстрации с нашего завода участвовало около 200 человек. Наше участие вылилось как-то стихийно, без определенной подготовки. Собравшись, с плакатом мы направились к Таврическому дворцу; припоминается речь т. Троцкого, который говорил, что еще не время брать власть в свои руки. Вспоминается перестрелка на Литейном около самого Невского. После этой перестрелки мы пошли в сторону Марсова поля. Юнкерские отряды старались всюду рассеивать и разоружать рабочих.

5-го июля Петербургский Комитет большевиков заседал во дворце Кшессинской на Троицкой площади. А в ночь с 5-го на 6-е июля он подвергся полному разгрому. Тогда арестованы были наши лидеры т.т. Троцкий, Луначарский и др. Для подавления восстания Временное Правительство перебросило с Западного фронта самокатчиков и несколько войсковых единиц. Они были размещены в Петропавловской крепости и во дворце Кшессинской

после разгрома П.К. большевиков. Повсюду были усиленные наряды и караулы юнкеров. Толпы народа все время разгонялись юнкерами, не допускавшими принятого братания с фронтовиками. В памяти у меня выступление черносотенных элементов на углу Каменноостровского и Большого.

В их рядах говорилось, что т. Ленин—германский шпион, орудующий на немецкие деньги, приехал сюда в запломбированном вагоне. Не вытерпел я этой явной и открытой лжи и стал горячо возражать, за что меня хотели арестовать, но я затерялся в толпе, чем избежал ареста.

Выступление рабочих в июле кончилось поражением их. В числе наших сторонников был также и гренадерский полк, но он вскоре сдал свое оружие Временному Правительству, что было со всей церемонией проделано на площади Зимнего дворца. Велика была тогда радость питерской буржуазии, смотревшей на одураченных солдат Гренадерского полка. Буржуи даже не стеснялись, прямо плевали солдатам в лицо и грозили зонтиками и палками. Я был свидетелем момента ареста Чернова, которого моряки привезли к Таврическому дворцу, но по просьбе т. Троцкого он был тотчас же освобожден.

В Июльские дни на питерских заводах было сильное эс-эровское влияние, но волнения все-таки всколыхнули массы, многим открыли глаза на истинное положение вещей и игру соглашателей.

Сиско.

Завод „Эриксона".

Работал я в то время на телефонном заводе „Эриксона" на Выборгской стороне. Выборгский район был одним из активнейших участников Июльских дней, во главе со своим районным партийным комитетом большевиков, в котором всю организационную работу по этому вопросу вел т. Лацис, по товарищеской кличке „дядя".

Завод „Эриксон" являлся одним из крупных революционных заводов. 3-го июля туда пришли представители от пулеметного полка и самокатчиков, которые призывали эриксоновцев пойти с ними на разгром Временного Правительства.

Эриксоновцы одни из первых примкнули к восставшим воинским частям, и на другой день, 4-го июля, было условлено дружно выступить заводской ячейке с пулеметчиками и самокатчиками против Временного Правительства. В ту же ночь был сделан плакат с лозунгом: „Долой 10 министров-капиталистов", „Вся власть Советам".

С таким лозунгом мы присоединились к другим выборжцам и направились в город через Литейный мост, но перейти этот мост нам не удалось: дойдя только до середины его, мы должны были остановиться, так как с городской стороны на нас двигались воинские части, приверженцы Временного Правительства, кажется, две сотни казаков, вооруженных винтовками и пулеметами. Видя силы рабочих, казаки сразу же открыли ружейный огонь. Многие рабочие остались лежать убитыми. И меня здесь просверлила пуля, пройдя сквозь одну ногу и остановившись в другой. Сперва я упал, но

из чувства самосохранения собрал все свои силы и пополз обратно, в сторону Выборгской стороны.

С отчаянной болью в ногах сполз я с берега по откосу, забрался в какой-то плот-пристань, укрылся там и потерял сознание; нашли меня там на другой день и отправили в ближайшую больницу.

Живой памятью об Июльских днях служит у меня моя недействующая нога и палка-костыль, без которой я не могу ходить.

Бурсин.

Завод „Парвиайнен".

В Июльские дни 1917 года я работал на заводе „Новый Парвиайнен" и был членом Совета Выборгского района. Одновременно работал в заводском комитете. Помню, 3-го июля, около 2-х часов дня, пришло несколько товарищей из 1-го пулеметного полка в заводский комитет и обратились с просьбой дать грузовик для пулеметов и поддержать их выступление против Временного Правительства.

Мы обсудили это предложение в комитете, потом созвали общее собрание рабочих. Собрание было очень бурное. Горячо и убедительно доказывали товарищи-пулеметчики своевременность и необходимость свержения Временного Правительства и Керенского. Рабочие массы были настроены крайне революционно, забурлили как лава. Стоило очень много трудов комитету и партийной организации сдержать рабочих от несвоевременного выступления, и все же мы решили дать два или три грузовика.

Перед окончанием собрания я уехал на квартиру за оружием. Когда приехал обратно, уже из ворот завода выезжали грузовики, на которых находились пулеметчики и часть наших рабочих. Я тоже взобрался на грузовик, и мы поехали в казармы 1-го пулеметнаго полка, который в это время стоял в летних казармах у завода „Новый Лесснер". Во дворе началось вооружение. На каждый грузовик поставили по три пулемета. Неимевшим оружия выдали винтовки, кое у кого были бомбы.

Стройно, в боевом порядке, под красными флагами и с пением Марсельезы, полк вышел на улицу. Впереди ехали грузовики с пулеметами... Шествие казалось боевым и грандиозным, на пути все время присоединялись группы и отдельные рабочие и просто публика, а также воинские части.

С Выборгской стороны мы перешли в город и направились к казармам Павловского полка, который также присоединился к выступлению. Тут уже собралось от 4-х до 6-ти вооруженных полков. Вся эта вооруженная колонна с Марсова поля пошла по Миллионной и направилась к Зимнему дворцу.

Позади нас ехала сотня казаков. По отношению к нам они никаких враждебных действий не проявляли, а держались нейтрально. Мы направились по Невскому; без единого выстрела мы дошли до Аничкина дворца. Во дворце стояла не помню какая часть, которая открыла огонь. Наши тоже, — были раненые и убитые. После перестрелки я вернулся на Выборгскую сторону.

4-го июля в перестрелке не участвовал, помню один характерный эпизод.

6-го июля утром мне необходимо было попасть на Выборгскую сторону на заседание Районного Совета. Мосты были разведены. Как быть? Был один выход: переехать на лодке. Иду к пристани. Но, увы, и тут нелегко пробраться. Стоит охрана 9-го кавалерийскаго полка (поставленная Керенским). Всех, кто едет на Выборгскую и с Выборгской, обыскивали. У меня в боковом кармане пиджака был „кольт". Что делать? Думаю, отберут. Решил— пан или пропал. Только шагнул на пристань, меня остановили два кавалериста. Не совсем вежливо обыскали. Нашли мой „кольт". Потребовали разрешение. Я предъявил; несмотря на удостоверение, мне заявили, что пропустить на Выборгскую сторону не могут. Что делать? У меня мелькнула мысль „ведь я член Совета". „Товарищи, вы, конечно, за Советы"? Они ответили: „Да, конечно", тогда я представил им свое удостоверение. Кавалеристы изменили сейчас же тон, извинились и очень любезно разрешили пройти на пристань.

Когда я сел в лодку и она отчалила, я крикнул кавалеристам: „Ах, вы не знаете, какого ярого большевика вы пропустили, да и куда— на Выборгскую сторону в штаб большевиков".

Романов.

Завод „Русский Рено".

В 1917 году я работала на заводе „Русский Рено" (Выборгская сторона). Против нашего завода находились казармы пулеметчиков. Перед Июльскими событиями настроение рабочих было весьма приподнятое. Накануне у нас было общее собрание, и рабочие требовали у наших депутатов энергичных действий против политики Керенского. В день Июльских выступлений с утра плохо работали, собирались группами. После обеда к нам прибежало несколько пулеметчиков с просьбой дать им грузовые автомобили. Несмотря на протест нашего коллектива, пришлось автомобили дать. Никакие доводы удержать их не могли. Срочно нагрузили они на грузовики „Максимы" и покатили на Невский.

Тут уж наших рабочих больше удержать не удалось. Другие заводы уже отправились. Мы, считая это выступление преждевременным, удерживали своих, а когда пришли пулеметчики, удержать рабочих стало невозможно. Все, в чем работали, прямо в передниках, от станков, вышли на двор. Состоялось маленькое собрание, и сразу все направились ко дворцу Кшессинской, где к нам вышел т. Ленин, сказал несколько слов, к сожалению, не помню каких, и мы пошли по направлению к Невскому. Через Марсово поле навстречу нам прилетели на автомобилях Чхеидзе, Церетели и кто-то еще. Они старались всячески убедить рабочих вернуться, так как на Невском уже никого нет, все ушли, и нам только будет неприятность. Но уговорить лавину рабочих было весьма трудно.

Вот мы на Невском. Панели полны буржуев всех рангов, мы идем стройными рядами, впереди Красная Гвардия. Ровняемся с Михайловской,

вдруг с панели налетают на нас толстопузые. Главное внимание их было обращено на Красную Гвардию, и в тот момент, когда они набросились на нашу Красную Гвардию, впереди раздался выстрел, который, конечно, приписали нам. Кому здесь в этой свалке попало больше, трудно сказать. Но мы потерпели все же урон. От нас отняли знамя Красной Гвардии и две винтовки. Начальник Красной Гвардии скомандовал повернуть назад, что и было сделано. Также и наши соседи-пулеметчики вернулись вечером с уроном. У них отняли два „Максима“ на Невском. Правда, они говорили, что могли бы не отдать, но тогда было бы очень много ненужных жертв.

А затем, в этот ли день вечером или на другой, оказалось, что у нас в заводском комитете находятся т. т. Ленин и Смилга и еще другие, и несмотря на то, что их короткое пребывание на нашем заводе было обставлено конспиративно, рабочие точно нюхом почуяли, что у нас т. Ленин, и, хотя работы кончились, многие находили какое-либо дело, чтобы побыть подольше на заводе. И долгое время настроение рабочих было весьма наэлектризированным.

Все винтовки, кроме двух потерянных на Невском, были далеко запрятаны и сохранились до Октябрьского переворота. С ними наша Гвардия и на фронт пошла против Корнилова.

Свиленко.

Завод „Новый Лесснер“.

На заводе „Новый Лесснер“ рабочие, благодаря своей революционности, были хорошо организованы. Здесь работали и меньшевики, и большевики, и эс-эры, и даже анархисты. Редкий месяц рабочие завода „Новый Лесснер“ не принимали какого-либо участия в каком-либо выступлении-протесте как экономическом, так и политическом. А посему Июльские дни 1917 года заставили новых лесснеровцев не врасплох. Лесснеровцы были готовы к выступлению каждую минуту, каждый час; здесь на заводе, в частности, и на Выборгской стороне, в общем, уже назревало в те дни революционное брожение.

Недовольство рабочих Временным Правительством и его политикой росло и переполняло чашу терпения трудовых масс. Еще задолго до Июльского выступления ходили слухи о предполагающемся выступлении большевиков; несмотря на все принятые меры, а может быть, благодаря им на демонстрации 18-го июня большинство рабочих и Петроградского гарнизона вышло с плакатами, на которых были написаны лозунги: „Долой 10 министров-капиталистов“, „Вся власть Советам“.

Расстрелы солдат на фронте за отказ итти 18-го июня в наступление вызвали возмущение рабочих. В первых числах июля рабочие на Выборгской стороне собирались по заводам и фабрикам с участием солдат и обсуждали создавшееся положение.

3-го июля на завод „Новый Лесснер“ пришел солдат 1-го пулеметного полка т. Жилин и на собрании рабочих предложил поддержать их и выступить совместно с ними. Заводский комитет, состоявший в то время в большинстве из большевиков, а также коллектив большевиков отговаривались

полным незнанием. На запрос по телефону в П. К. во дворец Кшессинской ответа не получалось. Мы, рядовые рабочие-большевики, решили на свой страх и риск присоединиться к пулеметчикам.

Рабочие выстроились на дворе, ждали сигнала к выступлению, я в этот момент получил секретное поручение от т. Мусатова, члена комитета заводского коллектива большевиков, и ушел один. Задание было довольно серьезное, и я спешил его исполнить. Исполнив все в точности и получив ответ, я его передал т. Мусатову, в то время дежурившему в комитете.

Возвращаясь домой (я жил за Нарвской заставой), я встречал много вооруженных юнкеров и казаков, конных и пеших, на автомобилях и на грузовиках, с пулеметами разъезжавших по улицам. Мосты были разведены. Буржуи и торговцы яростно набрасывались на рабочих и даже били их, особенно в тех частях города, где только они чувствовали себя в силе. Подходя к Нарвским воротам, я встретил рабочих-путиловцев, которые в количестве 40-х тысяч человек, все как один, шли к Таврическому дворцу, чтобы заявить волю рабочих: „Всю власть Советам". Путиловцы всех рабочих призывали итти вместе с ними, позвали и меня, так как меня знали. И я пошел с ними. На Садовой на Сенной площади, с колокольни церкви „Спаса" путиловцы были обстреляны. Часть вооруженных рабочих и солдат бросилась на колокольню и обнаружила там пулемет. Не помню, поймали они там кого или нет, ибо я с другой частью рабочих пошел дальше.

На Литейном, угол Невского, была тоже стрельба. Толпа хулиганов разграбила часовой магазин, я и два моих товарища поймали двух воришек и одного убили, когда они побежали, выстрелом из „Нагана". Милиция же ловила не воров, а рабочих. У Таврического дворца народу было много, там уже происходил митинг. Выступали Чернов и Церетели, а также и большевики — т. Юренев и др. Путиловцы заявили, что они не уйдут до тех пор, пока Совет не примет того или другого решения. У дворца стояла кавалерия, которую готовились бросить на толпу рабочих, а в промежуточных улицах стояли казаки. Я как только узнал постановление Совета, что он ни под каким видом под давлением улицы не примет решения взять власть, пошел к своему родственнику, который жил неподалеку от дворца. Утром, на другой день, возвращаясь домой по Садовой с двумя товарищами, мы вступали неоднократно в спор со всеми, кто только ругал большевиков.

Около Щукина рынка стояла толпа, в середине которой была одна сестра милосердия, довольно солидная и богато одетая, которая говорила, что т.т. Троцкий и Луначарский арестованы, а т.т. Ленин с Зиновьевым скрылись в Финляндию, отгуда за границу, и что большевики получили большие суммы денег от Вильгельма и роздали кое-кому, чтобы те выступили. Она призывала беспощадно убивать большевиков; мы ей задали вопрос, сколько она получила денег и от кого, чтобы клеветать на рабочих и большевиков. Минут десять я и два товарища доказывали гнусность лжи, распускаемой буржуазией. Но тут подошла еще толпа в 20 человек торговцев, повидимому, мясников, которые тоже стали ругать большевиков. С криками „бей жидов и большевиков, в воду их" толпа набросилась на нас и здорово поколотила. Один товарищ убежал, другого так избили, что его отвезли в больницу, через две недели он умер, а у меня отняли „наган", а самого сбросили в воду

Екатерининского канала, тоже довольно таки побитого и стали бросать в меня камнями. Но в это время подошли человек 6 матросов, которые разогнали толпу и вытащили меня из канала, всего в крови и мокрого. Обмыв меня, они пошли по Садовой, а я поплелся домой, но, не доходя до Покровской площади не утерпел и стал ругать двух буржуев, которые, говоря между собой, назвали т. Ленина провокатором; я назвал их провокаторами. Они схватили меня и передали милиционеру, повели в Спасскую часть. Там комиссар части набросился на меня с бранью и отправил вечером поздно в Александро-Невскую часть, где уже сидело много арестованных рабочих. Меня и еще трех человек посадили в отдельную комнату. Я там пробыл до 7-го июля. В комиссариат в тот день пришли три донских казака и два матроса, они зашли в нашу комнату и спросили, за что мы арестованы. Я сообщил им все, что было, и сказал, что у меня болит рука, на это они сказали: „Вот поешь и иди домой". Так как нас в части кормили плохо, я с аппетитом съел предложенное и вышел вместе с казаками на улицу, а они проводили меня до Глазовой улицы и сказали: „Иди спокойно". На мой вопрос, кто они такие, они засмеялись: „мы казаки" и ушли.

После этого ареста я прохворал около месяца.

Д. Афанасьев.

Из воспоминаний печатника.

В Июльские дни 1917 года я работал печатником гидрографии. Рабочих там было человек 25. Служащих человек 250 и все высшего командного состава. Настроение у служащих было контр-революционное, у рабочих — в общем неопределенное, и они участие в Июльских днях принимали индивидуальное, а не со своим учреждением.

3-го июля вечером, часов в 11, случайно проходя по Фонтанке, я встретил грузовик с рабочими-путиловцами и Франко-Русского завода — членами Совета, разбрасывавшими листовки с призывом к вооруженной демонстрации.

С полчаса после этого увидел я, как по Петергофскому проспекту двигались колонны рабочих Путиловского завода. Впереди шли рабочие, вооруженные винтовками, стройными рядами, а за ними также стройными рядами, но не вооруженные массы рабочих.

Из колонн раздавались призывы ко всем встречным, кому дороги завоевания революции, присоединиться.

Я присоединился на Калинкинском мосту и пошел вместе до Покровки. Но у меня возникло сомнение, как у партийного, и я пошел в районный комитет партии на Мясной улице. Там получил указание вместе с другими парттоварищами, что распоряжения П. К. о выступлении не было, что каждый может действовать за свой страх и риск. Так сказал, не помню точно, т. Войтик или т. Клявс-Клявин. После этого я побежал домой, взял карабин, нагнал путиловцев на Сенной площади и с ними вместе пошел на Невский. Здесь уже рассеивали рабочих казаки, кажется, 14-го и 4-го Донских полков. Шла сильная перестрелка на углу Невского и Садовой. Часть рабочих повернула обратно по Садовой по направлению к Муч-

ному переулку. Я в числе других был оттеснен кавалерией за веревку в Гостиный двор. Но оружие мне не удалось употребить, так как стрелять в толпе считал нецелесообразным. Потом поодиночке из нашей группы стали расходиться. Ушел обратно и я.

4-го июля, часа в 2 дня, на Садовой я встретил рабочих Франко-Русского завода, Галерного островка, шедших по направлению к Невскому. Там к нам присоединились кронштадтцы-матросы, шедшие вперемежку с рабочими и почти все вооруженные винтовками. Помнится, матросы были с „Гангута“ и „Полтавы“.

Когда завернули на Невский, произошло замешательство, так как со стороны памятника Екатерины было произведено до 10-ти выстрелов из револьвера; туда бросилось несколько товарищей, а шествие продолжало свой путь. После слыхал, что стрелял с колена из „нагана“ студент.

Пошли по Литейному в Таврический дворец, но вдруг возле больницы Ольденбургского впереди раздалась сильная перестрелка, пулеметная и ружейная.

Рабочие, вооруженные и невооруженные, частью легли наземь, частью продолжали итти вперед. Когда все стихло, вытащили из дома возле Шпалерной офицера с пулеметом. Как слыхал, в поимке его принимал участие т. Пахомов.

С шествием дошел я по Шпалерной до Таврического дворца и вечером вернулся обратно.

Вечером 4-го июля у себя дома узнал от рабочих радостную весть, что большевики уже заняли Петропавловскую крепость и окончательно мысль успокоилась, когда узнал, что Ц. К. и П. К. санкционировали руководство выступлением. Всю ночь с 4-го на 5-е слышалась стрельба.

5-го июля видел, как по Неве прибывали буксиры с гардемаринами из Дудергофа и Ораниенбаума (возле Николаевского моста). Часам к 2-м положение стало выясняться в скверную сторону. Выступление против Временного Правительства за власть Советов окончилось неудачно.

Видел, как поодиночке, закоулками возвращались матросы. Буржуазия и ее прихвостни обнаглели до такой степени, что только по подозрению, что человек — большевик, на улице его избивали. Распространяли версию, что все большевики — немецкие шпионы. Травля поднята была гнусная. В гидрографии дошло до того, что рабочего, не партийного, а только разделявшего мнения большевиков, стали судить на общем собрании, чтобы отправить на фронт, сняв с учета. Такой суд был над товарищем Ф. Филипповым. Там же, где я жил (в Коломенской части), среди рабочих настроение было совсем другое. После Июльских дней симпатии к большевикам росли с каждым днем неудержимо, и приходилось часто слышать от рабочих Франко-Русского завода, что за кровопускание, которое буржуазия устроила рабочим в Июльские дни, им надо ответить Варфоломеевской ночью. И если бы не наша партия, организовавшая рабочий класс, то горько заплатили бы буржуи за Июльские дни, — так сильно было озлобление на них в среде рабочих.

Смирнов.

Завод „Галерный Островок".

В Июльские дни 1917 года я был на заводе „Галерный Островок". Работал как член партии, среди широких масс. В первое время после Февральской революции отношение к нам, большевикам, на заводе было такое, что даже не давали выступать. О передаче власти Советам не хотели было слушать. Приезд т. Ленина из заграницы подлил масла в огонь. Но первое его выступление у нас на заводе на митинге, где было 15.000 человек, и выступали эс-эры, разделило рабочие массы, как нашего, так и бывшего Франко-Русского завода. С этого дня рабочие стали вступать в партию прямо группами. Завод стал наполовину большевистским. На перевыборах Совета как районного, так и Петроградского, прошло 6 большевиков и 1 эс-эр. 21-го апреля завод выступил на митинг к кадетскому корпусу (В. О.). В этот день завод получил первое боевое крещение: на углу Садовой и Невского один рабочий был ранен. На другой день рабочие на заводе требовали у представителей власти дать отчет на митинге. Без этого не приступали к работе. Нам еле удалось уговорить рабочих, что теперь поздно искать виновников, а надо требовать вооружения всех рабочих и разоружения буржуазии.

На первом съезде фабрично-заводских комитетов в Соляном Городке делегатами от завода были я, затем один меньшевик и эс-эр. По основным вопросам наши резолюции раскололи съезд, и мои 2 соперника голосовали со мной и по поводу заработной платы, и о роли заводских комитетов и по докладу М. Скобелева. Резолюции были приняты наши. А один из соперников на своем партийном собрании разорвал свой партбилет и перешел к нам в партию через несколько дней. После доклада на местах о конференции рабочие бузили, и уже заметно стало, что не сегодня-завтра взрыв должен быть.

В июне наша партия хотела организовать мирное выступление. После отмены его рабочие стали говорить, что мы вступаем в соглашение и они без нас выступят сами. Еле удалось успокоить рабочих, говоря, что скоро Петроградский Совет назначит общую мирную демонстрацию с лозунгами: „Долой 10 министров-капиталистов", „Да здравствует власть Советов". На этом успокоились.

Стали выбирать в районную думу, и наш завод целиком голосовал за большевиков. Тогда рабочих волновал вопрос о заработной плате и прожиточном минимуме. Были вытребованы М. Скобелев и К. Гвоздев для доклада. После их докладов рабочие требовали забастовки. Нам пришлось сдерживать рабочих, другим партиям не давали говорить. Пришлось нам доказывать, что один завод не добьется того, что надо всем выступать и что, когда придет время, мы всех призовем к борьбе. Указывали, что сейчас рано решительно выступать, нужна большая организованность и выдержка. Наше предложение было принято, и забастовка не была объявлена, а была выбрана комиссия от общего собрания, которая должна была обойти другие заводы морского ведомства и узнать, как у них, и тогда созвать конференцию для разрешения вопроса. В комиссию попал и я. Объехали Путиловский, Балтийский, Обуховский, Ижорский, Металлический заводы и Кронштадт-

ский порт. Положение везде было одинаковое. Везде бурлили рабочие, рвались в бой на улицу.

16-го июня у нас был назначен обще-заводский митинг с докладом Виктора Чернова. Эс-эры купили букет живых цветов для подарка селянскому министру. После его доклада выступили: т.т. Луначарский, Харитонов, Пахомов, Крутов. Если бы нам не удалось удержать рабочих, не знаю, что могло бы случиться. Не только букет цветов был бы вырван у Чернова, но и он сам был бы сброшен. Была принята резолюция т. Луначарского: „Долой войну. Все на улицу 18-го июня".

Рабочие требовали, чтобы тех, кто голосовал за войну, отправили на фронт.

18-е июня показало, что скоро будет пороховой взрыв. Так подошел день 3-е июля. Я жил тогда около Нарвских ворот вместе с путиловцами. Прихожу в 6 часов вечера домой, товарищи говорят: „Мы сегодня бросили работать, будем выступать на улицу". Я указывал, что не время, мы проиграем, рано, мы не готовы. Направились вместе на митинг на Путиловский завод. Двор завода был полон рабочими. Все кипело от недовольства и злобы. Требовали кончать митинг и всем с оружием в руках итти на улицу к Совету с лозунгами: „Долой правительство, вся власть Советам". Выступавшие наши товарищи, кажется, В. Володарский и другие, просили сегодня не выступать, указывая, что в Таврическом дворце заседает рабочая секция, которая и вырешит вопрос, что делать, а сегодня надо разойтись по домам. Не тут-то было. И с большим трудом удалось уговорить, что если выступать, так без оружия, мирной демонстрацией протеста. Наконец, рабочие согласились, и в 10 часов вечера многотысячная армия рабочих вышла за ворота, имея во главе небольшой отряд Красной Гвардии с винтовками. У Нарвских ворот наша партия устроила митинг, призывая вернуться обратно, не ходить в город. Но удержать многотысячную армию рабочих было немыслимо, никто о возвращении и слушать не хотел. Шествие тронулось в город, по пути к нам примыкали отдельные группы рабочих. Мы благополучно дошли до Таврического дворца, где были вызваны т.т. Ленин, Луначарский и др. Выступившие товарищи просили итти на завод, говоря, что если надо будет, то будут вызваны. Только в 5 — 6 часов утра начали мы расходиться по домам.

Прихожу в 8 часов утра, смотрю рабочие не работают. Заявляют: „Мы работать не будем. Путиловцы вчера кончили". Взяли знамена, чтобы выйти на улицу. Я стал разъяснять, что путиловцы сегодня должны работать, если понадобится — будет дан общий сигнал. Был устроен митинг. Выступавший т. Пахомов говорил, что наша партия не зовет к выступлению, и выступать не следует. После этого разошлись по работам, но в 10 часов влетает несколько рабочих в заводский комитет за знаменами. Говорят, что кронштадтские моряки приехали. „На улицу!"

Мы получили указание районного комитета взять руководство над выступлением рабочих, выйти на улицу на поддержку армии. Мы тронулись с Покровской площади, за нами Треугольник. Дошли до Сенной. Тут с колокольни нас стал поливать пулемет. Нам здесь опять попало: „Зачем пошли без оружия — не знали, что в нас будут стрелять". Здесь отряд красногвардейцев заставил замолчать пулемет.

На Невском опять началась стрельба. На Литейном из подвала вытащили пулемет и офицера, который тут же был убит.

Дошли до Таврического дворца. Отсюда никто не хотел уходить, но на наше счастье или несчастье пошел дождь. Все стали разбегаться по домам. Впереди нас шел 3-й запасной полк.

Только вышли мы на Литейный, как казаки открыли стрельбу по полку.

Вечером с одним товарищем по заводу мы отправились домой. На Невском остановились у кучки, где студенты ругали большевиков за то, что они вывели рабочих на улицу. Я не удержался, слыша ложные обвинения, и в разгаре не выдержал, дал студенту по лицу. Схватили нас казаки, отправили сперва в милицию, потом к Пальчинскому для выяснения личности. Только по настоянию рабочих нас выпустили 6-го июля.

Когда мы вернулись на завод, у нас шел митинг. Эс-эры приехали со всей своей „тяжелой артиллерией" обстреливать большевиков. Настроение у рабочих было подавленное. Эс-эры хотели воспользоваться этим и сваливали на большевиков. Когда эс-эры требовали выдать зачинщиков, то даже раздались отдельные голоса: „В Неву Пахомова, Короткова и других большевиков". Но номер их не прошел. Тов. Пахомов хорошо возражал, назвав их трусами, облитыми рабочей кровью. После него эс-эрам не дали говорить и сказали определенно, чтобы больше их ноги на заводе не было. В этом, можно сказать, рабочие сдержали свое слово. 3-го— 5-го июля показало, что только с оружием в руках можно добиться своего, а наша партия на заводе стала еще авторитетнее. Все рабочие, которые по ошибке попали к эс-эрам и меньшевикам, перешли к нам в партию.

Коротков.

Балтийский завод.

Это было в 1917 году. После приезда в Петроград т. Ленина и прочтения им его 10-ти тезисов, подходит раз ко мне старый рабочий Балтийского завода и спрашивает: „Скажи, сколько ты получил от Ленина привезенного золота?"—„А ты верно знаешь, что Ленин привез золото?" Рабочий мнется и, потупив глаза, несмело отвечает: „Мне так говорили, что все большевики получили". Краткая пауза. Пристально взглянув на одурманенного рабочего, я отвечаю: „Да я много получил от Ленина, но это не золото, которое он презирает и не имеет. Он научил меня честно бороться за рабочий класс и понимать наши задачи. Долой провокаторов..." Вскоре картина изменилась.

С 1917 года на выборах в Советы, городскую и районную думы начали побеждать большевики. Вышедшие из подполья, они создали энергичный районный комитет, помещавшийся сначала на Большом проспекте в д. № 82, а потом переведенный на 16-ю линию, а в Гавани был организован подрайон. Работа кипела вовсю. Но параллельно был создан эс-эровский, меньшевистский и социал-демократический междурайонные комитеты. Борьба между этими организациями велась серьезная. Агитаторы их налетали на заводы, фабрики и другие учреждения, на собраниях развращая понятия о текущей рево-

люции, приплетая провокацию о германском золоте и продажности большевиков. Нередкими гостями являлись на заводах и фабриках Брешко-Брешковская, Коноплева, Зензинов, М. Спиридонова и др. Несмотря на их старую революционность, наши т.т. Урицкий, Володарский, Ленин и Зиновьев, впоследствии и Троцкий (которых мы приглашали в такие моменты, когда собственными силами не в состоянии были бороться с этими заступниками буржуазного строя), разбили эс-эров и меньшевиков, и рабочие поняли свои заблуждения.

...Наступили Июльские дни 1917 года, с фронтов начали поступать неблагоприятные известия, заволновались рабочие и начали требовать прекращения войны, передачи всей власти „Советам" и окончательного удаления Временного Правительства. Вопрос встал очень остро.

Помню, как солдаты 180-го запасного полка, находившиеся во временных казармах, в беседе со мною прямо так и заявили: „Довольно церемониться с керенщиной, что же спят ваши там во дворце Кшессинской, пойдем прогоним Керенского и поднесем власть Владимиру Ильичу, вопреки его нежеланию". Действительно, в 180-м запасном полку настроение против керенщины было боевое, исключая учебной команды, которая подпала под влияние меньшевиков. На основании решений нашего „центра", много пришлось употребить усилий членам райкома, чтобы убедить недовольные массы солдат и рабочих выждать более подходящий момент.

Первый легальный В. О. районный комитет большевиков в Февральские дни 1917 года был выбран из 7-ми товарищей: председателем был Иванов от Сименс-Шукерта и секретарем от Балтийского завода, но в скором времени комитет был переизбран, и в него вошли прибывшие старые подпольники т.т. Ионов, Слуцкая и др.

Г. Лиздин.

Сестрорецкий Оружейный завод.

4-го июля 1917 года рабочие Сестрорецкого Оружейного завода, во главе с организацией большевиков, все, как один человек, стройными рядами вышли на улицу с лозунгами: „Вся власть Советам". В этот день была послана от сестроречан делегация в Питер с наказом, в котором было выставлено основное требование к Совету Рабочих и Крестьянских Депутатов взять власть в свои руки, разогнав коалиционное и фактически буржуазное правительство. Наказа в сестрорецких архивах не сохранилось, ибо при налете карательного отряда Керенского все было изъято и уничтожено им в Июльские дни.

Характерно для Сестрорецка то, что в движении 4-го и 5-го июля активное участие принимали все рядовые члены рабочих из местных организаций партий социал-революционеров и меньшевиков.

4-го июля была грандиозная демонстрация рабочих. В этот день рабочие обошли весь дачный район Сестрорецка, населенный крупной буржуазией.

День 5-го июля прошел в собраниях и митингах.

Вечером 5-го июля были получены через делегатов из Питера сведения о том, что необходимо пролетариату временно воздержаться от захвата

власти. На основании этого было решено с утра 6-го июля приступить к работе.

4-го и 5-го июля демонстративное выступление рабочих Сестрорецкого завода против Временного Правительства переполнило чашу терпения Керенского и компании. В ночь на 10-е июля Сестрорецк окружается цепями карательного отряда во главе с капитаном Гвоздевым и целой сворой офицеров и юнкеров. Как выяснилось, главе отряда были даны неограниченные полномочия вплоть до расстрела рабочих и уничтожения как завода, так и города Сестрорецка. В составе отряда, кроме офицерства и юнкеров, было несколько сот казаков как пеших, так и конных, затем мощный броневой отряд с 6-ю броне-машинами и несколько грузовиков.

При внезапном захвате города отрядом рабочие настолько были выдержаны, что не было ни одного факта сопротивления, и на появление отряда смотрели безразлично и даже утром явились, как всегда на завод, на работу. Это, конечно, не могло не возмутить усмирителей, ждавших сопротивления.

В первую ночь и часть дня отряд производил обыски и разгром частных квартир, преимущественно большевиков. Затем были разгромлены местный комиссариат, военная и партийная организация большевиков.

В партийном комитете большевиков были уничтожены все архивы и дела.

Параллельно с этим главой отряда заводскому комитету был предъявлен ультиматум о покорности Временному Правительству и о сдаче оружия рабочими. Срок ответа был двенадцатичасовой. Было официальное предупреждение, что по истечении этого срока будет открыта стрельба и что как завод, так и город будут сравнены с землей.

В дальнейшем события протекли так:

Заводский комитет, имевший в своем составе абсолютное большинство большевиков во главе с т. Восковым, уже заранее знал, что прибытие карательного отряда в Сестрорецк неизбежно. В местной парторганизации уже был определенный план действий на этот счет.

В результате капитан Гвоздев на ультиматум получил ответ на 8 часов ранее срока, гласивший, что рабочие, у коих имеется оружие, согласны его сдать.

С полудня 10-го июля и часть дня 11-го происходила сдача рабочими оружия. В результате отряду сдано было в большинстве негодное оружие, как-то: старые дробовики, берданки и т. д. Все же винтовки были спрятаны в надежные места. Склады винтовок и патронов были большевиками еще за день ранее увезены в лес за озеро и спрятаны. Руководители отряда, видя, что с оружием их провели и сдали только часть, решили произвести массовые обыски, но в жизнь их не провели, ибо заметили, что солдатский состав отряда начинает поддаваться на агитацию рабочих и волнуется.

В результате капитан Гвоздев решил уехать.

В качестве заложников на всякий случай отрядом офицеров при отъезде были арестованы т.т. из заводского комитета и увезены с собой. Арестованы были т.т. С. Восков, Илья Андреев, Александр Никитин, Казимир Коршанский и др. Впоследствии, на энергичные требования рабочих завода, все арестованные товарищи были освобождены.

После описанного случая с карательным отрядом влияние большевиков на рабочих усилилось. **А. Озолин.**

Выписка из протокола № 37 заседания заводского комитета Сестрорецкого Оружейного завода 10-го и 11-го июля 1917 года.

Слушали:

Доклад члена заводского комитета т. Никитина „о целях прибытия войск, вооруженных бронированными автомобилями".

Постановили:

Для выяснения подробностей дела были созваны представители от комитетов мастерских и представители политических организаций.

Обсудив вопрос, вынесли следующую резолюцию:

1. Представители всех мастерских и политических организаций С. О. З. призывают всех граждан г. Сестрорецка немедленно передать все оружие в руки представителей завода, которое будет передано представителям Временного Правительства.

2. В виду того, что за все время здесь, в Сестрорецке, не было произведено никаких насилий и не было призывов к эксцессам, мы, представители завода и всех политических партий: соц.-дем. меньшевиков, соц.-дем. большевиков и соц.-рев., заявляем, что не видим никаких поводов для арестов, тем более, что эти аресты нарушают общий ход нашей мирной заводской жизни. Настаиваем перед представителями Временного Правительства никаких арестов здесь не производить...

Подписали: За председателя *А. Павлов.*
Секретарь *А. Логинов.*

Выписка из протокола №. 41 заседания заводского комитета Сестрорецкого Оружейного завода 17-го июля 1917 года.

Слушали:

3. Вопрос о том, платить ли мастеровым и рабочим за дни 3-го и 4-го июля (плата во время выступления в Петрограде).

Постановили:

При обсуждении данного вопроса было два предложения:

1. Уплатить за дни полностью и предложить рабочим деньги эти употребить на покупку литературы, для распространения ее между крестьянами и солдатами, в связи с предстоящими выборами в Учредительное Собрание.

2. Передать этот вопрос на решение по мастерским.

Предложение первое принято большинством голосов.

Подписали: Председатель *С. Восков.*
Секретарь *А. Спирит.*

Выписка из протокола № 43 общего собрания рабочих Оружейного Сестрорецкого завода 20 июля 1917 года.

Слушали: О 4-м и 5-м июле.

Постановили: Заводский комитет постановил: уплатить за дни 4-го и 5-го июля, вместе с тем заработок за эти два дня пожертвовать на приобретение литературы для бесплатного распространения на фронте и в провинции, в виду предстоящих выборов в Учредительное Собрание.

Постановлено вопрос этот обсудить по мастерским.

Подписали: Председатель *В. Творогов.*
Секретарь *А. Палкин.*

Выписка из протокола №. 44 заседания заводского комитета Сестрорецкого Оружейного завода 25-го июля 1917 года.

Для сведения т. т. рабочих. *Отношение начальства к нуждам рабочих.*

1. Относительно постановления заводского комитета об очистке квартир Шебуниным и Гертом для общественных нужд на запрос начальника завода Главного Артиллерийского Управления отвечают: „Требование рабочих совершенно незаконно, распоряжение казенными квартирами предоставлено начальству. Если последнее признает необходимым отвести какую-нибудь квартиру под общественные организации рабочих, об этом должно быть представлено на решение Г. А. У."

2. По вопросу о 3-м и 4-м июле отвечают: „Общество фабрикантов и заводчиков решило за 3-е и 4-е июля отнюдь не платить".

Для технических заведений артиллерийского ведомства установлен такой принцип: если работа прекращена по инициативе заводоуправления, во избежение беспорядков — платить, согласно правил найма, как за остановку по непредвиденным обстоятельствам, если по собственной инициативе рабочих — вовсе не платить...

Подписал: *Жанколя.*
Председатель *С. Восков.*
Секретарь *А. Спирит.*

Еще о Сестрорецком заводе.

В 1917 году рабочими Сестрорецкого Оружейного завода, а также остальными жителями города Сестрорецка я был избран в милиционную комиссию, затем комиссия избрала меня начальником милиции города Сестрорецка.

2-го июля 1917 года в виду получения секретного сообщения о прибытии в город Сестрорецк карательного отряда капитана Гвоздева, я был назначен ответственным дежурным по городу Сестрорецку. В эту же ночь мною было исполнено задание вывезти все оружие, находящееся при милиции, дабы оно не было захвачено отрядом вышеназванного капитана. При энергичной помощи товарищей из партийной районной организации и сознательных рабочих С. О. З. (милиционеров), оружие было в большом количестве увезено на рыбацких лодках за „Разлив".

Все же старое и негодное для дальнейшего употребления оружие и часть огнеприпасов были запечатаны в складе в доме бывшего станового пристава (комиссариат на Офицерской улице).

3-го июля 1917 года в 5 часов утра в город Сестрорецк прибыл карательный отряд вышеназванного капитана. Он откуда-то имел сведения, что все оружие хранится в складе комиссариата. Туда, по распоряжению капитана Гвоздева, были направлены два броневика, наполненные солдатами, под командой подпоручика Васильева. Прибывшим в комиссариат подпоручиком Васильевым я был обезоружен, немедленно арестован, и ко мне был поставлен караул из 2-х человек. С меня сняли допрос о том, где находится все оружие и весь архив канцелярии. Получив ответ, что то и другое хранится здесь, подпоручик Васильев распорядился взломать склад и увезти из него оружие. Все же хранившиеся бумаги в шкафах и ящиках были перерыты и большей частью уничтожены, уничтожили много важных бумаг.

Затем в поисках оружия сделали обыск в моей квартире по Немячной улице, в доме Петрова, под руководством того же подпоручика. У дома разрыли весь фундамент в поисках золота, приобретенного мною в дни революции, якобы путем ограбления, была сломана деревянная детская люлька, в каковой находился мой шестинедельный ребенок.

Только под моим матрацом нашли охотничье ружье, которое и было взято подпоручиком Васильевым.

В связи с моим арестом в комиссариате (дом бывшего пристава) одновременно была арестована моя жена на квартире. Жену под угрозой револьвера подпоручик Васильев спрашивал об оружии и золоте.

После обыска по распоряжению капитана Гвоздева, я был доставлен на собственную квартиру под конвоем 2-х солдат. Подпоручик Васильев вторично под угрозой револьвера стал допрашивать, где оружие и огнеприпасы. В заключение был составлен акт о результатах обыска. Капитан Гвоздев арест с моей жены снял, меня же направили в городской клуб к капитану Гвоздеву. Он тоже допрашивал меня об оружии. Отметив что-то у себя в записной книжке, он сказал Васильеву: „Этого парня нужно будет взять с собою".

5-го июля 1917 года подпоручик Васильев вторично прибыл в комиссариат и под угрозой револьвера опять выпытывал у меня о месте нахождения оружия. Получив отказ в указании местонахождения оружия, подпоручик Васильев нанес мне два удара в лицо, добавив: „Если не хочешь здесь сказать, так скажешь в Петрограде".

В связи с обще-заводским собранием С. О. З. и постановлением его о сдаче всего имеющегося как огнестрельного, так и холодного оружия капитану Гвоздеву, я был освобожден из-под ареста.

А. Глинский.

Завод „Айваз" в Июльские дни.

Со дня Февральской революции, рабочие завода (б. Айваз) были в авангарде революционного движения.

Здесь я коснусь только тех фактов из событий 3-го—5-го июля, которые запечатлелись в памяти в том виде, как их пришлось пережить заводу „Айваз".

Еще недели за две до Июльских событий сгустившаяся атмосфера давала чувствовать неминуемость грозы. Организованная Временным Правительством

и Советом мирная демонстрация вполне выявила отношение рабочих Петрограда к Временному Правительству. Об этом недвусмысленно говорили большевистские плакаты с лозунгами: „Долой 10 министров-капиталистов!"

Преступная авантюра Керенского — наступление 18-го июня явилась каплей, переполнившей терпение рабочих Петрограда.

Рабочая масса была наэлектризована, и на всех собраниях мы стали выходить победителями, несмотря на энергичную работу меньшевиков и эс-эров. Перед 3-м июлем выступили у нас знаменитые наши эс-эры: Тюков — монтер и Богданов — лекальщик и предостерегали рабочих, говоря, что большевики что-то затевают, но это им не удастся. Однако, они при своих выступлениях проявляли растерянность и беспомощность, которая еще больше усилила нашу уверенность в победе.

4-го июля на заводе никто за работу не принимался, и все настойчиво требовали выступления. С Февральской революции у нас было много оружия, и оно немедленно было распределено. Винтовки были без ремней, и я взял в мастерской сшивочные ремни, роздал их, чем заслужил ожесточенные нападки со стороны меньшевиков.

Первой вооружилась Латвийская секция. Вслед за ней вооружилась наша группа. В это время подоспел т. Изотов (кличка „Мужик") с заседания Петербургского Комитета и информировал о решении П. К. Нам предписывалось не призывать массу к выступлению от имени П. К., но, в случае стихийного выступления, мы, конечно, должны ими руководить. О том, чтобы удержать массы от выступления, не могло быть и речи, — Изотов рассказал, что накануне он вместе с „Дядей" — Лацисом был в Московских казармах, где они пробовали удержать солдат от выступления, указывая на несвоевременность его. На это они получили ответ, что если бы солдаты не знали их лично, то выгнали бы их, как меньшевиков. Таково же было положение на заводе. После митинга, на котором меньшевик Савко (впоследствии большевик) безуспешно старался воздействовать на рабочих, которые не давали ему говорить. Рабочие двинулись и присоединились к Выборгскому району, направляясь к Таврическому дворцу.

Вскоре были все сняты с работы и в 9 часов вечера выступили. Мы стремились ко дворцу Кшессинской, где помещался Петербургский Комитет. По дороге столкнулись с толпою белогвардейцев, которая пыталась вырвать у нас знамена, но нами была отбита.

Прийдя ко дворцу Кшессинской, около 12-ти часов ночи, мы там Петербургского Комитета не застали. Собрались у Троицкого моста, чтобы обсудить положение. Тут к нам подошла ново-деревенская демонстрация и нас предупредила, что за мостом стреляют в демонстрации и что через мост лучше не ходить. После короткого совещания решили пройти по Дворянской к Сампсониевскому проспекту.

Встречавшиеся нам группы солдат горячо отзывались на выкрикиваемый нами лозунг: „Да здравствуют Советы!" и присоединялись к нам. Так мы пришли на завод.

Утром началась горячая схватка с меньшевиками и эс-эрами. Были пущены слухи о том, что у нас отобрали все наши знамена и порядком нас потрепали.

Один старый меньшевик Дмитриев на первом общем собрании обратился к рабочим с такими словами: „Что, товарищи, пойдете еще поклоняться дому содержанки бывшего царя Николая?“ Но в ответ ему был резкий протест— общего собрания: „Там нет никаких Кшессинских, там находятся вожди революции, а если ты этого не знаешь, то это твоя вина!!...“

Затем начались репрессии. Начали обезоруживать рабочих. Мы решили оружия не сдавать. Мне было поручено спрятать оружие. Т. Десов заказал ящики, будто бы для упаковки машинных частей. На следующую ночь я упаковал оружие. Т. Крюнталь был в это время старшим по ремонту и мог оказать содействие. Оружие было уложено в магазине, где оно пролежало до Корниловской авантюры, когда ящики были открыты, и мы снова взялись за винтовки. Администрация завода прямо с ума сходила, что не знала о том, где на заводе хранится оружие.

Реакция стала усиливаться. Партработу пришлось частично перенести в подполье.

Ю. Кокко.

Трубочный завод.

Хорошо я помню, что 3-го июля 1917 года Апполонов — меньшевик, Шварц — меньшевик, поручик 181-го пехотного полка Шейн — меньшевик призывали на митинге в заводе не выходить на улицу и не требовать от Временного Правительства передачи всей власти Советам, говоря, что Всероссийский съезд сам это знает, но не пришло время, чтобы сейчас брать власть Советам. Рабочие не хотели их слушать, кричали: „Долой министров-капиталистов! Да здравствует власть Советов“. В заводском комитете в то время большевиков было 9 человек, а 30 человек было меньшевиков, эс-эров правых и левых, всего было членов комитета 39 человек. Рабочих же в заводе 19.600 человек.

Решение по этому вопросу нас, большевиков, было следующее: после поражения на фронте 18-го июня мы вели борьбу за прекращение войны и говорили на митингах всем рабочим, что продление войны—в интересах буржуазии, ибо война требует огромных средств и жертв, тем более в революционное время и капиталисты учитывают этот хороший для них момент для того, чтобы подавить революцию не вооруженной контр-революцией, а голодом и утомлением рабочих и т. д.

Наша агитация и провал Керенского, наступления 18-го июня на Южном фронте убедили товарищей рабочих Петрограда, что правительство Керенского ведет к поражению революции, т.-е. в ущерб интересам рабочих и крестьян, а потому масса стояла за нас.

В 11 часов утра 3-го июля, т. В. Слуцкая вызвала меня по телефону в районный комитет, где сказала мне, чтобы я устроил в своем заводе митинг с призывом к рабочим не выступать 3-го июля, причина та,—что Временное Правительство приготовилось к расстрелу рабочих,—на Шпалерной улице, по Литейному и на других улицах устроены засады. Я бросился исполнять задание на свой завод, а т. Слуцкая — на завод Сименс-Гальске.

Митинг состоялся в 2 часа дня. Несмотря на принятые нами меры и агитацию меньшевиков и эс-эров, 3-го июля нам массы удержать не удалось, рабочие, дневная смена, пошли сами с плакатами на улицу, ночная же смена приступила частью к работе. В 4 часа дня кучка рабочих человек в 20 ворвалась в заводский комитет и силой заставила дежурного члена комитета давать гудок для прекращения работ; дежурил в этот момент т. Плютто.

По выходе на улицу рабочие направились на Невский, куда их не пропустили, тогда направились через Дворцовую площадь, Марсово поле к Таврическому дворцу, но на Марсовом поле встретили их казаки; при столкновении с казаками у Троицкого моста, в руках рабочих осталось, как трофеи, 2 казацких лошади и несколько оружия. Несмотря на противодействие казаков, часть рабочих прорвалась на Литейный к Таврическому дворцу. На Литейном угол Невского шла стрельба по рабочим из окон и с колокольни Владимирского собора, по улицам разъезжали казаки и бронированные автомобили.

4-го июля присоединились к рабочим 1-й пулеметный полк, 8-я самокатная рота, лейб-гвардии Волынский полк, лейб-гвардии Преображенский полк и другие воинские части, а также приехали кронштадтские матросы.

После этого посыпались репрессии на наши большевистские организации, была разгромлена юнкерами типография „Правды", были арестованы выдающиеся члены партии т.т. Троцкий, Каменев, а т. Ленину пришлось скрыться. Несмотря на все, работа продолжалась в низах в том же духе, т.-е. за передачу всей власти Советам, а для окончательной победы подготовлялось вооружение рабочих. Рабочие Сестрорецкого Оружейного завода достали винтовки. Патронный завод доставил патроны. Вскоре был переизбран Петроградский Совет, на первом заседании по выборам президиума Исполнительного Комитета, большинством голосов прошли большевики, председателем был избран т. Троцкий. После голосования бывший председатель Чхеидзе, Мартов и Дан покинули зал заседания.

Очевидец член заводской комиссии по истории рабочего движения

Николаев.

Воспоминания об Июльских событиях.

(Радиотелеграфный завод.)

Конец июня и первые дни июля семнадцатого года были тревожными днями в Питере: среди рабочих все больше и больше росло недовольство буржуазными министрами, все устали от проклятой войны, внутри страны неурядицы росли, а тогдашний кабинет министров решил продолжать войну с немцами „до победного конца".

Бурлило рабочее море на заводе и у нас в Гавани. Сперва робко, отдельные рабочие, потом все больше и больше массы стали говорить, что пора положить предел господству буржуазии, пора взять винтовку против господ министров, ставленников имущей части населения, пора поставить у власти настоящее народное правительство.

За время с Февральской революции до Июльских дней, питерский рабочий еще больше вырос в политическом отношении, и его уже не могли больше провести сладкие слова и обещания правительства и взывания их к чувству „патриотизма". Рабочие только усмехались желчно; чувствовалось, что классовая рознь обостряется, и классовые противоречия выступают все ярче и ярче. Летучие митинги „большевиков" многим рабочим открыли глаза на происходящие события, на сущность буржуазного строя.

Был у нас на Радиотелеграфном заводе большевик, по кличке „т. Абрам", около которого группировались сознательные рабочие, он нам много помог разбираться тогда в происходящем. Наступило 3-е Июля; после шабашу ходили слухи о совместном выступлении рабочих и солдат; положение было неопределенное, настроение в достаточной степени тревожное, но у всех была одна мысль „так продолжаться больше не должно, надо что-то предпринять в самом ближайшем времени".

Кучка рабочих вместе с т. Абрамом, часов в шесть, пошла к баракам 180-го пехотного полка, расположенного на Гаванском поле, там уже были рабочие Балтийского и других заводов Васильевского Острова. Устроили митинг, продолжавшийся три часа. Решили рабочим и солдатам выступить совместно и итти в центр города с лозунгом: „Долой войну и министров-капиталистов". Среди солдат было некоторое разногласие: брать ли оружие, или выступить безоружными, победило первое мнение, и солдаты быстро разобрали винтовки и выстроились. Дежурный по полку прапорщик отказался вести полк, тогда быстро выбрали руководителя и командиров и тронулись в путь с плакатами: „Долой войну".

По пути к нам присоединились части войск, расположенных на Васильевском Острове и все новые и новые группы рабочих, среди них было много женщин. Шли на Невский.

Около 11-ти часов вечера были у Гостиного двора, остановились, пошел разговор, что путь прегражден; так продолжалось немного минут, было темно, и только у Гостиного ярким пятном светился горевший автомобиль, у которого, по неосторожности шоффера, взорвался бензиновый бак; вдруг, где-то впереди у Садовой раздался взрыв бомбы, была брошена кем-то ручная граната, и этот взрыв послужил как бы сигналом, сразу затрещало несколько пулеметов, толпа на мгновение как бы замерла, потом все быстрее и быстрее стала подаваться назад, бросилась во двор Армянской церкви, в галлерею Гостиного двора, на Михайловскую и Думскую улицы.

Часть солдат залегла на улице и за колоннами Гостиного двора и начала отстреливаться, часть отступила с остальной толпой.

Неожиданный обстрел демонстрации пулеметным огнем озлобил солдат, и некоторые из них прикладами били зеркальные окна магазинов.

В течение нескольких минут трещали пулеметы, их было несколько штук, свистели пули, раздавались винтовочные выстрелы, заглушая стоны раненых, потом все стихло почти внезапно, только стоны и проклятия раненых нарушали тишину, подбирали раненых и несли и вели на Думскую улицу на перевязочный пункт.

4-го июля не работали, и вечером по рабочим кварталам распространился слух, что кронштадтские рабочие и матросы завтра приедут на подмогу питерским рабочим.

Утром со всех заводов Васильевского Острова рабочие вышли на набережную встречать кронштадтцев. Шел дождь, все вымокли до нитки, но не уходили и упорно ждали. Наконец, показались тральщики и пароходы с матросами и кронштадтскими рабочими, при чем последние тоже были вооружены. В этот день партия большевиков призывала выкинуть лозунг: „Мир хижинам, война дворцам", „Долой войну", „Долой 10 министров-капиталистов", „Вся власть Советам".

Соединившись с кронштадтцами, пошли в первом часу дня вместе целым районом к Государственной Думе с плакатами. Николаевский и Дворцовый мосты были разведены, пошли окружным путем. Против Петропавловской крепости, у особняка Кшессинской — огромный митинг, выступал т. Ленин. Вся площадь перед дворцом представляла из себя море голов, не было никакой возможности продвинуться вперед поближе, чтобы послушать т. Ленина, доносились лишь отдельные слова.

Крепость была в руках большевиков, и Троицкий мост, примыкающий к крепости, поэтому не был разведен. Мы и кронштадтцы от дворца Кшессинской двинулись по нему, направляясь к Государственной Думе. Все улицы около Таврического дворца, где тогда помещалась Государственная Дума, были залиты солдатами, рабочими, матросами. Пробраться вперед не было никакой возможности, толпа пропустила часть кронштадтцев. Тут-то и произошел инцидент с министром эс-эр Черновым, которого матросы чуть не убили, если бы не заступничество т. Троцкого.

Чувствовалось, что народ долго терпеть не может и не станет, что он начинает сознавать свою силу, и ему не хватает только преданного, умного, руководителя, вождя.

Такого вождя рабочий народ получил в лице партии большевиков, и движение пошло по определенному руслу, приведшему страну к Октябрю.

Комиссия Испарта на Радиотелеграфном заводе имени „Коминтерна".

Копия.

Протокол № 27

Общего собрания рабочих завода П. В. Барановского, состоявшегося 7-го июля 1917 года в 8 часов утра, в количестве 2000 человек.

Порядок дня:

1) Текущие дела и переживаемый момент.

§ 1. После доклада товарища о создавшемся положении, мы, рабочие завода П. В. Барановского, собравшись и обсудив настоящее положение, решили: приступить к работам, а прежде всего избрать делегатов в Центральный Комитет С.-Р. и С.-Д. с требованием дать объяснения:

а) Чье распоряжение прислать с фронта войска в Петроград?

б) И с каким намерением?

в) По каким причинам делаются набеги на редакцию газеты „Правда"?

г) По каким причинам большевистские организации выброшены на улицу.

д) Думает ли Центральный Комитет обуздать явно контр-революционные действия генерала Половцева?

е) Что Ц. К. в этом смысле сделал?

ж) Подтверждает ли Центральный Комитет слухи о расформировании Петроградских полков?

з) На каком основании разоружаются рабочие?

Настоящая резолюция принята единогласно всеми рабочими.

Избраны: т. Сергеев, Шармин и Корнилов.

Председатель Общего Собрания *Крайнев.*

Секретарь *М. Полнин.*

С подлинным верно:

Председатель *Сергеев.*

Секретарь: *М. Полнин.*

М. П.

О-во Заводов П. В. Барановского. Комитет Совета Старост.

Протокол

Заседания фракции Российской Социал-Демократической Рабочей Партии завода П. В. Барановского 22-го июля 1917 года в 3 часа дня.

Порядок дня:

1) Доклад о текущем моменте.

2) Текущие дела.

§ 1. Доклад товарища Евдокимова о переживаемом моменте. В связи с создавшимся кризисом власти преступные дельцы контр-революции перешли в наступление на широком фронте, забирая одну за другою позиции эс-эров и меньшевиков, которые, растерявшись после событий 3-го—4-го июля, отдают их буржуазии без боя. Видя, беспорядочное отступление и растерянность „соглашателей", блюстители старого режима начинают нагло расправляться со своими политическими противниками, не считаясь ни с чем, сжимая своими грязными, окровавленными лапами движение революции вперед. Душат демократию,—закрывая социалистические газеты, громят профессиональные организации, производят насильственные аресты и бросают в мрачные тюрьмы ни в чем неповинных людей.

Что же спрашивается, в это время предпринимают наши министры-социалисты, взявшие судьбы родины и революции в свои руки, и та масса, на которую последние опираются? Они, подобно поплавку на воде, повинуются каждому дуновению ветерка, качаются из одной стороны в другую, не имея под собой определенной точки опоры. Они, видя, что буржуазия, та самая буржуазия, которую они поддерживали, не щадит более и их,—завопили: карррраул! Кричат караул потому, что увидели ту пропасть, которую они сами вырыли для революции. Они увидели революцию, схваченную преступными руками за горло и скручиваемую по рукам и ногам, дабы она не сделала ни одного шагу вперед.

Только теперь эс-эры и меньшевики увидели, что они своим соглашательством погубили революцию, и заметались в разные стороны, ища опоры, но последней нигде не встречают. Буржуазия отшатнулась от них и уже больше не поддерживает. С.-д. (большевики) и интернационалисты остались верными себе, сказали меньшевикам: „мы не пойдем вместе рука об руку с вами до тех пор, пока вы окончательно не порвете связи с буржуазией. Перед вами два пути: один, вместе с нами, большевиками, порвав окончательно связь с капиталистами и помещиками, отбросив от себя тяготение к ним,—или оставайтесь плавающим поплавком и носитесь по волнам бушующего моря, по воле ветра, и ставьте будущее всей революционной демократии в зависимость от капризной судьбы".

Все последние действия буржуазии только яснее подтверждают справедливость взглядов большевиков, которые говорили, что буржуазия только на один миг была революционна, когда свергала Николая II, но дальше, с развитием революции, она не пойдет с нами, ее интересы совсем противоположны. Этого не хотели понять эс-эры и меньшевики и поплелись в хвосте буржуазии, поправшей революцию и начинающей диктовать свои условия революционной демократии. Растерялись эс-эры и меньшевики и не знают, что делать. Им

говорят, что только полная демократическая власть, пользующаяся полным доверием широких масс революционной демократии, может спасти страну от гибели и никакая другая, а тем более буржуазная. Но они и здесь не могут отрешиться от мысли, что без помещиков и капиталистов: Родзянко, Милюкова и Пуришкевича управлять страной нельзя. Так что же дальше? Как быть и как поступать в дальнейшем? Нас расстреливают из пулеметов, сажают в тюрьмы, избивают прикладами юнкера и нагайками казаки.

Мы должны смело и бодро смотреть на развивающиеся события, и, храня в душе святость своих идей и правоту своего дела, итти вперед, неся высоко свое знамя борьбы с угнетателями и еще с большей силой и энергией проповедывать те идеи и лозунги, которые мы начертали на своих знаменах, за которые мы должны бороться честно и открыто. Мы говорим, что насилием сознание не проясняется и идеи не создаются, а наоборот, только затемняются ненавистью. Мы будем терпеливыми, ибо может недолго придется ждать, и час окончательного освобождения близок. Мы говорим, что нам пулеметы не страшны, наши идеи не боятся никаких выстрелов, но мы указываем, что такая борьба пулеметами—борьба опасная. Буржуазия может не замечает, что большинство пулеметов и штыков на нашей стороне—это рабочие и крестьяне, одетые в серые шинели. Настанет час, и мы увидим море, взволнованное, бущующее море, сметающее все на своем пути, которое хлынет неудержимым потоком и сметет все преграды революции, всех врагов и опричников, стоящих у пулеметов и расстреливающих нас: это бушующее море своим мощным порывом сотрет с лица земли все то, что мешало свободе, сметет всех своих вековых врагов. Мы знаем, что проповедываемые нами идеи есть идеи, близкие всему трудовому народу, а потому сила народа всегда за нами, хотя буржуазия все неудачи на внешнем фронте, а также и внутреннем, будет всеми силами сваливать на нас, а сама вылезет из воды сухою, за событиями мы должны зорко следить. Буржуазия, забирая власть в свои грязные руки, уже говорит, что созыв Учредительного Собрания надо отложить до окончания войны, а войну она, нет сомнения, согласна будет продолжать еще несколько лет: это так же верно, как то, что после каждой ночи наступает день.

Мы быстрыми шагами идем к новым способам борьбы. Дальше продолжать открытую борьбу становится невозможно. Диктаторство Керенского — это смерть революции и Интернационала, но мы не должны падать духом, а еще с удесятеренной энергией проводить свои идеи в жизнь. Долой вековое рабство! Да здравствует Интернационал!

Балтийский флот в Июльские дни 1917 года [1]).

В основу нашей заметки положены документальные данные — телеграммы и юзограммы морского ведомства, отрывочность которых хотя и не дает ярких картин отдельных моментов развития революционного движения во флоте, но может дать канву для дальнейших работ в этой области.

Настроение моряков Балтики до Июльских дней и их отношение к политическим событиям было крайне неопределенно, — на некоторых кораблях („Адмирал Макаров“ и „Финн“) царило эс.-эр. засилье, на большинстве кораблей политические симпатии были крайне пестры и разнообразны, вплоть до анархических тенденций, и только два корабля — линкор „Петропавловск“ и „Республика“ всецело присоединяются к лозунгам партии большевиков и ведут усиленную большевистскую агитацию среди моряков других кораблей. Июльские дни застают эти два большевистских корабля в Гельсингфорсе, но события в Петрограде немедленно переносятся на корабли Балтийского флота и прежде всего на крейсер „Республику“ и линейный корабль „Петропавловск“.

---

[1]) „Красная Летопись“, исторический журнал, № 2—3, 1922 г. Гос. Изд., Петроград.

Общее положение в Петрограде рисуется следующей юзограммой из ставки Гокс-Лукарский:

Срочно Наштафлот.

„Сообщаю для сведения следующую телеграмму: по имеющимся сведениям вчера 5-го июля в Петрограде произошла вооруженная демонстрация. Около 19-ти часов первый пулеметный полк вышел из своих казарм с оружием в руках и направился к казармам Московского и Гренадерского полков, призывая их к выступлению вооруженной демонстрацией. Запасный батальон Московского полка после долгих колебаний присоединился к пулеметчикам, а затем присоединился и батальон Гренадерского полка, после чего эти части сосредоточились у Троицкого моста на правом берегу Невы. Части первого пулеметного полка на грузовых и легковых автомобилях, вооруженных пулеметами, разъезжали по Петрограду, конфискуя на улицах автомобили. Около 21-го часа названные части перешли Троицкий мост, направились к Павловским казармам, где присоединили к себе запасный батальон Павловского полка, после чего демонстранты разделились на две части: одна двинулась по набережной к Таврическому дворцу, а другие по Симеоновской улице. Демонстранты несли плакаты: „Долой 10 капиталистов - министров", „Долой Временное Правительство", „Вся власть Советам Рабочих и Солдатских Депутатов".

Постояв недолгое время перед Мариинским дворцом, демонстранты направились по Невскому проспекту, где к этому времени присоединились части полков: Сто восемьдесят первого и шестого Саперного батальона. Все полки первой и третьей Гвардейских дивизий отказались от участия в демонстрации и из казарм не вышли. На улицах местами возникла оружейная стрельба, но стреляли больше вверх, хотя по слухам есть несколько раненых. К полуночи многие части начали возвращаться в казармы, впрочем, среди солдат наблюдались пьяные. Броневым дивизионом был арестован автомобиль с солдатами первого пулеметного полка и конфисковано девять пулеметов, в другом месте такой же автомобиль задержан толпой граждан и отняты одни пулеметы. На Невском подверглись разгрому несколько магазинов, преимущественно в Гостином дворе, Милютином ряду. Рабочие заводов из донесений из Петрограда выступили в демонстрации в очень незначительном числе. К ночи наступило в городе успокоение. По приказанию Наштаверха сообщаю для осведомления армии с пояснением, что подробности и дальнейший ход по получении будут немедленно сообщаться целиком, дабы не давать почвы кривотолкам и ложным слухам".

Конечно, нужно иметь в виду, что приведенная юзограмма написана ставленником Временного Правительства, а следовательно, носит явно тенденциозный характер, но эта юзограмма все же отражает отдельные моменты Июльских дней в той последовательности, в какой они действительно происходили.

В развитие этой юзограммы в Гельсингфорсе на имя Комфлота товарищ морского министра Дударов посылает телеграмму ложного характера.

Из Петрограда Генмора пр. 8338 6/7 1 час. 10 минут ночи. Гельсингфорс. Комфлоту. Сегодня спокойствие в городе не нарушалось, мосты разведены, за исключением Дворцового, на котором заставы продолжают останавливать автомобили. По всему городу патрули войск для той же цели. Вооруженных автомобилей и лиц на улицах нет, за исключением на площади у дома Кшессинской. По имеющимся сведениям Зиновьев и Каменев арестованы. Ленин скрылся, полагают в Кронштадте, — за достоверность последнего не ручаюсь. Воинские части, демонстрировавшие вчера против Правительства и Совета, постепенно заявляют о своем подчинении № 8338. *Дударов.*

Несмотря на успокоительные юзограммы, большевистское движение на кораблях Балтфлота продолжает быстро развиваться, при чем во главе этого движения стоит линкор „Республика". Товарищ морского министра Дударов принимает решительные меры и предъявляет командам линейных кораблей „Петропавловск" и „Республика" ультимативное требование — немедленно

арестовать зачинщиков и препроводить в распоряжение Временного Правительства. В ответ на это требование председатель судового комитета линейного корабля „Республика“ т. Корнев сообщает, что никаких зачинщиков на линкоре „Республика“ не имеется, а среди команды царит полное единодушие, а следовательно, вся команда отвечает за свои действия. Линкор „Петропавловск“ вполне присоединяется к „Республике“, и, таким образом, два крупнейших корабля Балтфлота становятся явной угрозой буржуазному правительству. Дударов делает попытку вызвать в Петроград минную дивизию для защиты Временного Правительства, но агитационная работа моряков „Петропавловска“ и „Республики“ пустила настолько глубокие корни среди моряков минной дивизии, что последняя отказывается исполнить приказание Дударова.

Командующий Балтийским флотом адмирал Вердеревский, учитывая создавшееся положение во флоте и видя, что доверие к деятельности Дударова во флоте подорвано, обращается к Керенскому со следующей юзограммой:

Морскому министру Керенскому. Копия каперангу Дударову.

Двумя юзограммами военно-политического характера №№ 3294 и 3295 за подписью Дударова с отметкой кавычки оперативная кавычки доверие к деятельности каперанга Дударова во флоте подорвано и повело к установлению контроля Ц.К.Б.Ф.[1]) над всеми оперативными как входящими, так и исходящими распоряжениями Точка. Совершенно не допускаю в круг деятельности оперативной части лиц, к ней не принадлежащих, а при фактах, имевших место, не считая возможным настаивать на этом, нахожу единственно приемлемым выходом срочное устранение Каперанга Дударова от настоящей его деятельности с отметкой словом оперативная лишь действительно оперативных распоряжений, совершенно не касающихся внутренних политических вопросов Точка. В случае же помещения в оперативные распоряжения политических вопросов таковые телеграммы все равно будут сообщены в Ц.К.Б.Ф., так как считаю, что только при полном доверии и строгом разграничении оперативной и политической записей возможно в настоящих условиях руководство деятельности флота Точка. № 929/К.

Адмирал *Вердеревский.*

Но, несмотря на эту и предыдущие юзограммы, вполне ясно указывающие на нетерпимое отношение моряков Балтики к Временному Правительству и явные симпатии к большевистскому движению, Керенский делает последнюю попытку вернуть красных моряков в ряды „праведных“ и издает высокопарный и трескучий приказ по армии и флоту от 7-го июля 1917 года.

„С начала революции — говорится в приказе — в Кронштадте и на некоторых судах Балтийского флота, под влиянием деятельности немецких агентов и провокаторов, появились люди, призывавшие к действиям, угрожающим революции и безопасности родины. В то время, когда наша доблестная армия, геройски жертвуя собой, вступила в кровавый бой с врагом, в то время, когда верный демократии флот неустанно и самоотверженно выполнял возложенную на него тяжелую боевую задачу, Кронштадт и некоторые корабли, во главе с „Республикой“ и „Петропавловском“, своими действиями наносили в спины своих товарищей удар, вынося резолюции против наступления, призывая к неповиновению революционной власти в лице поставленного демократией Временного Правительства и пытаясь давить на волю выборных от органов демократии в лице Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов; во время самого наступления нашей армии начались беспорядки в Петрограде, угрожавшие революции и поставившие наши армии под удары врага, когда по требованию Временного Правительства в согласии с Исполнительными Коми-

[1]) Центральный Комитет Балтийского флота.

тетами Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов для быстрого и решительного воздействия на участвовавших в этих предательских беспорядках кронштадтцев были вызваны суда флота. Враги народа и революции, действуя при посредстве Ц.К.Б.Ф., ложными разъяснениями этих мероприятий внесли смуту в ряды судовых команд, эти изменники воспрепятствовали посылке в Петроград верных революции кораблей и принятию мер к прекращению организованных врагом беспорядков и побудили команды к самочинным действиям: смене Генерального Комиссара Онипко, постановлению об аресте помощника морского министра капитана 1-го ранга Дударова и предъявлению целого ряда требований Исполнительному Комитету Всероссийского Съезда Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Изменническая и предательская деятельность ряда лиц вынудили Временное Правительство сделать распоряжение о немедленном аресте их вожаков, в том числе Временное Правительство постановило арестовать прибывшую в Петроград делегацию Балтфлота. В виду сказанного выше приказываю:

1) Центральный Комитет Балтийского флота немедленно распустить, переизбрав его вновь.

2) Объявить всем судам и командам Балтийского флота, что я приказываю немедленно изъять из своей среды подозрительных лиц, призывавших к неповиновению Временному Правительству и агитирующих против наступления, представив их для следствия и суда в Петроград.

3) Командам Кронштадта и линейных кораблей „Петропавловск", „Республика" и „Слава", имена коих запятнаны контр-революционной деятельностью и резолюциями, приказываю в 24 часа арестовать зачинщиков и прислать их для следствия и суда в Петроград, а также принести заверения в полном подчинении Временному Правительству. Объявляю командам Кронштадта и этих кораблей, что, в случае неисполнения настоящего моего приказа, они будут изменниками родины, революции, и против них будут приняты самые решительные меры.

Товарищи, родина стоит на краю гибели из-за предательства и измены, ее свободе и завоеваниям революции грозит смертельная опасность. Германская армия уже начала наступление на нашем фронте, каждый час можно ожидать решительных действий неприятельского флота, могущего воспользоваться временной разрухой. Требуются решительные и твердые меры к устранению ее в корне. Армия их приняла, флот должен итти с нею нога в ногу... Во имя родины, революции, свободы, во имя блага трудящихся масс, призываю вас сплотиться вокруг Временного Правительства и Всероссийских органов демократии и грудью отразить тяжелые удары внешнего врага, охраняя тыл от предательских ударов изменников.

Приказ этот срочно объявить во всех командах и судах Флота.

Военный и Морской Министр *Керенский.*

Несмотря на грозный характер этого приказа, революционное движение приняло настолько резкие формы, что в Балтийском флоте не нашлось такого смельчака, который бы посмел объявить этот приказ командам Балтфлота. Наштафлот признается в своем бессилии и старается оттянуть издание приказа по флоту.

Юзограмма.

Из штаба Балтийского флота 7-го июля 1917 года 9 часов 55 минут.

Поминмор Комфлота сегодня прибудет в Петроград, не считаю возможным объявление Минмора флоту от 7-го июля до доклада Комфлотом Минмору и подтверждение Комфлотом этого приказа мне.

Несмотря на вторичное подтверждение Керенским этого приказа, он все же официально не объявляется, и только в сентябре месяце попадает на конференцию моряков, на которой выносится единодушная резолюция, клеймящая позором предателей рабочего движения.

Ссылка линкоров „Петропавловск“ и „Республика“ в отдаленную бухту не останавливает большевистского движения во флоте, — оно, напротив, приобретает более организованный характер и создает то несокрушимое ядро, которое так много помогло разбить в Октябрьские дни балаганные подмостки, на которых в течение 8-ми месяцев плохо сыгранная труппа разыгрывала сценарий „бескровной“ Февральской революции.

Д. Дуплицкий.

Как откликнулись моряки на Июльские дни в Гельсингфорсе.

К третьему июля мы, матросы Балтфлота, были готовы все, как один, за исключением малодушных и слабых, которые легко поддавались на удочку своих бывших начальников, которые оделись в овечьи шкуры и тащили в свой лагерь всех слабых. Хорошо помню, как мы получили сведения о том, что в Петрограде назревает что-то великое; мы были уверены, что вся сила в наших руках и нам легко удастся, опрокинув Временное буржуазное Правительство, взять всю власть в руки Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

Второго июля в Гельсингфорсе Советом Армии и Флота и Революционным Советом Порта,—в Мариинском дворце было созвано экстренное пленарное заседание, где выступил представитель Временного Правительства. Это был г-н Соколов, Н. Д., с повязкой на лбу, голову ему повредили в Павловском полку, где он говорил в пользу Временного Правительства. Он начал свою соловьиную речь с того, что члены Гельсингфорсского Совета обязаны подчиниться Временному Правительству и дать ему хотя бы воза два доверия и т. д. В зале заседания начался стон, гул, топот ногами по полу, так что трудно было председателю восстановить порядок. После г-на Соколова слово предоставили г-ну Бунакову, представителю партии правых эс-эров. Этот соловей еще больше и громче пел свою песню, главное он обладал хорошим ораторским искусством, и суть дела затушевал. После его речи чуть не получилась свалка, так как некоторые члены подались на красивые слова, после этих ораторов выступили наши товарищи Антонов, Смилга, Шейман и другие.

По окончании столь бурного заседания был устроен митинг на Соборной площади, где так же г-да Соколовы и Бунаковы собирали почтение и доверие Временному Правительству.

3-го июля под председательством т. Дыбенко было объединенное собрание всех организаций гельсингфорсского гарнизона на миноносце „Полярная Звезда“, где помещался в то время Центральный Исполнительный Комитет Балтийского флота. Обсуждалась „юзо“ от помощника морского министра Дударова, который приказывал командующему Балтфлотом выслать в Питер надежный дивизион миноносцев во главе с миноносцем „Орфей“; миноносцы должны были войти полным ходом в Неву, и командиру миноносца „Орфей“ надлежало явиться к Дударову. Далее, на случай волнения среди матросов крупных кораблей, Дударов приказывал командующему Балтфлотом заблаговременно выслать подводные лодки на пути в Кронштадт и не останавливаться перед пото-

плением кораблей, которые без его ведома могли выйти в море. Но мы, как один человек, постановили крепче сплотиться вокруг Советов Р. К. и С. Д. „Вся власть Советам, долой министров-капиталистов и лакеев буржуазии", сказали мы и решили срочно помощника морского министра Дударова арестовать.

Взамен просимого дивизиона миноносцев послали 61-го делегата от объединенного собрания с просьбой ко Всероссийскому Съезду Советов арестовать Дударова.

Отправились наши товарищи на миноносце „Орфей" в Петроград; верно вошли в Неву, но не пошли к Дударову, а отправились во В.Ц.И.К. Съезда Советов. Там нашим товарищам сказали: „сегодня поздно, придите завтра, все будет сделано". А между тем, наши делегаты были все по распоряжению Дударова арестованы, кто на „Орфее", кто в городе на вокзале верными буржуазии юнкерами.

После нашего заседания в Ц.И.К.Б.Ф., матросская фракция отправилась на места к своим избирателям. Я отправился в Або-Аландские шхеры, где стояла 2-я бригада крейсеров: „Россия", „Громобой" и „Диана". Когда я прибыл в 11 часов ночи 3-го или 4-го июля в город Або, то, встретив своих товарищей по корабельной службе, узнал, что получено радио, и все знают, что делается в Петрограде, спросил: „а настроение как?" Они мне сказали, что хорошее, — на стороне Советов; в любой момент готовы выйти к Кронштадту.

И вот я отправился к месту стоянки 2-й бригады крейсеров. По дороге на пароходе из бесед с матросами я еще яснее увидел, что настроение команды, едущей с берега на корабли, крепкое. В час ночи прибыл на крейсер „Россия", сильно утомленный; на крейсере до 6 часов утра разъяснял товарищам создавшееся положение. Решили утром на собрании поставить вопрос ребром. Прилег вздремнуть. Сквозь сон, слышу как трут щетками палубу — пол-восьмого, утренняя приборка. В 8 часов подъем флага и собрания на всех кораблях II бригады,—назначены бригадным комитетом. Вынесли резолюцию: „Вся власть Советам Р. К. и С. Д." Считали работу делегатов правильной и т. д., на этом же собрании была зачитана радио-телеграмма: приказ Керенского от 4/VII-17 года, он говорил стальным капиталистическим языком и бросал грязью в лицо всему Балтийскому флоту; Керенский приказывал подчиниться и распустить Ц.И.К.Б. Ф. и последнему спустить свой флаг на „Полярной Звезде" и т. д. Мы, видя, что с драконовским правительством ничего не сделаешь резолюциями, решили, что в случае если Временное Правительство не прекратит предъявлять к нам свои требования, то мы будем вынуждены подойти к самому Петрограду и принять решительные меры. Мне было поручено от имени бригады с количеством команды 3000 человек передать в ЦИК Балтфлота резолюцию о полной готовности выступить с оружием на защиту своих Советов. Прибыв в Гельсингфорс, я был поражен: красный флаг над Ц.И.К.Б.Ф. был спущен. Зашел в помещение Совета; спросил одного товарища, что произошло, он мне рассказал, что, согласно приказа Керенского Ц.И.К.Б.Ф., должен быть распущен, что наша делегация и миноносец „Орфей" арестованы в Петрограде. Пошел я в секретариат, там встретил заместителя председателя лейтенанта крейсера „Громобой",

фамилии его не помню, отдал ему резолюцию бригады и наказ членам Ц.К.Б.Ф. о неподчинении приказу Керенского и продолжении работы. Но заместитель председателя мне ответил, что против Временного „социалистического“ Правительства таких резолюций выносить нельзя. Я возмутился, высказал все наболевшее на сердце, но получил в ответ название фанатика; так ничего от зампредседателя ЦИК Балтфлота и не добился. Тогда я срочно отправился в Совет, где уже началось заседание матросской фракции; постановили выбрать комиссию из 6-ти т.т., фамилию помню только одного— т. Оверечкина; эта комиссия должна была поднять над Ц.И.К.Б.Ф. красное знамя и, распустив старый состав Ц.И.К., объявить новый съезд Балтийского флота, что было сделано. Характерно, что т. Дыбенко с партийными товарищами был арестован, и мы его хотели выручить, но наши попытки были безуспешны: посылали делегации на выручку, но две были арестованы. Правые эс.-эр. Шишко и Чекоидзе сообщили нам о судьбе наших товарищей, томящихся в „Крестах“. Надо было выручать наших товарищей, сидящих под арестом.

Бывший член 2-го созыва Гельсингфорсского Совета Армии и Флота.

Преддверье победы.

Июльский вал.

Февраль 1917 года, зажегший красные флаги на мачтах русских военных судов, сразу показал, что революционному матросу тесно в России Милюкова и Керенского. А июнь 1917 года показал, что революционный матрос — за Россию Советов, что за ее победу он готов сражаться и умереть.

Медовое благолепие первых после-февральских дней раньше, чем где бы то ни было, дало зловещую трещину в Балтийском флоте. Уже первый приказ о необходимости возродить „неукоснительную дисциплину“ и первые назначения на флотские посты старых адмиралов [1]) и эс-эро-кадетских деятелей вызвали хмурое недовольство в матросских массах. Буржуазная и социал-патриотическая литература, которой забрасывали флот, встречались моряками холодно и недоверчиво. Зато большевистские газеты и листовки, которые приходилось распространять нелегально, нашли живой отклик в матросских низах.

Правительство Керенского следило с тревожным напряжением за всем, что происходило в Кронштадте и Гельсингфорсе. Кадет Пепеляев на правах „лорд-мэра“ Кронштадта и с.-р. Онипко, назначенные блюстителями чистоты соглашательской линии Балтфлота в Гельсинфорсе, не могли, разумеется, противостоять стихийному левению моряков. Поводов для сдвигов влево было достаточно. Так, из-за приказа о поднятии на военных судах царских андреевских флагов вместо красных загорелся сыр-бор, который несколько утих только после вмешательства „самого“ Керенского.

[1]) Командующим Черноморским флотом Керенский назначил позже ставшего „знаменитым“ адмирала Колчака.

1-го мая и 18-го июня были основными вехами в этом процессе революционизирования флота. Не помогла и специальная делегация „вождей" в составе Церетели, Скобелева и других. „Чихвоидзе" (Чхеидзе) стало у моряков нарицательным словом и при том — словом ругательным. А в знаменитые Июльские дни моряки вместе с рабочими невской столицы вышли на улицы Питера и обагрили своей кровью преддверие Октябрьской победы.

* * *

Наша партия не сразу установила свое отношение к июльскому выступлению. Эта стихийная репетиция Октября открыла выход возмущению петроградского пролетариата и гарнизона против коалиционного правительства.

Большевики, работавшие в районах, оставались вместе с массами. События, возникшие не по почину нашей партии, в дальнейшем протекали отчасти под ее руководством. Она старалась ввести движение в русло и использовать его для борьбы против новой предполагавшейся коалиции.

Пулеметный полк, который первым стал готовиться к выступлению, прислал своих представителей в Кронштадт с призывом примкнуть. В ночь с 2-го на 3-е июля Кронштадтский Совет — сердце „Кронштадтской Республики", которую так ненавидела тогда буржуазия, — обсуждал вопрос о выступлении. К утру решено было отправиться с оружием в руках в Петроград.

Утром, как всегда в „большие дни", Якорная площадь была из края в край залита бурливым матросско-рабочим морем.

На трибуну пробрались меньшевики и эс-эры. Верные себе, они предостерегают, запугивают, вопят об осторожности.

Некоторые из большевиков сомневаются в своевременности выступления. Но Якорная площадь, грозным ропотом проводившая социал-кликуш, уже встречала овацией Раскольникова и Рошаля:

— Оружие в наших руках. Мы ли не обратим его против классового врага. Теперь, когда рабочие выступили, мы ли не установим полновластия Советов?

Площадь сочувственно грохочет. Анархист Ярчук присоединяется к большевикам. За выступление — лес рук.

Закипает подготовка. Ночью выступление.

* * *

Памятное утро 3-го июля. На рассвете семь военных судов и транспортов вливают в раскаленную атмосферу Петербурга новый поток непримиримости и гнева. Семь тысяч кронштадтских моряков и солдат, прямо с пристани, с развернутыми знаменами и с музыкой, ощетинившись штыками, двинулись прямо ко дворцу Кшессинской — к Петербургскому Комитету большевиков.

В этот день улицы и площади Питера были затоплены толпами. С балкона дворца Кшессинской бросил морякам несколько слов встреченный бурей восторга Ильич. Большевики призывали демонстрантов к спокойствию и выдержке.

От дворца Кшессинской толпы моряков, солдат и рабочих двинулись в нескольких направлениях.

Одна колонна окружила Таврический дворец, где заседал трусливый меньшевитско-эс-эровский ЦИК. Массы посылали одну делегацию за другой

в зал, требуя разрыва с буржуазией, мира и решительных социальных реформ. Церетели и прочие „Чехвоидзе“ отвечали уклончиво.

Большевики встречали на улице подходившие отряды и призывали к спокойствию. Но и здесь моряки оказались самыми нетерпеливыми. „Особенно решительно были настроены кронштадтцы, рассказывает об этих днях т. Троцкий, и лишь с трудом удавалось сдерживать их в пределах демонстрации“.

Другой отряд моряков, во главе с т. Раскольниковым, спас 3-го—4-го июля от окончательного разгрома темными личностями типографию „Правды“. Матросы охраняли типографию до самого конца выступления.

Большая колонна кронштадтцев двинулась к Петропавловской крепости. Подойдя к ней, матроссы предложили ее гарнизону сдаться. После недолгих переговоров пришли к соглашению, и две тысячи вооруженных моряков заняли крепость.

Захват красными кронштадтцами Петропавловки вызвал панику в Зимнем. Были вызваны верные Керенскому части, выставлены пулеметы, и начата осада крепости.

А из Гельсингфорса, где находился тогда Центробалт, в Петроград спешили миноносцы „Орфей“ и „Забияка“ с делегацией Центробалта и революционно-настроенными моряками.

Керенский пытался предупредить высылку подмоги из Гельсингфорса и через помощника морского министра Дударова послал шифрованный приказ „подводным лодкам топить все военные суда, если они будут посланы Центробалтом в Петроград“.

Этот неслыханно-вызывающий документ вызвал большое возбуждение у моряков. Экстренное совещание судовых комитетов постановило арестовать „доблестного“ Дударова вместе с его соратником Лебедевым и требовать передачи власти Советам. Была избрана делегация из 65-ти человек, которая на „Орфее“ направилась в Питер.

Часть делегатов предлагала зайти в Кронштадт для согласования с ним своих действий и арестовать немедленно Дударова вместе с его сподвижником Лебедевым. Эти предположения были, однако, отклонены [1]). 4-го июля „Орфей“ прибыл в Петроград, и делегаты Центробалта узнали, что июльское выступление подавлено.

Дело в том, что Временное Правительство и его лакеи из лагеря „социалистов“ оттягивали развязку до прибытия в Питер вызванных с фронта „надежных“ войск.

4-го июля ночью казаки и другие части, „преданные Временному Правительству“, стали прибывать в Петербург. Соглашатели немедленно перестали мямлить, резко заговорили о „мятеже“, „большевистской контр-революции“ и приступили к разгрому рабочих организаций.

Утром 5-го июля осажденный в Петропавловской крепости отряд моряков, оставшийся без продовольствия, вынужден был сдаться. Осаждавшие

---

[1]) При составлении очерка автор использовал еще неопубликованные полностью воспоминания ряда лиц, которые в составе делегации были тогда на „Орфее“. Эти воспоминания находятся в распоряжении редакции „Юного Коммуниста“.

согласились предоставить морякам право выхода из крепости с сохранением оружия. Кронштадтцы начали выступать из Петропавловки с музыкой, боевыми колоннами, но неожиданно были атакованы, окружены и обезоружены солдатами Временного Правительства.

„Орфей“ с делегатами весь день 5-го июля стоял у стенки: сходить на берег не разрешали. 6-го июля морякам под протестующий вой временных хозяев положения удалось огласить в ВЦИК резкую резолюцию Балтфлота.

7-го июля делегаты-большевики были арестованы и брошены в тюрьму ‚Кресты“. Уйти в Кронштадт, как предполагалось, „Орфей“ не смог из-за раскола и колебаний внутри команды. Прибывший на миноносце „Заветный“ Дыбенко был немедленно арестован. В „Крестах“ к тому времени агенты правительства собрали сотни лучших революционеров-большевиков, цвет рабочего класса Петербурга и всей России.

Так была задушена первая стихийная попытка рабочих вырвать власть из рук буржуазии. После Июльских дней началась вакханалия „революционного правосудия“. На Невском избивали каждого, кто появлялся в матросской форме. Столица была в руках офицерья. Пресса изливала потоки клеветы на загнанную в подполье партию рабочей революции. Буржуазия била в литавры, и газетные герольды биржи возвещали победу.

А революционная воля рабочего, моряка и солдата, умудренная июльским опытом, только ушла глубже, чтобы, назрев, уже не разрозненными выступлениями, а единым ударом сокрушить буржуазию.

Флот остался революционным. Кронштадт был едва ли не единственным местом в России, где открыто звучала проповедь большевиков.

Волна упала, но ненадолго. За разбившимся Июльским валом встал Октябрьский — победный [1]).

Ю. М.

Армия и июль 1917 г.

Накануне Июльских событий приехал я из Петрограда к себе на службу, в Красное Село в 176-й стрелковый пехотный полк, который был расположен в двух верстах от станции в бараках, выстроенных в начале империалистической войны. Было уже 8 часов вечера. Захожу в клуб, украшенный зеленью и разноцветной бумагой. Увидя меня, товарищи подошли ко мне и начались расспросы:

— Ну, как там в Питере?

— Что пулеметный полк?

— Что нового?

— Какое настроение у рабочих?

— Ну, а как в 1-м пулеметном полку много большевиков?

— Почти все!

Получив удовлетворительный ответ, товарищи спросили:

---

[1]) „Под вымпелом Октября“ изд. „Молодая Гвардия“, Москва. 1923 г., стр. 9.

— Ну, а когда выступаем?

— Пятого июля.

В 176-м стрелковом полку две роты состояли исключительно из петроградцев, большинство рабочих, родившихся в 1898 году [1]), они считали себя большевиками. Партийных в полку, не ошибусь, если скажу, человек 8-м было, а остальные без регистрации и билета.

В клуб собирается более чем обыкновенно народа — оказывается, будет собрание, которое устраивают большевики. Публики собралось более ста человек. Большинство петроградцев. Наконец, пришел т. Дзержинский, инструктор команды связи, большевик. Слово взял сначала т. Дзержинский, который в своей речи громил Временное Правительство и меньшевиков. После него выступил какой-то меньшевик. Но ему не пришлось окончить своей речи, ее заглушили крики: „Долой буржуя!“ „Довольно!“ „Довольно!“. Какой-то товарищ меня спросил: „А что такое буржуй?“ Пришлось ему объяснить. Собрание было шумное, много было выступающих, меньшевикам не давали говорить.

После собрания пошли по ротам в казармы. Много говорили и спорили до поздней ночи. Утром на другой день встали по обыкновению в 7 часов, после чая скомандовали на занятия. Но на улицу никто не пошел, были словесные занятия в бараке. Эти занятия походили больше на политическую беседу. Чувствовалось, что „большевистская зараза“ распространяется.

После обеденного часа повели нашу роту на лекцию в театр, а до этого дня еще не водили никуда. Ждали мы в театре больше часу, а потом нам объявили, что лектор по неизвестной причине не пришел. Пришли обратно в казарму, а барак точно опустел, какой-то странный вид имеет, смотрим: а стойки-то пусты, — ни одной винтовки!

— Товарищи! Нас обезоружили! Передать в другие роты, чтобы не ходили никуда без винтовок!!!

А в других ротах также предлагают на лекцию итти. Не тут-то было. Пошла буза! Большевики принялись за работу. Беспартийные присоединились. Ряд прапорщиков также оказался на стороне большевиков.

Наша рота кое-чем начала вооружаться. Понаходили берданки, а там и винтовки.

Рядом стоял 171-й стрелковый пехотный полк, который все время держался в стороне. Этот полк рота за ротой стал примыкать к восставшим. Старший офицерский состав, как в воду канул, все поскрывались. Мы стали у себя хозяевами. Вскрыли склады с оружием. Пекарня была в наших руках. На ночь выставили караулы и заставы. Но нас никто не побеспокоил. В ночь на 5-е июля двинулись в Петроград наш и 171-й стрелковый полк. Духовой оркестр впереди беспрерывно играл революционный марш. Очень немногие остались в казармах... Дух у всех большевистский. Шли мимо деревень, нас спрашивали там: „Куда?“

— За хлебом в Питер! — отвечали.

Так прошли мы верст двадцать. От быстрой ходьбы и от тяжести амуниции некоторые устали. Оркестр умолк, но революционные песни не умолкали.

---

[1]) Мобилизованных допризывного возраста в июле 1916 года после сильных забастовок на питерских заводах. *Редакция.*

Подходя к Петрограду, мы соблюдали боевую осторожность. Вступили в Питер благополучно. Развернули знамена, на которых были лозунги: „Мир хижинам, война дворцам". „Да здравствует власть Советов". Нашей задачей было соединиться с 1-м пулеметным полком, который стоял на Выборгской стороне.

На Литейном мосту, по рядам полка, прошел беспокойный гул: „Казаки! На мосту пулеметы!"

Откуда-то раздался выстрел, за ним другой. Мы бросились врассыпную. Пошла беспорядочная стрельба. Кинулись к Арсеналу, — оттуда залп. Вижу, — казак свалился с лошади, какой-то солдат, овладев лошадью, сел на нее и ускакал. Слышны отовсюду крики: „Товарищи!!! Соблюдайте спокойствие! А главное в ы д е р ж к у!!!" Откуда-то появились подростки, раздававшие патроны. Мост нужно во что бы то ни стало освободить. Несколько хороших залпов, и мост свободен.

Части пошли через мост. Но не успели пройти и половины его, как мост стал подниматься, его развели. Таким образом нас раскололи.

Спустя некоторое время, видя, что части Временного Правительства превосходят нашу силу, ребята начали разбегаться.

Временным Правительством были выставлены патрули на всех перекрестках, которые обезоруживали проходивших вооруженных солдат, матросов и рабочих. Меня с товарищем также задержали на углу Бассейной и Литейного и предложили сдать винтовку. Пришлось подчиниться!

О б е з о р у ж и в а л и и е т п у с к а л и н а в с е ч е т ы р е с т о р о н ы. Сдав винтовки, мы поплелись, усталые, изнуренные и голодные по домам.

Через несколько дней было объявлено в газетах о явке в 176-й стрелковый полк всех солдат этого полка; неявившиеся, мол, будут считаться дезертирами. Просрочив несколько дней, начали собираться наши ребята в часть. Но никто не жаловался на неудачу. Каждый говорил — „Подождем". Правда, многих не досчитались. Кто не явился совсем, а кто стал жертвой Июльского выступления.

Через несколько дней были арестованы наши вожаки, но из боязни выхода полка снова в Петроград, вскоре освобождены.

Прошло короткое время, и буйные роты отправили на фронт. Роты отъехали от Красного Села с криками: „Вся власть Советам".

Бывший солдат 176-го стрелкового пехотного полка 2-й роты 1-го взвода 2-го отделения.

И. Бобкин.

К лозунгам [1]).

... Перелом 4-го июля именно в том и состоит, что после него объективное положение круто изменилось. Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контр-революции. Развитие партий на почве соглашательства мелко-буржуазных партий эс.-эр. и меньше-

[1]) Отрывок из брошюры Ленина, написанной в июле 1917 года, изданной Кронштадтским Комитетом РСДРП (б.). Т. XIV-й. Собр. Сочинений Ленина.

виков с контр-революционными кадетами привело к тому, что обе эти мелко-буржуазные партии оказались фактическими участниками и пособниками контр-революционного палачества. Несознательная доверчивость мелких буржуа к капиталистам довела первых, ходом развития партийной борьбы, до сознательной поддержки ими контр-революционеров. Цикл развития партийных отношений закончился.

27-го февраля все классы оказались вместе против монархии. После 4-го июля контр-революционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелко-буржуазных эс-эров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере.

Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь, как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг объективно был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и теперь достаточно пожелать взять власть или постановить это теперь для получения власти, — будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, — будто можно бывшее сделать небывшим.

Глубочайшей ошибкой было бы думать, что революционный пролетариат способен, так сказать, из „мести“ эс-эрам и меньшевикам за их поддержку разгрома большевиков, расстрелов на фронте и разоружение рабочих, „отказаться“ поддерживать их против контр-революции. Такая постановка вопроса была бы, во-первых, перенесением мещанских понятий о морали на пролетариат (ибо для пользы дела пролетариат поддержит всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию); она была бы, во-вторых, и это главное, — мещанской попыткой затемнить посредством „морализирования“ политическую суть дела.

Эта суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку Кавеньяков[1]), опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов.

Суть дела в том, что победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа, условием движения которых является не только то, чтобы они были руководимы пролетариатом, но и то, чтобы они отвернулись от предавших дело революции партий эс-эров и меньшевиков.

Кто вносит в политику мещанскую мораль, тот рассуждает так: допустим, что эс-эры и меньшевики сделали „ошибку“, поддержав Кавеньяков, разоружающих пролетариат и революционные полки; но надо дать возможность им „поправить“ „ошибку“, „не затруднять“ им исправление „ошибки“, облегчить колебание мелкой буржуазии в сторону рабочих. Подобное рассуждение было бы детской наивностью или просто глупостью, если не новым обманом рабочих. Ибо колебание мелко-буржуазных масс в сторону рабочих состояло бы только в том, и именно в том, что эти массы отвернулись бы от эс-эров

[1]) Генерал Кавеньяк — усмиритель французских рабочих в июне 1848 года.

и меньшевиков. Исправление „ошибки“ партиями эс-эров и меньшевиков могло бы теперь состоять только в том, чтобы эти партии объявили Церетели и Чернова, Дана и Ракитникова пособниками палачей. Мы вполне и безусловно за такое „исправление“ ошибки.

Коренной вопрос о революции есть вопрос о власти, сказали мы. Надо добавить: именно революции показывают нам на каждом шагу затемнение вопроса о том, г д е настоящая власть, показывают нам расхождение между формальной и реальной властью. Именно в этом и состоит одна из главных особенностей всякого революционного периода. В марте и апреле 1917 года неизвестно было, находится ли реальная власть в руках правительства или в руках Совета.

Теперь же особенно важно, чтобы сознательные рабочие посмотрели трезво на коренной вопрос революции: в чьих руках в данный момент государственная власть. Подумайте, каковы материальные ее проявления, не принимайте фразы за дела, и вы не затруднитесь ответом.

Государство есть прежде всего отряды вооруженных людей с материальными привесками вроде тюрем — писал Фридрих Энгельс. Теперь это — юнкера, реакционные казаки, специально свезенные в Питер; это те, кто держит в тюрьме Каменева и других; кто закрыл газету „Правду“; кто разоружил рабочих и определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть войска в армии. Вот эти палачи, это — реальная власть. Церетели и Черновы — министры без власти, министры-куклы, вожди партий, поддерживающих палачество. Это — факт. И этот факт не меняется от того, что ни Церетели, ни Чернов лично, наверное, не „одобряют“ палачество, что их газеты робко отговариваются от него: такое видоизменение политического наряда не меняет сути дела.

Закрытие органа 150.000 петербургских избирателей, убийство юнкерами рабочего Воинова (6-VII) за вынос из типографии „Листка Правды“ — разве это не палачество, разве это не дело Кавеньяка? Ни правительство, ни Советы „не виноваты“ в этом, — скажут нам.

Тем хуже для правительства и для Советов, — ответим мы, ибо тогда, значит, они — нули; они — марионетки, реальная власть не у них.

Народ должен прежде всего и больше всего знать п р а в д у — знать, в чьих же руках на деле государственная власть. Надо и говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков (Керенского, некиих генералов, офицеров и т. д.), коих поддерживает буржуазия, как класс с партией к.-д. во главе ее, и со всеми монархистами, действующими через все черносотенные газеты, через „Новое Время“, „Живое Слово“ и пр. и пр.

Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контрреволюцией — пустые фразы, „самообман и обман народа“.

Эту власть поддерживают сейчас и министры Церетели и Черновы и их партии; надо разъяснить народу их палаческую роль и неизбежность такого „финала“ этих партий после их „ошибок“ 21-го апреля, 5-го мая [1]), 9-го июня, 4-го июля, после их одобрения политики наступления, — политики, на $^{9}/_{10}$ предрешившей победу Кавеньяков в июле.

---

[1]) 5-го мая составилось коалиционное министерство из 10 „министров-капиталистов“ и 6 „министров-социалистов“.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы она учитывала конкретный опыт именно теперешней революции и в особенности Июльских дней, т.-е. чтобы она ясно указывала настоящего врага народа, военную клику, кадетов и черносотенцев, и чтобы она определенно разоблачала те мелко-буржуазные партии, партии эс-эров и меньшевиков, которые сыграли и играют роль пособников палачества.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы выяснить полнейшую безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики, пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эс-эров и меньшевиков. Это был бы очень долгий и очень трудный процесс при „нормальных" условиях капиталистического развития, но и война и экономическая разруха ускорят дело в громадных размерах. Это — такие „ускорители", которые месяц и даже неделю могут приравнять году.

Вероятно, против сказанного выше выдвинуты были бы два возражения: первое, что говорить сейчас о решительной борьбе „значит поощрять разрозненные выступления, которые помогли бы именно контр-революции; второе, что ее свержение означает переход власти все-же в руки Советов.

В ответ на первое возражение мы скажем: рабочие России уже достаточно сознательны, чтобы не поддаваться на провокацию в заведомо невыгодный для них момент. Что теперь выступать и сопротивляться им значило бы помочь контр-революции, это бесспорно. Что решительная борьба возможна лишь при новом подъеме революции в самых глубоких массах, это тоже бесспорно. Но недостаточно говорить о подъеме революции, о приливе ее, о помощи западных рабочих и т. д. Вообще надо сделать определенный вывод из нашего прошлого, надо учесть именно наши уроки. А этот учет даст именно лозунг решительной борьбы против захватившей власть контр-революции.

Второе возражение тоже сводится к подмену конкретных истин чересчур общими рассуждениями. Свержение буржуазной контр-революции не может дать ничто, никакая сила, кроме революционного пролетариата. Именно революционный пролетариат, после опыта июля 1917 года, и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть — вне этого победы революции б ы т ь н е м о ж е т. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями, — вот единственный выход, и мы ответили, уже, какие именно обстоятельства могут чрезвычайно ускорить его.

Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, н о н е т е п е р е ш н и е С о в е т ы, н е о р г а н ы с о г л а ш а т е л ь с т в а с б у р ж у а з и е й, а о р г а н ы р е в о л ю ц и о н н о й б о р ь б ы с н е й. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с д а н н о й контр-революцией и с предательством д а н н ы х Советов.

Подменять конкретное абстрактным один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции. Данные советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них партии эс-эров и меньшевиков. В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы т е п е р ь бессильны

и беспомощны перед победившей и побеждающей контр-революцией. Лозунг передачи власти Советам может быть понят, как „простой" призыв к переходу власти именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому, значило бы обманывать народ. Нет ничего опаснее обмана.

Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27-го февраля по 4-е июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить, при начале нового цикла, из победившей буржуазной контр-революции, победившей благодаря соглашательству с ней эс-эров и меньшевиков, и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом. В этом новом цикле, конечно, будут еще многоразличные этапы и до окончательной победы контр-революции и до окончательного поражания (без борьбы) эс-эров и меньшевиков и до нового подъема новой революции. Об этом, однако, говорить можно будет лишь позже, когда наметятся эти этапы в отдельности.

Н. Ленин.

IV. ОТ ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ К ОКТЯБРЮ.

Корниловские дни [1]).

Еще когда Корнилов со своими полками подходил к Петрограду и когда правительство Керенского вместе с меньшевиками частью, как ошалелое, кидалось из стороны в сторону, не зная, на кого опереться в предстоящей борьбе, частью — делало вид, что оно встревожено подступом этого генерала к Красной столице, ибо на самом деле от него-то и ждало спасения себя самого, своей власти и богатств своего класса, — революционные группы рабочих и крестьян быстро стали объединяться вокруг большевиков. В Смольном в Корниловские дни ясно сказались единство воли, революционная выдержка и боевая готовность пролетарских масс, шедших за большевиками. Как ни старались меньшевики и эс.-эр. показать, что в Корниловские дни они являются хозяевами положения, как ни суетились они, сколько ни говорили революционных фраз, — всем было ясно видно, что от этих вождей уже ушли массы, что революционная поза, принимаемая то тем, то другим из них, не только не имеет в себе никакой, даже театральной красоты, но что она смешна и жалка. И в то же время, когда приходилось общаться с большевистскими массами, со штабом этих масс, невольно чувствовалось, что именно здесь сама жизнь, бьющая ключом, что тут волной ходит радость приближающихся битв, твердая уверенность в неизбежности борьбы. Беззаветная удаль рабочих, с прямым желанием победить во что бы то ни стало, бодрила и окрыляла всех.

---

[1]) „Пролетарская Революция", журнал Истпарта, № 10, 1922 года, Гос. Изд., Москва.

Непреклонная воля петроградского пролетариата, низвергшего царя, окрепшая в июльском поражении, закалившаяся в испытаниях последующих преследований, наконец, четко выявилась уже в эти дни: долой все промежуточное, что принято было в феврале и марте. Все — к единой цели, к священной борьбе за новый истинно пролетарский мир, к победам над отживающей, разлагающейся русской буржуазией. Нетерпение и порыв Июльских дней и связанная с ними неорганизованность сменились суровой сосредоточенностью, видимым спокойствием, выдержкой, под которыми бурлила страть и жажда борьбы.

Меньшевики и эс.-эр., чуя недоброе, всячески успокаивали делегатов из районов, уверяя, что опасность гораздо меньшая, чем о ней говорят, что вовсе не нужно такое напряжение сил, что правительство само справится.

А районы Петрограда и окрестностей все валили и валили к Смольному, и бодрые, смелые лица всюду оживляли полузаснувший институт. Снова почувствовалось, что сюда вошла революция, что здесь творится новая жизнь, что тут приподнимается новая страница истории, что никакие слова, никакие причитания не могут подействовать на эти боевые массы. И если одни в успокоении, в скорейшей ликвидации этой неприятной Корниловской истории видели выход из положения, то тот, кто призван был самой жизнью вершить судьбы народа, не хотел слушать колыбельные песни. Его стремились унять, успокоить, убаюкать.

А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой.

Корниловские дни были прелюдией Октябрьских выступлений. Эта неожиданная боевая тревога, так благодетельно подоспевшая, — выпрямила петроградский пролетариат. Дни колебания и некоторой растерянности, шедшие за июльским выступлением, быстро миновали; и боевой клич этих дней, всколыхнувший глубокие массы, претворился в революционный лозунг сплочения организацией, проверки боевых сил. Опасность монархизма, восстановления старого порядка, промелькнувшая перед рабочими, была быстро осознана массами. Всем стало ясно, что самая черная реакция, покровительствуемая из правительственного лагеря, сгущается, организуется и ползет для полного удушения к самому сердцу революции.

От обороны надо было переходить к нападению. С каждым днем становилось ясней, что только претворение самозащиты в прямое действие, восстание с оружием в руках должно сменить все остальные способы борьбы. Захват власти и полное низвержение старого правительства — правительства Керенского — вот прямая и непосредственная задача для революционного пролетариата ближайших месяцев вслед за корниловщиной.

— Что теперь делать? — помню кто-то спросил В. И. Ленина на хорах Смольного, где должны были собраться некоторые большевики, в первый день после июльского выступления, когда ясно было видно, что правительственные партии одержат верх над демонстрировавшими рабочими и солдатами.

— Вооруженное восстание — другого выхода нет.

— Когда?

— Это покажут ближайшие события.

В июле 1917 года этот ясный вывод далеко не всем большевикам казался неизбежным. Еще у многих теплились надежды на какое-то мирное житие, на возможность обойтись без прямого вооруженного выступления.

И когда еще через день кто-то переспросил у Владимира Ильича о том же, он определенно ответил:

— Вооруженное восстание совершенно неизбежно. Еще некоторое время, — и оно будет обязательно, оно не может не быть.

Корниловские дни всей своей сущностью подтвердили это положение, это историческое предсказание. Когда в Смольном в Корниловские дни обсуждалось положение среди товарищей, невольно пришлось вспомнить это предсказание Владимира Ильича, отсутствовавшего тогда из Петрограда, ибо он должен был скрываться от розысков и преследований правительства меньшевиков и Керенского.

В Корниловские дни дыхание восстания, выступления с оружием в руках вновь носилось над Петроградом. Эти дни были последними ступенями к Октябрю. Разложение в армии Корнилова, отказ от наступления его „дикой" дивизии, выславшей депутацию в Смольный, улажение всего этого конфликта, завершившегося „предпарламентским совещанием", этой и истинной кукольной комедией, где лидеры старой социал-демократии из породы меньшевиков ломали нужный для буржуазии водевиль, совершенно ясно показывая, в какую пустую говорильню превратили бы они и Учредительное Собрание, и парламент, если бы только их подпустили к этому делу. И лишь огненное слово Л. Д. Троцкого, только что испытавшего на себе все прелести тюремного заключения при буржуазно-меньшевистском режиме, разящим мечом рассекало все хитросплетения изворотливых ораторов центра. Он твердо и ясно заявил, что назад нам некуда итти, что рабочие и не собираются итти туда; они знают единственную дорогу к новой революции. Все притихло, и лишь какой-то трепетный шелест проносился над рядами кресел и лож, точно замлевшие вожди дрянненькой русской буржуазии творили шопотом предсмертную молитву, почувствовав, что дни их сочтены.

Громы нескончаемых аплодисментов, мощные клики представителей рабочих, пришедших сюда в качестве публики, были единодушным откликом на вдохновенную речь Л. Д. Троцкого. Здесь слагалась окончательная воля к восстанию, — и надо было применить весь такт и всю силу Ц. К. нашей партии, чтобы это ясное всеобщее желание не вылилось в прямое действие, ибо еще было рано и могло повториться второе июльское выступление, конечно, с гораздо большим кровопролитием.

Предпарламенское совещание еще более открыло бездну, разделяющую действенные силы революции от приверженцев старых форм жизни, хотя бы это был „парламентский строй", о котором с таким вожделением мечтали попы и ханжи Февральской революции, создавшие предпарламентское совещание, даже по названию напоминавшее предсоборное собрание деятелей православной церкви и всероссийской реакции, как раз в то время заседавшее нейтрально в Москве. Нельзя не отметить, что некоторые деятели „московского собрания" входили в число членов Петроградского совещания.

Предпарламентское совещание внесло большую ясность в классовые соотношения. Контакт между Таврическим дворцом, где заседала махровая

русская дворянско-капиталистическая буржуазия, и Смольным, где все более и более овладевали полем жизни представители революционных рабочих масс и солдат, — исчезал. Меньшевики и эс.-эр., все более оттираемые волнами революции на задворки общественно-политической арены, ясно чувствовали, что в Смольном неладно, что здесь, как говорили они, „готовится заговор". И действительно, на заговор против революционного пролетариата, организованные большевиками рабочие массы ответили заговором против дворян и буржуазии, против всех тех, кто был с ними, сознательно или бессознательно поддерживал их. Вытесненные было меньшевиками и эс.-эр. многие петроградские деятели большевизма из стен Таврического и Смольного, когда каждого подозреваемого в большевизме старались из всех сил лишить возможности занимать какую бы то ни было общественную должность, все в большем и большем числе стали вновь появляться в стенах Смольного. Мы стали овладевать здесь шаг за шагом не только вниманием приходящих, но и его пространством, должностями, организациями, работой. В то время как в районах шла кипучая организационная работа, где собирались все наши силы, здесь, в Смольном, мы, сначала после июля имевшие малую организацию, быстро стали ее расширять. В книжных магазинах, на столиках и пр. всюду вновь появилась наша литература, сначала тщательно бойкотированная меньшевиками и эс.-эр. Мы стали вводить всюду своих товарищей и через них влиять на приходящих рабочих. И в то время, как среди воинских частей, в казармах, среди матросов, на фабриках и заводах всюду велась тщательная подготовка к восстанию, здесь в Смольном мы собирали расширенное собрание за собранием фракции с представителями от районов и профессиональных союзов, где в горячих спорах обсуждалось политическое положение. Всем становилось ясным, что иного выхода, как захват власти рабочими, крестьянами и солдатами, — нет; ибо Февральская революция, в силу своих классовых соотношений, идет на убыль, и возврат в той или иной форме к старому совершенно неизбежен.

Собрания эти, продолжавшиеся до глубокой ночи, были очень жарки. Мы обставляли их по возможности конспиративно, проверяя входивших; но, конечно, все споры и разногласия тотчас переносились в районы и разносились по всему городу, тревожа обывателя и особенно правительство Керенского, меньшевиков и правых эс.-эр. Здесь особенно сказалось полное бессилие правящей немощной русской буржуазии, которая не имела в себе ни одной яркой фигуры, ни одного действенного „вождя", который мог бы организовать серьезное сопротивление. Все эти Коноваловы, Львовы, Родзянки, всегда имевшие дряблый дух в дряблом теле, всецело полагались на своих вождей Керенского, Церетели, Чхеидзе, которые должны были являть собой вождей масс, держащихся ими всегда взнузданными, всегда на поводу. Но эти адвокаты четвертого сословия не заметили, как их подзащитный выпрямился, сошел со скамьи подсудимых и стал громить своих судей; а они, блаженные, все еще продолжали лепетать свои розовые речи.

Керенский с правительством засел в Зимнем дворце, бросил заниматься мелодекламацией и более публично нигде не появлялся, шмыгая по Петрограду в автомобиле, меняя шоферов, сменяя караулы дворца из разных частей: то преображенцы, то семеновцы, то матросы (в эту ночь, говорят

он особенно тревожно спал и видел черные сны), — то, наконец, женский батальон, которым он окружил свою спальню. Женский батальон мягко сторожил будуар своего вождя и, очевидно, решил погибнуть с ним, но не сдаваться.

В. Бонч-Бруевич.

Демократическое совещание [1]).

По мере падения влияния соглашательских партий в среде рабочих и солдат росло и пренебрежение „вождей" этих партий к рабочему классу и солдатско-крестьянской массе. „Не революция, а бунт рабов", такую оценку событиям и настроениям широких масс давала мелко-буржуазная интеллигенция, заполнявшая ряды партий социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков. Эти настроения соглашательских рядов, обнажавшие их классовую сущность, еще больше отталкивали рабочих и вносили глубокое смущение в те немногочисленные ряды рабочих, которые шли за ними.

Потеряв доверие рабочих и солдат Петербурга, соглашательские партии и само Временное Правительство стали искать другой опоры. Стоя на почве соглашения с буржуазией, правительство решило „расширить" базу своей опоры, опереться прочнее на мещанские слои города и кулацкие деревни. На сцену выплыло „Демократическое Совещание", как представительство „всей" демократии России. Центральный Исполнительный Комитет не торопился с созывом Съезда Советов, предпочитая заменить его „Демократическим Совещанием", более „полно" представляющим, по мнению Ц. И. К., революционный народ. На первую половину сентября, кажется, на 12-е число было назначено открытие заседаний „Совещания". На Совещании предполагалось выслушать правительство и высказаться по вопросу о коалициии, трещавшей по всем швам.

Когда стали известны нормы представительства на „Демократическое Совещание", то даже политические слепцы поняли политическую арифметику Центрального Исполнительного Комитета и Временного Правительства, находившихся в руках социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков. Всего предполагалось созвать около 1.700 делегатов, при чем голоса представителей солдат и рабочих тонули в общей массе мещанского представительства. Советам рабочих и солдатских депутатов предоставлялось 230 мест. Такое же количество имели Советы Крестьянских Депутатов. Городским самоуправлениям было дано 300 мест и 200 мест предоставили земствам и Губернским Исполнительным Комитетам. Городские самоуправления и земства избирались в первые месяцы после Февральской революции и отражали в себе тогдашние соотношения партийных сил и настроений. К моменту созыва „Демократического Совещания" соотношения партийных группировок внутри так называемой „революционной демократии", т.-е. среди солдат и рабочих в городах значительно изменились. Эти изменения выявились в перевыборах Советов, давших к тому времени преобладание левым, боровшимся против коалиции, большевикам, шедшим под лозунгом: „власти Советам".

---

[1]) „Пролетарская Революция", журнал Истпарта, № 10, 1922 года, Гос. Изд., Москва.

В то же время городские думы и земства оставались непереизбранными. В них влияние рабочих и крестьян было самое незначительное. 167 мест было предоставлено армейским организациям, комиссарам, казакам, армейской крестьянской секции, увечным и офицерам. Все эти организации были верхушечные, не отражавшие волю своих низов, выбранные также до корниловщины. Всероссийскому Центральному Совету Профессиональных Союзов, объединявшему тогда уже около двух миллионов рабочих и служащих, предоставлено было только 100 делегатских мест, железнодорожникам—25, почтарям—12, союзам учителей—15 и особое представительство в 30 мест было дано торгово-промышленным служащим. Группе социального страхования и центру фабрично-заводских комитетов было предоставлено по одному месту, столько же было дано „печати" и союзу мастеров и техников. Особое представительство имела „трудовая интеллигенция". Врачам, фармацевтам, фельдшерам и дантистам предоставили 9 мест. Инженерам, адвокатам, служащим правительственных учреждений дали 9 мест. „Экономическим группам" 33 места, Продовольственным комитетам—17 мест. 40 мест отвели земельным комитетам и 10 мест крестьянскому союзу. Центральной Кооперации было дано 120 голосов, а рабочей кооперации всего 38. Не была забыта и православная „демократия"—попы, им было дано одно место. Союзы „равноправных" женщин также получили одно местечко. 59 мест было передано некоторым национальным организациям.

Приведенный перечень само собою разоблачал незамысловатую механику эс-эров и меньшевиков. Вся задача их сводилась к тому, чтобы, путем подделки представительства, растворить революционные голоса рабочих и солдат в массе так называемой демократии, добиться еще раз, подобно Московскому Государственному Совещанию, всенародного признания и одобрения политики Временного Правительства. Противопоставление Советам муниципальных представителей и кооперативов, которым „демократия" поручала только торговые дела, говорило о подлоге, о фальсификации мнения революционной демократии. Рабочие Питера и Москвы быстро поняли парламентскую хитрость меньшевиков и эс-эров и потребовали созыва Съезда Советов. К этому времени большинство в обеих столицах принадлежало членам нашей партии. Из других промышленных центров сообщали также о росте нашего влияния в Советах, о завоеваниях нами большинства в некоторых.

На Демократическое Совещание мы шли, как на одну из трибун, не питая никаких иллюзий. Все прекрасно понимали, что разрешение вопросов о земле, о войне и рабочем контроле находится вне стен Демократического Совещания. Только в интересах агитации принимали мы участие в этом комедийном действии.

Демократическое Совещание открылось в Александринском театре, в обстановке торжественного пустословия, театральной декламации лидеров тогдашнего Центрального Исполнительного Комитета и министров Временного Правительства. Президиум был организован на началах „куриального" представительства, и нас, большевиков, там было, кажется, только двое или трое: Л. Каменев, пишущий эти строки и, кажется, Мдивани от национальных групп... Членов нашей партии, прибывших в качестве делегатов, было мало, но они не терялись в общем представительстве, а резко выделялись своими

шумными приветствиями, аплодисментами по адресу наших ораторов или говоривших против политики Временного Правительства.

Представителей Центрального Исполнительного Комитета и Временного Правительства встречали овациями. Наших ораторов прерывали. Выступления и Каменева, и Троцкого и Рязанова и мое были весьма умеренные. Керенский явился на Совещание с обычными актерскими приемами. Встреченный аплодисментами, он направился к президиуму, чтобы пожать руки сидевшим за столом. Доходит очередь до нас, сидевших неподалеку друг от друга. Мы переглянулись и быстро условились не подавать ему руки. Театральный жест через стол, — я отодвинулся от предложенной мне руки, и Керенский с протянутой рукой, не встретив наших рук, прошел далее.

Гвоздь вопроса был в коалиции. Около него велись все разговоры. Происходившие в городе и на заводах митинги высказывались против соглашения с кадетами, с буржуазией, принимали резолюции о переходе власти в руки Советов. Меньшевики и социал-революционеры выражали свое возмущение, видя в наших успехах „незаконное" давление на парламент „революционной демократии". Надежды буржуазии сосредоточились на Демократическом Совещании. Ка-деты были уверены,—таков был тон их газет,—что совещание укрепит политику соглашений.

В течение многих часов лились потоки речей, очень нужных речей, представителей различных „курий" „революционной демократии". Лишь выступления наших товарищей, хотя и умеренные, но все же вносили оживление, концентрируя на себе ненависть собравшихся обывателей. После многочисленных „высказываний" приступили к голосованию. За коалицию голосовали 767 делегатов и против коалиции—688 делегатов. Коалиции был нанесен даже здесь жестокий удар. Поправка о том, что за пределами коалиции остаются ка-деты и элементы, причастные к Корниловскому восстанию получила 700 голосов, против нее было всего 139 и 89 воздержались. Вторая поправка, что за пределами коалиции остаются все ка-деты, получила за 595, против 482, воздержалось 72. По отдельным группам представительств голоса распределились таким порядком: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов голосовали 194 голосами против коалиции, 84 голоса только были за при 4 воздержавшихся. Советы Крестьянских депутатов высказались 102 голосами за и 70 против. Союз Городов дал 101 голос против коалиции и 114 за. Профессиональные союзы дали 139 против и 32 за. Кооператоры 140 голосами шли за коалицией и лишь 23 голоса имели противники. Земство высказалось 98 голосами за коалицию и только 23 против. Военные организации раскололись поровну: 64 за и 64 против при 10 воздержавшихся. Социалисты-революционеры вели себя особенно скандально на этом Совещании. Чувствуя, что почва ускользает из-под их ног, они метали злобу против нас и своих левых товарищей по партии. Растерянность среди них была столь велика, что у лидера партии, Чернова, не оказалось своего мнения по вопросу о власти и он... воздержался от голосования.

Во время хода голосования о президиуме я ожидал в одной из комнат театра. Велись оживленные разговоры на тему о составе власти. Все соглашатели с горечью констатировали рост влияния нашей партии. Даже в их среде высказывались мнения о „чисто социалистическом" правительстве, при участии всех социалистических партий.

Да, большевики должны взять власть, говорили некоторые за красным столом президиума. Авксентьев, сидевший недалеко от меня, обратился ко мне с предложением: „Возьмите власть, за вами идут массы".

В то время Авксентьев был видной фигурой среди соглашателей, стоявших у власти. На его провокацию я предложил ему положить эту власть на стол президиума. „А вы отдадите власть добровольно нам?" спросил я Авксентьева. В ответ раздался „добродушно" показной смех. На этом и были прекращены разговоры о „взятии власти" большевиками.

Демократическое Совещание не подвинуло ни на шаг вперед политику Временного Правительства. Ни вопросы о земле, ни дела хозяйственные, ни дела войны и мира не получили на нем разрешения. Для того, чтобы оградить себя солидной плотиной от разраставшегося возмущения рабочих, солдат и крестьян, было выдвинуто предложение об организации „предпарламента", Совета Республики. В нем должны были сохраниться те же самые партийные соотношения, которые выявились на Демократическом Совещании, и, кроме того, в нем получала представительство буржуазия. Соглашателям нужно было противопоставить петербургским рабочим и солдатам гарнизона, бывшим когда-то опорой Временного Правительства, представительство „всей" демократии России. Этот маневр был тотчас же понят широкими рабочими и солдатскими массами, а наша партия стала решительно против этого учреждения и отказалась участвовать в нем.

А. Шляпников.

2-й съезд Балтфлота [1]).

25 сентября 2-й съезд Балтфлота. Гудит призывный набат к морякам Балтфлота: все по своим местам. Настал час трудный, час испытаний. Матрос революции, докажи, что ты не спустишь красных знамен, что ты не сдашь своих позиций. Такими призывами пестрели столбцы нашей большевистской газеты „Прибой", она же в те дни была и нашей флотской газетой. Сплотилась матросская семья, зорко следит за врагом. Враг окружает, замыкает кольцо. Все на местах. Один за другим, вздымая морскую пучину, спешат корабли на позиции. Миноносцы, шныряя в заливах, ищут вражеский флот. От них телеграммы: вступили с немцами в бой.

Но весть о начавшемся бое не наполняет сердца беспокойством и страхом. Нет паники. Нет и растерянных лиц. Все спокойно ждут грядущих событий. Только одна за другой приходят телеграммы, содержащие бессильные угрозы, подписанные Керенским. Он клеймит предателями представителей флота, съехавшихся в этот момент на 2-й съезд Балтфлота. Но его телеграммы для нас не новы. Им не придается никакого значения.

Под раскаты орудий, на сей раз не ожидая прибытия „знаменитых" гостей из Петрограда, без тревоги в душе за участь устава, без споров враждующих партийных лагерей, открывают 2-й съезд Балтфлота. На нем нет больше ни меньшевиков, ни правых эс-еров, некому здесь больше грозить

---

[1]) Из книги А. Дыбенко „Мятежники". Изд. „Красная Новь". Москва, 1923 года, стр. 65—77.

нам разгоном. У всех делегатов одна мысль: отстоять подступы к Петрограду и захват власти и передачу ее Советам.

Вся парадная часть съезда проходит быстро, без всяких споров и пререканий. Оглашаю целый ряд приветственных телеграмм от кораблей, отдельных баз флотских армейских комитетов. Эти приветствия полны надежд и уверенности, что съезд бесповоротно решит и выработает метод окончательной схватки с ненавистным правительством Керенского и передачу власти в руки Советов. Телеграммы и приветствия вызывают бурные овации. Читаю приветствие кронштадтцев. Все с затаенным вниманием слушают голос мятежников, непокорных даже в дни разгула Керенщины после Июльских дней. Вдруг взрыв аплодисментов и крики „ура". Все встают. По залу заседания медленными шагами, с опущенной головой, проходит т. Антонов-Овсеенко. Это его, своего любимца, встречает съезд. Он приветствует 2-й съезд моряков от фракции большевиков и тут же предлагает послать приветствие и воззвание пролетариям всего мира. Его слова покрываются бурной овацией, и воззвание передается по радио. Это был призыв к рабочим и солдатам всего мира: остановите кровопролитие, остановите поход против революционного флота, поход ваших кровавых властелинов. Вот текст этого воззвания, написанного Антоновым по поручению Центробалта:

Второй съезд представителей Балтийского Флота.

К УГНЕТЕННЫМ ВСЕХ СТРАН.

„*Братья*! В роковой час, когда звучит сигнал боя, сигнал смерти, мы возвышаем к вам свой голос, мы посылаем вам привет и предсмертное завещание! Атакованный превосходными германскими силами, наш флот гибнет в неравной борьбе. Ни одно из наших судов не уклонится от боя, ни один моряк не сойдет побежденным на сушу. Оклеветанный, заклейменный флот исполнит свой долг перед *великой революцией*. Мы обязались твердо держать фронт и оберегать подступы к Петрограду. Мы выполним свое обязательство. Мы выполняем его не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего милостью долготерпения революции. Мы идем в бой не во имя исполнения договора наших правителей с союзниками, спутывающих цепями руки русской свободы. Мы исполняем верховное веление нашего революционного сознания. Мы идем к смерти с именем *великой революции* на недрожащих устах и в горячем сердце борцов. Русский флот всегда стоял в первых рядах революций. Имена моряков вписаны на почетном месте в книгу *великой* борьбы с проклятым царизмом, и в яркие дни развивающейся революции моряки всегда шли в авангарде борцов за ее конечные цели—до полного освобождения всех трудящихся. И эта борьба с отечественными хищниками, борьба не на жизнь, а на смерть, дает нам святое право призвать вас, пролетарии всех стран, призвать вас твердым перед лицом смерти голосом к восстанию против своих угнетателей. Сбросьте с себя оковы, угнетенные! Поднимайтесь на борьбу! Нам нечего терять в этом мире, кроме цепей. Мы верим, мы дышим верою в победу революции. Мы знаем, что свой долг наши братья по революции выполнят до конца, на баррикадах последняго боя. Мы знаем, что близок этот решительной бой. Рагорается *великая* борьба, дрожит горизонт пламенем восстания угнетенных всего мира В час, когда волны Балтики окрашиваются кровью наших братьев, когда смыкаются темные воды над их трупами, мы возвышаем свой голос, с уст, сведенных предсмертной судорогой, мы поднимаем последний горячий призыв к *вам*, угнетенные всего мира.

Поднимайте знамя восстания!
Да здравствует всемирная революция!
Да здравствует справедливый общий мир!
Да здравствует социализм!

Приняв это воззвание единодушными аплодисментами, съезд принял дальше призыв к морякам о стойкой защите каждой пяди подступов, одновременно выделил представителей на корабли и эскадры следить за выполнением приказов. Затем приступил к разработке и принятию плана строительства нового уклада жизни во флоте, но не по указке Коалиционного Правительства. Съезд фактически разработал план захвата власти во флоте и провел его в жизнь, Проект этот не понравился лидерам левых эс-эров. Теперь они заняли место меньшевиков. Они, кричавшие до сих пор о свержении Коалиционного Правительства, испугались теперь своих призывов и с а м и х с е б я. Их пугала ответственность за решительную кровавую схватку, их отпугивал призрак борьбы. Они старались теперь умерить пыл и сдержать стремления моряков.

С этой целью на съезд прибывает Мария Спиридонова. При ее появлении съезд устраивает ей бурную овацию. Она медленно проходит в президиум и просит слова.

— Вы, тов. Спиридонова, по какому вопросу будете говорить?

— По текущему моменту.

— У нас сейчас идут дебаты с прибывшими из Центрофлота представителями насчет их позиции и плана их работы. Съезд выносит им порицание и недоверие. Проголосуем резолюцию и переизберем своих представителей. А, кроме того, по текущему моменту у нас уже принята резолюция.

— Но я прошу дать мне слово сейчас.

В зал заседания входят т. Прошьян, Шишко и еще несколько лево-эс-эровских лидеров. Возгласы: „Дать слово Марии Спиридоновой"!.

— Слово будет дано после окончания прений и принятия резолюции.

Съезд согласен. Прения продолжаются. Уж слишком много набралось эс-эров. Срочно гонец несется за поддержкой. Вызываем Антонова-Овсеенко. Во время прений Мария Спиридонова будто засыпает, сидя в кресле.

Представители в Центрофлот переизбраны. Слово для приветствия предоставляется Марии Спиридоновой. Как бы в полузабытье, она начинает уговаривать флот не спешить с восстанием, изыскать компромиссные пути. Она призывает к сплочению единого демократического фронта.

С мест: „Не быть этому".

— Т. Измайлов, ведь вы же эс-эр и не даете говорить т. Спиридоновой.

Измайлов волнуется и снова кричит:

— Наши лидеры оторвались от массы, не знают, что флот требует.

Взрыв всего зала: „Правильно"!

Мария Спиридонова теряется, но еще долго продолжает уговаривать представителей флота принять эс-эровскую резолюцию.

Железняков: „Тогда и я прошу проголосовать нашу резолюцию анархистов".

— Товарищ Железняков! Мы вас поставим во главе восстания. Вы удовлетворены?

Смех на местах, и сам Железняков смеется первый.

Резолюция левых эс-эров отвергается после выступления т. Антонова-Овсеенко. Лидеры левых эс-эров уходят с поникшими головами, потеряв пылкие надежды повести флот за собой. Выступление левых эс-эров не нарушает планомерности работ. Съезд твердо решил немедленно взять власть в свои руки. Он стал хозяином флота.

П. Дыбенко.

Из воспоминаний о дооктябрьских днях и о жизни предпарламента.

В последние дни перед Октябрьской революцией, предчувствуя свой конец, буржуазия вела бешеную агитацию, как через посредство печати, так и устно, среди населения. Каждая барыня считала своей обязанностью принять участие в агитации, и в трамвае и в очередях у кооперативных лавочек. Таким образом, составлялись обширные мифы, которые изображали большевиков в виде леших и нехристей, которых надо бояться хуже смерти. Стоя в очереди за хлебом и не читая газеты, каждый мог знать, на каком аэроплане прилетел Ленин из Германии и сколько золота он привез с собою для раздачи солдатам за выступление 4-го—5-го июля. Все эти вымыслы распространялись и в деревнях, изображая большевика-коммуниста в виде „домового". Самая горькая чаша досталась тогда на долю петроградских рабочих. Редакция газеты „Правда" почти ежедневно закрывалась. Выходившие же номера моментально конфисковались. Если даже какой-нибудь номер газеты был цензурой пропущен, то его продавали газетчики потихоньку, боясь остаться без покупателей из буржуазной среды. Все домовые комитеты и кооперативы были в руках буржуазии. Если же туда попадал какой-нибудь рабочий, то он должен был вести себя тише воды, дабы не быть, при произнесении слова „Ленин" или „Троцкий", выброшенным за борт. На углу Литейного и Сергиевской в Сергиевской аптеке лежали брошюры, которые раздавались и прилагались в виде премии к каждому лекарству. В этих брошюрах описывались прелести свободной жизни в Америке, которая рисовалась золотым раем для каждого рабочего. Такой же рай сулили и России, как только соберется Учредительное Собрание. А все речи т. Володарского об эксплоатации американских рабочих объявлялись вымыслом...

В последние дни перед открытием предпарламента ка-деты ждали монархии, меньшевики—Учредительного Собрания; те и другие хотели с предпарламентом удержаться у власти.

Малосознательные рабочие, не успевшие еще понять замысла своих вождей из меньшевиков, верили, что предпарламент будет целебным средством для улучшения тяжелого положения рабочих; но не то было среди сознательных рабочих, они знали, что любой соус с примесью буржуазии принесет для них только одни лишения.

В день созыва предпарламента вся буржуазия торжествовала. Александринская площадь была разукрашена, по бокам площади стояли конные и пешие войска. Проходившие в предпарламент делегаты удостаивались большого внимания со стороны стоявшей на площади „чистой" публики. Рабочие, попавшие зрителями в предпарламент, с нетерпением ожидали речи т. Троцкого. В своей речи он никого не щадил.

В день открытия предпарламента разнесся слух, что т. Ленин присутствует на собрании предпарламента. Понятно, что агенты керенской охранки шныряли везде и всюду и зорко следили за делегатами большевиков, удостоивали их большим вниманием и частыми посещениями. Шел разговор, что Ленин под маской Троцкого.

Выборы в предпарламент были так проведены и подтасованы, что половина делегатов большевиков осталась на собрании лишь с правом совещательного голоса, а многие даже—в качестве гостей. Для блезира были урезаны немного в местах ка-деты, но им зато помогали кооперативы, представители которых были, в сущности, все ка-деты.

Наконец, началась церемония выборов президиума. Выбранными оказались: Чхеидзе, Церетели, Чернов, Дан, Гоц, Авксентьев, Винавер и др., а от большевиков т. Розанов (Рязанов?). Каждой фракции было предоставлено право говорить в лице одного или двух ораторов и не менее, как 5-ть минут каждому и больше, смотря по величине фракции. На чтение наказа было дано 3 минуты и не больше 5-ти минут. Речи всех ораторов, кроме речей Троцкого, Церетели, Винавера и некоторых других приводили слушателей в сонное состояние. Скоро все места делегатов опустели и все делегаты разошлись по буфетам, где шла бойкая торговля едою и жаркая критика ораторов.

Каждый буфет был снабжен продовольствием как будто по состоянию делегатов.

Буфет, где отдыхали делегаты-большевики, был наполнен дымом от махорки. Там вы могли видеть только рабочие блузы и крестьян, изредка студента из провинции в засаленной студенческой фуражке.

Крестьяне-делегаты говорили, что если власть перейдет в руки Советов, то они хлеб привезут в Питер на лошадях, если поезда станут. Рабочие их успокаивали, говоря, что как только власть перейдет к Советам, то поезда рабочие немедленно исправят...

Из речи Винавера вспоминаются его слова, обращенные к ложе большевиков. Он просил большевиков не совершать такой же ошибки, какую совершили ка-деты по отношению к большевикам, обвиняя в выступлении 4-го—5-го июля всю партию большевиков, и не обвинять всю партию ка-детов в авантюре генерала Корнилова... Не все, мол, ка-деты в этом виноваты.

Бывший министр юстиции Зарудный в своей речи заявил, что он следующего не может понять до сих пор, почему во время наступления Корнилова все его коллеги по совету министров подали в отставку, подчеркивая, что по его мнению при таком положении все были обязаны работать с усиленной энергией.

Церетели в своей речи заявил, что если государство перейдет под власть Советов, то рабочие удержат власть в своих руках только 2 дня и высказывал убеждение, что если бы меньшевики теперь взяли власть, то через неделю им пришлось бы прийти к государственным мужам и просить на коленях ради бога избавить их от власти. За эту речь Церетели удостоился аплодисментов от лож кооператоров и ка-детов и свистков от рабочих.

Т. Троцкий своим выступлением расшевелил всех находившихся в сонном состоянии. Его слушали с величайшим вниманием, боясь пропустить слово. Когда кто кашлял, то на таких все смотрели зверями. Т. Троцкий в первую очередь дал ответ Винаверу, говоря, что он может быть спокоен, что большевики всю партию ка-детов обвинять не будут, а только тех, которые принимали участие в походе на Петроград вместе с Корниловым.

Т. Троцкий указал, что 4-го—5-го июля речь шла не о том, пригласить ли большевиков в министерство. Большевиков пригласили в „Кресты". Теперь речь идет о самом министерстве, поэтому слова Винавера принимать во внимание не следует, они не достигают своей цели.

Зарудный во время речи т. Троцкого потихоньку скрылся. Верховскому, бывшему министром военных дел, стало дурно от ответа Троцкого, и он ушел. Та же участь постигла и Керенского, а затем и иностранных гостей, которые занимали ложи. Они себя долго ждать не заставили и демонстративно ушли.

Речь т. Троцкого подходила к концу, когда Чхеидзе предупредил т. Троцкого о сроке. Т. Троцкий обещал кончить через 10-ть минут и продолжал говорить. 10-ть минут кончились, но он не умолкал. Председатель тогда лишил его слова. В зале поднялся сильный шум от аплодисментов и криков: „Дайте еще 10 минут". Председатель ставит на голосование... Большинство голосовало за предложение дать говорить т. Троцкому еще, и т. Троцкий продолжал свою речь. Но и эти 10-ть минут кончились, а т. Троцкий еще говорит, и председатель снова лишает его слова. Тогда т. Троцкий стал читать Наказ, на что имел 5-ть минут. Читал его он всего 15-ть минут, но не кончил... Аплодисменты продолжались не менее 10-ть минут, и т. Троцкий покинул трибуну при криках: «„Браво!"».

Д. М. Поджаров.

КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ.

Большевики должны взять власть [1]).

Письмо в Ц. К., П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б).

Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет.

Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6-го мая до 31-го августа и до 12-го сентября: большинство в столичных Советах есть плод развития народа в нашу сторону. Колебания эс-эров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое.

„Демократическое Совещание" не представляет большинства революционного народа, а лишь соглашательские мелко-буржуазные верхи. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в городские думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12-го августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

„Демократическое Совещание" обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевистское правительство одно удовлетворит крестьянство.

Почему должны власть взять именно теперь большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во 100 раз худшими.

---

[1]) Написано в сентябре 1917 г. в дни „Демократического Совещания", Н. Ленин (В. Ульянов), собрание сочинений, том XIV. Гос. Изд. Москва. 1921 г.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К⁰ во главе мы помешать не в силах.

И Учредительного Собрания „ждать“ нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К⁰ всегда могут сорвать его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания, и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебания меньшевиков и эс-эров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

Вопрос идет не о „дне“ восстания, не о „моменте“ его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами.

Вопрос о том, что наша партия теперь на „Демократическом Совещании“ имеет фактический свой съезд, и этот съезд решить должен (хочет или не хочет, а должен) судьбу революции.

Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: „Восстание есть искусство“ и т. д.

Ждать „формального“ большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет. И Керенский с К⁰ не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания „Демократического Совещания“ должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Совет и демократические организации. Международное положение именно теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народам — значит победить.

Взять власть сразу и в Москве, и в Питере (неважно, кто начнет; может быть даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно.

Н. Ленин.

Марксизм и восстание [1]).

Письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б).

К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими „социалистическими“ партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию как искусству, есть „бланкизм“.

---

[1]) Написано в сентябре в дни „Демократического Совещания“. Н. Ленин (В. Ульянов), собрание сочинений, том XIV, ч. 2. Гос. Изд-во, Москва 1921 г.

Вождь оппортунизма, Бернштейн, уже снискал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на иоту не подновляют и не „обогащают" скудные „идеи" Бернштейна, крича о бланкизме.

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно искусством, сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо завоевать первый успех и от успеха итти к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью, и т. д., и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно упираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма.

Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда обязательно для партии признать восстание поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3-е — 4-е июля с сентябрьскими днями.

3-го — 4-го июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было.

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано только историей июля и августа, опытом „расправы" с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда колебаний, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо „союзники" стоят во главе всемирного империализма, заколебался между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелкобуржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т.-е. от коалиции с ка-детами.

4) Потому 3-го — 4-го июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого „озверения", такой кипучей ненависти и к Керенским, и к Церетели-Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эс-эров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3-го—4-го июля, ибо армия и провинция, до Корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

За нами большинство класса авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами большинство народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, наглядный признак того, что крестьянство от блока эс-эров (и от самих эс-эров) земли не получит. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и всего империализма, и всего блока меньшевиков с эс-эрами.

За нами верная победа, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу „в дни корниловские", затем предложив компромисс блокистам и получив отказ от них при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса еще не отвергнуто, что „Демократическое Совещание" еще может принять его. Компромисс предлагался от партии к партиям; иначе он не мог предлагаться. Партии отвергли его. „Демократическое Совещание" есть только совещание, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено большинство революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это совещание меньшинства народа,—нельзя забывать этой очевидной истины. Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к „Демократическому Совещанию", как к парламенту, ибо даже если бы оно объявило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего не решает; решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами—исключительные выгоды положения, когда только наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда только наша победа в восстании сорвет игру с сепаратным миром против революции—сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир в пользу революции.

Только наша партия, наконец, победив в восстании, может спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда мы становимся „оборонцами", тогда мы стано-

вимся во главе военных партий, мы будем самой „военной“ партией, мы поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим, им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Рессурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необъятно велики: 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь—это значит уже победить весь мир.

* * *

Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от „сепаратного“ раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию как к искусству.

Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся, в стане колеблющихся: они там полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность „речей“ вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими „сепаратный“ раздел России англо-французскими империалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом.

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой этого вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, тем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эс-эров и меньшевиков; мы рвем с этими партиями окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократии, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав решать, а не говорить, действовать, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Совещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, мы правильно учтем момент для начала восстания.

А чтобы отнестись к восстанию по марксистски, т.-е., как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять „Петропавловку", арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты, вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, не относясь к восстанию, как к искусству.

Н. Ленин.

Октябрьское восстание в Петрограде.

Уже Июльские дни доказали, что в Петрограде среди рабочих и солдат гарнизона есть достаточно горючего материала, и нужна только искра, чтобы произошел взрыв. Жесточайшими репрессиями ответили меньшевики и эс-эры на выступление рабочих и солдат.

Разгромом наших партийных организаций они пытались отсрочить час своей политической гибели. Но как и всегда, эти предатели революции и близорукие политики ошиблись в своих расчетах. И если мы до июльского выступления были в меньшинстве в Петроградском Совете, то уже к сентябрю мы имели большинство в рабочей секции и почти половину голосов в солдатской. Председателем Петроградского Совета вместо Чхеидзе был избран т. Троцкий.

Таков был красноречивый ответ меньшевикам и эс-эрам. Широчайшие массы Питера своим классовым чутьем поняли, кто враг и кто друг. В тяжкие дни июльского поражения мы были вместе с рабочими и солдатами, вместе с ними шли под пулю и нагайку, нашими товарищами были заполнены тюрьмы и гауптвахты Питера.

Выступление Корнилова еще больше усилило нас. Даже слепые прозрели и ясно увидели, что сегодняшние властители способны на измену и предательство, но для борьбы они непригодны. Кризис все больше и больше назревал, развязка приближалась.

И если в Июле нам приходилось удерживать рабочих и солдат, то к Октябрю обстановка складывалась иначе. Не только Петроград, но почти весь фронт целиком был на нашей стороне. Лозунг: „Вся власть Советам" стал

общепризнанным почти по всей России. А вместе с тем война попрежнему требовала массы жертв, в городах не хватало хлеба. Земля постарому оставалась у помещиков, а учредилка, от которой эс-эры и меньшевики ждали чудесного исцеления всех бед, маячила где то далеко-далеко.

Борьба за власть встала, развернулась во всю ширь. Т. Ленин из Финляндии требовал ускорения восстания. Колебания, бывшие у многих товарищей, изживались. Обе стороны лихорадочно готовились к решительной схватке. Сейчас же после избрания председателем Петроградского Совета Троцкого, нашей фракцией был выдвинут вопрос о создании Военно-Революционного Комитета. Без санкции Военно-Революционного Комитета ни одно сколько-нибудь серьезное распоряжение власти гарнизоном не должно было выполняться.

Этим шагом мы лишили возможности Временное Правительство распоряжаться значительным по количеству гарнизоном Петрограда. На целом ряде собраний и митингов подавляющее большинство солдат одобрило это решение. С уверенностью можно утверждать, что к 25-му Октябрю весь гарнизон, за исключением двух казачьих полков, военных училищ и нескольких более мелких частей, был на нашей стороне. Правительство Керенского чувствовало полную свою беспомощность.

Чтобы подсчитать силы и проверить настроение рабочих и солдат, нами на 22-е октября был назначен ряд митингов и собраний, придав этому название „День Петроградского Совета". Результаты этого дня превзошли все наши ожидания. В Петрограде буквально не было ни одного завода, фабрики или казармы, где бы в этот день не митинговали. Никогда еще до этого не было такого наплыва слушателей. Достаточно указать на митинг в Народном доме, где было до тридцати тысяч человек и где выступали лучшие ораторские силы нашей партии.

Кто побывал на этом собрании, тот никогда его не забудет. Энтузиазм тысяч рабочих и солдат был настолько велик, что достаточно было бы одного прямого призыва, и вся эта людская громада пошла бы с голыми руками на баррикады, на смерть. Блестящие, полные силы и огня речи т. Троцкого слушались с захватывающим интересом, и его неизбывная жгучая ненависть к врагам рабочего класса передавалась, как электрический ток, этому огромному собранию. И так было по всему Питеру.

Но был один пункт, имевший для боевых операций величайшее значение и еще не совсем закрепленный за нами—Петропавловская крепость. На 23-е октября было назначено собрание всех частей крепости, и с утра начался митинг. От нас выступали т.т. Троцкий, Чудновский и я. Митинг длился целый день, эс-эры и меньшевики прислали туда свои лучшие силы. Настроение гарнизона склонялось в нашу сторону.

Мы победили и здесь. Керенский решил ликвидировать Военно-Революционный Комитет, и им был отдан приказ об аресте всех его членов. Одновременно с этим все телефоны Смольного были выключены из сети.

24-го октября Керенским же было отдано распоряжение о разводке всех мостов. Этим шагом хотели изолировать Смольный от рабочих районов. Допустить этого нельзя было ни в коем случае. Было собрано экстренное заседание Военно-Революционного Комитета, на котором присутствовало

много народу, но которое быстро решило реагировать на приказы Керенского. Немедленно был отдан приказ по всем районам не допускать разводки мостов, для чего выслать вооруженных красногвардейцев. Районы выполнили приказ в точности, и мосты были заняты. Опоздали только василеостровцы, и Николаевский мост оказался в руках юнкеров. По получении сообщения об этом, Военно-Революционный Комитет приказал крейсеру „Аврора" мост навести.

„Аврора" развернула и навела орудия на мост, высадив одновременно десант на берег, предложив юнкерам уйти, что и было ими исполнено немедленно. Военно-Революционный Комитет решил действовать. Мне было приказано взять ночью государственный банк, казначейство, телефонную станцию, телеграф и почту.

При подходе к телефонной станции, нами был захвачен патруль юнкеров. Мы сналету ворвались во двор станции, захватив у ворот бронемашину. Во двор стали сбегаться юнкера. Был момент, когда столкновение казалось неизбежным, и горе тогда было бы юнкерам, ибо в этой коробке (двор телефонной станции) были бы перебиты все сопротивляющиеся. Хитростью удалось избежать кровопролития.

Заслушав стук ружейных затворов, я громко скомандовал: „Вынь патроны!". Очевидно не разобравши, кто командует, юнкера стали разряжать винтовки, чем воспользовались кексгольмцы, разбив юнкеров на кучки и окружив их. Телефонная станция была взята без выстрела.

Еще легче удалось занять Государственный банк и казначейство. Находившиеся в карауле солдаты Семеновского полка категорически заявили, что они тоже за Военно-Революционный Комитет и постов не сдадут, считая для себя обидным недоверие представителя Военно-Революционного Комитета. Во избежание задержки, пришлось согласиться с этим, но для верности все же я оставил часть матросов и кексгольмцев. К тому же времени посланной частью было занято казначейство и получено донесение о занятии почты и телеграфа. К восьми часам все приказания Военно-Революционного Комитета были исполнены.

На улицах, прилегающих к дворцу, шла горячая перестрелка. Вокруг Временного Правительства собрались юнкера Владимирского и Павловского военных училищ. Ораниенбаумская школа прапорщиков, женский баталион и часть казаков 1-го и 14-го донских полков.

Наступали павловцы, кексгольмцы и значительные отряды красногвардейцев и матросов. Павловцам и красногвардейцам удалось захватить помещение штаба Петроградского военного округа на площади Зимнего дворца. Юнкера из-за баррикад из дров обстреливали всю площадь. После предъявления ультиматума и переговоров т. Чудновского с представителями частей, запершимися во дворце, т. Антонов решил действовать артиллерией. Комендант крепости настойчиво требовал от крепостных артиллеристов открытия огня по Зимнему дворцу. Но те отказались, ссылаясь на то, что эти орудия годны только для салютов, а не для боевой стрельбы.

Антонов грозил всякими карами и требовал открытия огня во что бы то ни стало. Выручили прибывшие матросы с морского полигона. На вопрос, могут ли они открыть огонь, они, осмотрев орудия, заявили, что могут; через несколько минут в ночной тишине загрохотали трехдюймовки крепости,

а вслед за ними шестидюймовки крейсера „Аврора", стрелявшие холостыми зарядами.

Одновременно с этим наши части перешли в решительное наступление. Среди гарнизона дворца началась паника, часть казаков и юнкеров разошлась. Женский баталион был захвачен павловцами.

Воспользовавшись этим, матросы, солдаты и красногвардейцы ворвались во дворец. Временное Правительство было арестовано и отправлено т. Антоновым в Петропавловскую крепость. Получив извещение о захвате Зимнего, т. Троцкий объявил заседавшему 2-му Съезду Советов об этом. Временное Правительство было объявлено свергнутым.

Михаил Лашевич.

На Трубочном заводе.

В первых числах августа Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. (б) на места дано было секретное распоряжение приступить к обязательному обучению стрельбе членов партии, неумеющих обращаться с оружием, а из беспартийных — обучать желающих. С этой целью на Трубочный завод было доставлено 47 винтовок, которые хранились на чердаке помещения завкома. Фракция большевиков завкома выделила из своей среды, в качестве инструктора по обучению военному делу П. Николаева. Как члены партии, так и беспартийные, обучались с большой охотой. К 1-му октябрю составился целый большой батальон—около 2.000 человек, в том числе 7 женщин — из партийных Арбузова и Незамединова.

Оружия привозилось достаточно.

С 1-го октября, как в центре, т.-е. в Смольном, так и по районам, конспиративно были назначены коменданты. В Центральной комендатуре были т.т.: Юренев, Павлов, Трифонов. В нашем районе Николаев, рабочий Трубочного завода, Иванов — Балтийского завода, Трофимов (старший), последнего не знаю, был прислан из центра и в районе почти не работал.

Обязанностью районных комендантов было: 1) разбить всех обученных рабочих в районе поротно, повзводно и назначить командиров из лучших товарищей. 2) Составить списки на всех обученных с указанием адреса и № винтовок, которые хранились на квартирах у каждого красногвардейца. 3) Назначить сигнал для районного сбора всех красногвардейцев и чтобы каждый знал этот сигнал. Сигналом для сбора в нашем районе был трехкратный и продолжительный гудок Трубочного завода, сигналом для выступления — три выстрела с броненосца „Слава". Последний сигнал должны были знать только коменданты. 4) При каждом крупном заводе установить на случай вызова суточные дежурства рот.

Место сбора в районе было по 16-й линии, Васильевского Остр., д. № 73, где помещалась комендатура. Для связи с центром в распоряжении коменданта постоянно было 3 дежурных мотоциклиста и мотор. Все военные части, находящиеся в районе, подчинялись распоряжению районного коменданта. Для общего наступления не вызывались воинские части, кроме отдельных верных товарищей, так 181-й пехотный полк, который был расположен в бараках Гаванского поля, не был даже вооружен, в полку командный состав был

контр-революционный. Общее место сбора было по указанию Центральной комендатуры, если же не было указано, то должны были по сигналу в боевой готовности являться к Смольному. Районные коменданты посредством особых агентов зорко следили за воинскими частями, особенно за командным составом, в смысле его революционного настроения. Вот вкратце, в чем состояла подготовка к историческому дню 25-го Октября 1917 года.

Момент восстания районные коменданты знали, но под строгим секретом.

В 6-ть часов вечера 24-го октября мною была получена депеша от т. Юренева — занять Николаевский и Дворцовый мосты и не давать никому разводить их, чего бы это ни стоило; сразу нами были поставлены караулы на каждый мост по 12-ть человек. На Николаевский мост были поставлены рабочие с фабрики б. Печатника (ныне Зиновьева), а на Дворцовый из В. О. Трамвайного парка, со строгой инструкцией — при попытке развести мост, кто бы ни пытался это сделать — стрелять.

В 9-ть часов вечера при проверке караулов мною было обнаружено, что на Дворцовом мосту наш пост в 64 человека снят и уведен в Зимний дворец юнкерами и женским батальоном смерти. Тогда я обратился в комитет Финляндского полка, с просьбой дать мне 50 человек надежных солдат для охраны мостов; солдат мне дали. С их помощью было арестовано 5 женщин из батальонов смерти, и мосты остались за нами.

К моменту общего сигнала при комендатуре находилось в боевой готовности с винтовками и пулеметами 300 рабочих с Балтийского и Трубочного и завода Посселя. По сигналу в 12-ть часов 40 минут ночи с броненосца „Слава" все они были направлены под командою т. Васильева к Зимнему дворцу. В 2 часа ночи я получил извещение с нарочным, что Зимний дворец взят и пять министров арестовано, но Керенский бежал, а также взято в плен около 2.000 человек юнкеров и ударниц.

Когда началось наступление на Петроград дикой дивизии во главе с Керенским и Корниловым, — в эти дни подъем революционного настроения рабочих и работниц был неописуем. Например, рабочие Трубочного завода, Сименс и Гальске и Посселя прибежали прямо с завода в комендатуру с требованием дать оружие и отправить на позиции к Пулкову и Детскому Селу, где происходили бои и где петроградский пролетариат одержал после трехдневного боя, блестящую победу над первым вооруженным отрядом русской буржуазии.

На второй день боя в комендатуре из 3.000 штук винтовок не осталось ни одной, тогда рабочие брали ломы и лопаты и шли на позицию рыть окопы. Женщинам оружия не давали. В первый день боя работницам завода Сименс-Гальске было предложено организовать Красный Крест. Они в одну ночь собрали больше 200 сестер, сами достали необходимые медикаменты и тотчас добровольно отправились на фронт.

После нашей победы буржуазия стала открывать запечатанные до тех пор винные склады, погреба и подвалы и спаивала рабочих, а главное солдат дабы, вызвав пьяную анархию, возвратить себе власть. Но сознательные рабочие, под руководством большевиков, учли опасность и с первых дней бесплатной попойки стали уничтожать алкоголь в открытых погребах. На складе Латипак по 5-й линии Васильевского Остр. рабочими Трубочного завода было

уничтожено 5.000 ведер виноградных вин; в Волховском переулке в складе Шитта уничтожено 10.000 ведер виноградных вин; по Биржевой линии в складах братьев Елисеевых было вылито в водосточные трубы сотни тысяч бутылок разных дорогих виноградных вин. Кроме того, пожарными частями Гаванской и Петроградской стороны было выкачано из бочек в Малую Невку тысячи ведер кагору, а также было уничтожено все вино во всех более мелких складах и погребах.

Уничтожение вина благоприятно отразилось на районе, а также и во всем Петрограде. По уничтожению вина лучше всех работали рабочие Трубочного завода под руководством членов завкома. Партийные билеты №№ 317117 — 19 г., 7, 19 с 20 по 21 года № 53555. **П. Николаев.**

Дополнение. Уничтожение напитков шло под строгим наблюдением райкома. Вызвано было по предложению солдатского комитета (коллектива) Финляндского и 180-го пехотного запасного полков, которые чуть не угрозой динамитом разорвать склады алкоголя—заставили райком принять меры к уничтожению вин, что и было принято и поручено члену райкома т. Симанову. Комитеты (коллективы) вышеупомянутых полков действительно были поставлены в безвыходное положение. Часть, даже большинство солдат начали громить винные склады, напиваться. Солдаты вышли из всякого подчинения. Началась перестрелка с патрулями и Красной Гвардией. Красная Гвардия также начала соблазняться. Всесторонне обсудив этот вопрос, райком постановил: 1) динамитом разрывать алкогольные склады признать нецелесообразным, может пострадать население. 2) Поставить усиленные караулы из непьющих солдат и большевиков при всех алкогольных складах и погребах и алкоголь уничтожить. 3) От заводов назначить непьющих рабочих для уничтожения алкоголя. 4) Т. Симанову организовать вооруженных револьверами уполномоченных для наблюдения за работой внутри складов и, замеченных в пьянстве во время уничтожения алкоголя, на месте пристреливать.

Война с алкоголем велась чут не две недели. Люди, работающие по его уничтожению, а также весь район были пропитаны запахом этого драгоценного продукта буржуазного производства.

Г. Лиздин.

Воспоминания участника.

23-го октября 1917 года Трубочный завод, а тем более его столовую нельзя было узнать. Оживленные разговоры слышались повсюду, все были воодушевлены, и только группа соглашателей из 4-й мастерской шепталась в сторонке.

В чем же дело? Дело в том, что в этот день Красная Гвардия завода в последний раз проверяла свои силы и знания перед решительной битвой.

Молодежь, как всегда, впереди — веселая, довольная сбором и обучением. Но не одна молодежь выстроилась для смотра, — среди красногвардейцев много пожилых рабочих, не раз сражавшихся и участвовавших в борьбе с капиталом.

Перед фронтом речь держит райкомовец: „Пришла пора, когда Красная Гвардия должна показать буржуазии на деле свою силу и мощь. Не сегодня, завтра будьте готовы двинуться для решительной борьбы за власть Советов". Этих слов было достаточно. Единодушное „ура" эхом прокатилось по рядам стоящих рабочих.

После представителя райкома, несмотря на протесты рабочих, слово взял один меньшевик и пытался, приводя ряд „объективных и субъективных обстоятельств" испугать рабочих несвоевременностью выступления и т. д. и т. п.

Слушали на этот раз спокойнее, чем всегда. Видимо ответственность момента внушала спокойствие; надо было выяснить силы противника. Ободрившись, оратор перешел к провокации, указывая, что рабочие в своей массе не пойдут на штурм. Долго сдерживаемое негодование прорвалось. „Довольно!" прокатилось по всему собранию, и было видно, что слушать больше не будут. Продолжение его речи только раздражало красногвардейцев, и после тщетных попыток говорить, оратор удалился при криках: „защитник рабочего класса", „борец за лучшее будущее", „сидеть бы тебе на печке!"

Много не говорили, все было понятно, спокойно выслушали распоряжение: „Быть завтра с утра на местах, а на случай, если что будет ночью, — слушать заводский гудок". Еще раз распределили десятки и сотни и направились по домам отдохнуть перед решительной схваткой.

Многие, может быть, спали в эту ночь, но пишущему эти строки было не до сна. Различные мысли обуревали в эту ночь, много думалось, многое было тогда непонятно из того, что так понятно теперь. Слишком ярко стояли перед глазами Июльские дни, шипение обывательщины колебало уверенность к победе.

Утром 24-го октября. Думать уже некогда. Как всегда прогудел гудок завода, созывая на работу. Ночь прошла спокойно, но работать на заводе уже не удалось. Подготовка к поездке в Смольный началась с утра, и после обеда грузовики один за другим отвозили красногвардейцев к Смольному под единодушные крики рабочих: „Не возвращаться без победы!" „Мы резерв здесь и тыл ваш!" кричали они вдогонку. „Извещайте нас о ходе дела." „Присылайте товарищей". Проезжая по улицам, мы чувствовали какую-то суетливость и напряженность — готовилось что-то большое и важное.

Смольный — центр жизни рабочего Питера. Взвод, который был под моим командованием, был оттеснен к воротам, и час стояли мы, пропуская отряд за отрядом, делегацию за делегацией, стремящихся в Смольный. Тут стало ясно, что движение захватило всех рабочих. Куда девалось мое сомнение в победе. Мысли отвлек пулеметный полк, прошедший, гремя своими пулеметами, а за ним двинулись и мы.

В первом этаже, налево, было наше убежище. Оно напоминало огромный пчелиный улей. Здесь собрались почти все отряды заводов, но познакомиться с ними не удалось. Не прошло и десяти минут по нашем прибытии, как мой взвод уже получил назначение и отправился в наряд по Суворовскому проспекту. Я, как взводный, должен был быть и разводящим своего взвода. Быстро наметил, дело знакомое, группы по сменам и направился для развода.

Вернувшись обратно и располагая свободным временем, я решил побродить по Смольному. Мое внимание привлек Съезд делегатов 12-й армии, происходивший отдельно от съезда Советов. Зашел туда. На трибуне, говорил меньшевик (фамилии точно не помню). Чего он только не говорил. Но самое главное, это — об армии на фронте, подчеркивая, что от имени армии выступает: „Армия не примет постановления Съезда Советов, Совету не существовать и нескольких дней." Выступающие затем солдаты, особенно один из них, просто ответили на все эти рассуждения меньшевика: „Да, сказал он, — если Съезд Советов не возьмет власть, то тогда возможно, что армия придет сюда, чтобы прогнать забывшихся министров". Представитель 12-й армии сказал, что его армия велела ему передать, что за власть Советов умрет.

Окончить делегату 12-й армии не удалось — по коридору, сверху, неслось восторженное „ура", усиливаясь с каждой минутой, а в зало, где я стоял, понесся поток товарищей с криком „ура!" „Съезд высказался за передачу власти Советам", услыхал я от бегущих товарищей. Как электрический ток пробежало известие это; ответное „ура" загремело в зале; разговоры были кончены; надо было начинать действовать.

Все последующие события смешались в моей памяти, они так быстро чередовались, что схватить их даже теперь не представляется возможным. Да, я думаю, если многих участников великого дня, спросить, что они делали в этот момент Октября, они не сумели бы ответить, — так разнообразна была работа. Задания за заданиями сменялись в эти дни: то берешь телефонную станцию, то через несколько минут уже на другом конце города, исполняешь мирную работу по раздаче продуктов порою бессменно стоящим караулам, то через час в противоположном конце сам стоишь на часах за неимением людей.

После, возвращаясь на завод, я мог немного оглянуться назад и невольно подумал: „Совершилось великое дело, и в этом деле ты что-то сделал".

И оправдались надежды рабочих завода, когда они посылали свою гвардию на эту борьбу.

Соколов.

Еще о Трубочном заводе.

Я инвалид, лишившийся левой ноги во время свержения царизма 25-го февраля 1917 года. Во время Октябрьской революции я ходил еще на костылях и принимать активного участия в событиях не мог, потому и рассказать многого не сумею, а только напишу маленькую заметку о некоторых моментах Октябрьского переворота.

В то время наш завод по количеству рабочих был первый на В. О. На Трубочном заводе работало около 20.000 рабочих, состав был разнообразный: приблизительно 50% наследственных пролетариев, 30% крестьян, 15% разных торговцев, приказчиков, мелких ремесленников и 5% укрывавшихся от военной службы почтенных купцов и разной богатой своры, приезжавших на работу на своих лихачах; после Октября эта публика работать на заводе перестала.

Несмотря на такое расслоение работающих в заводе, организованность была большая среди рабочего и крестьянского состава. В каждой из 12-ти мастерских были сорганизованы коллективы Р.С.Д.Р.П. На заводе большевиков было более 2.000 человек, они и взяли под свое руководство всех рабочих Трубочного завода. Партию большевиков рабочие уважали и доверяли ей.

Из рабочих завода была сорганизована Красная Гвардия, которая на призыв нашей партии 24-го октября и выступила против Временного Правительства Керенского. Коллектив Трубочного завода пошел к Зимнему дворцу, отряд Красной Гвардии нашего завода был и в самом дворце.

Наш отряд Красной Гвардии выбивал юнкеров из Владимирского училища. А рабочие вместе с нашим коллективом обезоруживали на Дворцовом мосту батальон смерти, который хотел преградить путь к Зимнему дворцу.

Во время наступления Керенского с Корниловым на Петроград рабочие пошли на фронт против керенщины, а кто не мог держать винтовку, тот брал лопату и шел рыть окопы для рабочих отрядов; благодаря всему этому наступление было отбито. Так как пищевого довольствия на фронте нельзя было организовать как следует, одни могли получать, а другие находились без пищи, то столовая нашего завода заботилась о красногвардейцах. Т. Плютто где-то достал походные кухни, взял приготовленную для рабочих завода пищу и направил ее на фронт. И эта отправка продолжалась несколько дней. Вот те отдельные моменты, какие вспоминаются мне теперь.

М. Васильев.

Красная Гвардия Выборгского района в Октябре.

Наступила ночь на 25-е октября. В центре решено было выступать. По районам отданы распоряжения законспирировать книги, документы, списки членов партии, Красной Гвардии и т. д. Все это, конечно, делалось на всякий случай. Чувствовалась какая-то торжественность, нервы были напряжены.

В это время Красная Гвардия нашего района составляла солидную силу для города, и на нее были возложены серьезные задачи и надежды. В течение дня, особенно вечера, мы успели выслать не мало отрядов по распоряжению военного революционного комитета, а часть их сосредоточить в штабе. Так как места в штабе было мало, красногвардейцы расположились по соседству, заполнив помещение Районного Совета. Сразу, по собственной инициативе, ими были заняты Литейный, Сампсониевский и Гренадерский мосты. Охрана была столь крепка духом и воинственна, что никакие банды белогвардейцев и юнкеров, которые разоружали и расстреливали отдельных красногвардейцев в центре города, не решились ввязаться с нею в стычку. Все остальные члены Красной Гвардии были объявлены мобилизованными и находились под ружьем на заводе, ежеминутно ожидая приказа выступить всему заводскому отряду или части его.

К ночи ухнули орудия „Авроры“, заговорили ружейные выстрелы, застрекотали пулеметы, приглашая Временное Правительство уйти вон из Зимнего дворца. Наши отряды участвовали во взятии Зимнего дворца, при захвате телефонной станции, Госбанка, в охране Смольного, находились

в Петропавловской крепости и т. д. В последующие дни участвовали в атаке на Владимирское училище, в обратном захвате телефонной станции и т. п.

Как известно, первый удар революции был великолепен и величественен: переворот совершился почти бескровно. Противники смогли оказать сопротивление лишь в воскресенье 29-го октября. С утра начали поступать известия о наших поражениях и удачах белогвардейцев. Произошли восстания в юнкерских училищах, волнения в казацких частях, захват юнкерами телефонных станций и т. п. Помню, как приехал из Смольного т. К. Орлов и на заседании штаба рассказывал о довольно неважном положении дел. На несколько минут в штабе воцарилось уныние. Перед глазами всех как бы прошел призрак возможной неудачи восстания.

Но затем встряхнулись. Чорт возьми, была не была, есть чем помянуть: хотя на четыре дня прогнали министров капиталистов. Заговорили, зашутили и снова окунулись с головой в работу.

В действительности оказалось, что не так-то уж страшен чорт, как его размалевали. Всего через несколько часов, к вечеру, стали поступать радостные вести: телефонная станция снова наша, юнкера разбиты, казаки, помитинговав и поколебавшись, частью перешли на сторону Советской власти.

Этим дело, как известно, не ограничилось. Пришлось нашим красногвардейцам поработать и под Пулковом. Тут было много интересного. Такие битвы и победы возможны лишь в гражданской войне. Сразу же сказалась полная неприспособленность Красной Гвардии к таким задачам. С одной стороны красногвардейцы показывали необычайный героизм, самопожертвование, готовность умереть, холодать и голодать, своим энтузиазмом заражали и поддерживали солдат гарнизона, настойчиво требовали снарядов, патронов на передовые позиции, беспрекословно выполняли все приказания, без малейшего дезертирства шли на позиции и ни в какой мере нельзя сказать, чтобы питерский пролетариат дрогнул хотя бы на минуту. С другой стороны эта, лучшая по духу армия, не могла бы продержаться долгое время, так как не имела правильной централизованной организации, а, главное, снаряжение этих прекрасных бойцов было рассчитано на то, что прямо от станков они идут в бой, без продовольствия и огневых припасов. Если в городе как-нибудь можно было обходиться без того и другого, то здесь, на Пулковских высотах, положение складывалось весьма затруднительное. Единым духом разбить Краснова с Керенским было нельзя, пришлось поканителиться несколько дней, а для этого требовалось военное снабжение и продовольствие. Особенно старался для наших отрядов в этом направлении т. Вроблевич (завод Нов. Лесснер), бегавший всюду. Он добыл с большим трудом походную кухню и с еще большими затруднениями перевез ее на позиции.

Был и еще один характерный и существенный недостаток в Красной Гвардии, — это особое удальство. Так, когда перешли в наступление, часто во время перебежек красногвардейцы не пригибались совсем, отчего не мало полегло лишних жертв, многие красногвардейцы еще при обучении на полянках Выборгской стороны, делали такие же шутки. Когда же мы, обучавшие их солдаты, указывали на недопустимость этого, то получали в ответ, что сгибаться при перебежках и стрельба лежа—позор для революционеров, показывает их трусость. Не легко было еще на учении объяснять, что наши

указания—это старые военные правила, отнюдь не для трусов и что никакой надобности и смысла нет в том, когда добровольно подставляют свой лоб врагу.

Наконец, бои закончились, белогвардейцы и в городе и вокруг него были разбиты. Но работы у нас не убавлялось. Все это время приходилось работать с колоссальной напряженностью, в высшей степени неблагоприятной обстановке.

Вскоре Выборгский районный совет и другие организации, а также штаб решили переехать в новое помещение, так как в старом было страшно тесно. Но в нашем — чисто рабочем районе, лучшего помещения найти не могли. Новым центром, где стала бить ключом жизнь района, оказался трактир на Сампсониевском пр. под названием „Тихая (а может быть мирная) долина", где было отнюдь не тихо и не мирно.

Вот в это помещение, где было лишь одно большое зало для красногвардейцев, штаб и перешел снова в крошечную комнатушку, где каждый день каким-то чудом набивалось по несколько десятков человек. В этой маленькой комнате разрешались все вопросы, здесь же опрашивали арестованных, сюда приводились разоруженные защитницы коалиционного режима—ударницы женского батальона из Левашова. Здесь была главная пружина всего механизма военной работы района. Работа шла днем и ночью. Члены штаба тут же и спали в течение полутора месяцев: некоторые из нас, бывало, не выходили из штаба или с его двора по неделям. В первые дни Октябрьской революции трудно было сказать, когда работники штаба спали и спали ли вообще, частенько отмахивали двое, трое суток безо всякого сна. Бывало К. Орлов, сидя на заседании, закрывал глаза и засыпал. Когда мы старались ему не мешать и обходиться без него, он вдруг через несколько минут просыпался, открывал рот и, видимо, подхватив последние слова кого-либо из говоривших, подавал свою реплику или просил слова и несмотря на то, что действительно спал (хотя в течение всего нескольких минут), не терял нити прений. Удивительная у него была способность.

В работе штаба на мою долю выпала роль, так сказать, начальника штаба боевой единицы, какой являлась Красная Гвардия нашего района. Мне приходилось руководить работой всех отделов штаба, держать связь с Военно-Революционным Комитетом и нашими отрядами, расположенными на заводах или отправленными по нарядам. По приказанию центра приходилось немедленно снаряжать отряды, вызывать их с завода, распоряжаться о выдаче оружия, патронов, пищи и т. п.

Учета тогда у нас не велось, не только по бесчисленным анкетам, так принятым сейчас, но и по записной книжке. Зная лично хорошо все отряды, их начальников, помощников, красногвардейцев, число которых в районе в первые недели переворота мы исчисляли в десять тысяч человек, я руководствовался тем, что хранилось в моей памяти. Под конец, я так освоился, что никакое распоряжение из Смольного о высылке отрядов, патрулей, для связи и т. п. не могло поставить меня втупик. Моментально находил людей. А народец тогда в районе был наподбор—молодец к молодцу. Кого ни ткни, никогда краснеть не придется и действительно не приходилось. Конечно, учет и некоторые документы были и, вероятно, сохранились посейчас. Велись протоколы, как в штабе, так и на заводах, списки членов отрядов и т. п.

Такая благодарная почва, как рабочие Выборгского района, дала возможность нам так сорганизовать Красную Гвардию, что все до единого красногвардейца были использованы. Основной базой Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета, его главной опорой была Красная Гвардия нашего района. В то же время и в других районах красногвардейцы насчитывались тысячами и тысячами, а в действии проявили себя гораздо слабее. В дни переворота из нескольких районов и даже из Кронштадта приезжали к нам учиться, как сорганизовать Красную Гвардию и ее штаб, а второй городской район приезжал через месяц после переворота за тем же.

Так как внешние сношения и всякого рода представительства были поручены у нас т. К. Орлову, частенько пропадавшему на несколько дней, то мне приходилось сплошь и рядом целиком руководить работой штаба.

В первые недели, конечно, работа шла и направлялась без всяких заседаний, затем, однако, они бывали часто, в общем, демократизм соблюдался весьма большой. За время существования Красной Гвардии после переворота было собрано, согласно устава, несколько выборных конференций, на которых штаб переизбирался в основном и том же составе.

Авторитет штаба стоял высоко, спайка его с отрядами и товарищами из Красной Гвардии была теснейшая, дисциплина и подчинение царили необыкновенные. Несмотря на то, что рабочие до революции не мало прохаживались насчет военной дисциплины, они сами в Красной Гвардии естественным путем установили суровую военную дисциплину, понимая всю ее необходимость и целесообразность.

Пример выдержки, твердости и дисциплины среди общего сумашествия проявили красногвардейцы при ликвидации зарождавшихся в разных частях города винных погромов, при обысках и т. п.

Патрульная служба была поставлена недурно, и сами красногвардейцы несли ее с честью. Ни один автомобиль не мог без пропуска штаба или Военно-Революционного Комитета сделать ни шагу по району и наоборот, бланки с нашим штемпелем почтительно открывали ход. Особенное внимание обращали постовые красногвардейцы на штемпель, на нем был нарисован флаг, почему-то с надписью: „Война войне", воткнутый в землю. Первым долгом смотрели, есть ли этот оригинальный штемпель и тогда спокойно пропускали. Несмотря на то, что В.Ц.И.К. был уже наш, его пропуска и мандаты долго не имели силы не только в нашем районе, но и в целом городе. Нельзя было доверять, всегда можно было ожидать злоупотребления именем В.Ц.И.К'а...

Малаховский.

Об Октябрьских днях в Петербурге.

(Речь, произнесенная на вечере воспоминаний.)

Мне выпало большое счастье. В Октябрьские дни я был в Петербурге как участник 2-го Съезда Советов, того Съезда, который постановил взять власть в свои руки, выбрал Народных Комиссаров и положил начало Советской власти. Своими воспоминаниями об этих исторических днях и хочу поделиться с вами.

Я приехал в Петербург 20-го октября — буду говорить в старых числах, потому что они мне ближе. Тогда еще я не был коммунистом, а принадлежал к группе интернационалистов. В том месте, где я работал, — в Крыму — коммунистов-большевиков почти не было, и все те, кто не мог ужиться в рядах меньшевиков, и те, кому казалось тесно у эс-эров, примыкали к группе интернационалистов. Выборы делегатов на 2-й Съезд Советов в Петербург тоже характерны, ибо дают понятие о настроении провинции: выбирали наиболее левых.

Вспомним последние события перед Октябрьской революцией. Памятно Московское Государственное Совещание, которое закончилось тем, что как будто были объединены все и социалисты, и буржуазия символическим пожатием рук Бубликова и Церетели. Они как бы хотели показать, что заключен окончательный союз между „социалистами" и капиталистами и что для России наступил единственный в истории случай, когда буржуазия и пролетариат будут вместе делать одно дело. Но для всех было ясно, что Московское, так называемое, Государственное Совещание было подготовлено с одной определенной целью — показать социалистам, показать революции, что есть наготове правая сила, способная сокрушить революцию, вспомним, что Корнилов и другие генералы были героями этого Московского Государственного Совещания. Было ясно, что этим Совещанием хотят сказать: „Пролетарий, рабочий класс, помни, что есть сила обуздать тебя, помни и умерься". А в такую-то силу выростало казачество, которое начало сильно укрепляться. На местах мы это ясно понимали и готовились к нападению. В Петербурге добились созыва так называемого „Демократического Совещания". Оно состоялось в сентябре и ясно показало, что никакого объединения между пролетариатом и правительством, конечно, быть не может, что Временное Правительство сгнило на корню, что нет абсолютно никаких оснований утверждать, что это правительство имеет поддержку в народе, в рабочем классе и у крестьян. Следствием „Демократического Совещания" было создание курьезного учреждения, названного Временным Советом Республики. В этот Совет вошли представители всевозможных партий; заседали они в Мариинском дворце. Создалась, таким образом, нудная говорильня, где шли бесконечные прения по одному и тому же вопросу: что нужно сделать для того, чтобы укрепить власть, чтобы уничтожить двоевластие, которое существовало в России.

Вот к этому-то моменту я и приехал в Петербург с определенным наказом от моих избирателей. Готовились к созыву Учредительного Собрания. Вот к этим-то выборам готовились места — надо было создать вокруг Учредительного Собрания такую революционную атмосферу, которая дала бы возможность взорвать Временное Правительство, ибо уже был издан закон, в силу которого Россия была объявлена Республикой. Была известная опасность, что Временное Правительство захочет укрепиться и сделать так, чтобы Учредительное Собрание его избрало и впредь. Нужно было создать такую атмосферу вокруг Временного Правительства, чтобы этого не допустить. Такой определенный наказ был и у тех товарищей, с которыми я приехал в Петербург.

В Петербурге, я не помню какого числа, кажется 22-го октября, должен был состояться большой крестный ход, был казачий праздник. Временное Правительство, совместно с Временным Советом Республики, обсуждало

на своем вечернем заседании, на котором и я присутствовал, вопрос — разрешить или не разрешить этот крестный ход. Боялись, что, воспользовавшись этим известием, выступят большевики, потому что к этому времени Петербург весь был насыщен революционным огнем, и ни одна партия, кроме большевиков, не отвечала тому настроению, которое было в рабочих массах. Мне пришлось выступить, например, в Измайловских казармах, призывать, чтобы во время крестного хода не произошло кровавых схваток на улицах.

Я выступил, но только успел произнести два слова, как больше мне не дали говорить и недвусмысленно заявили: „Если вы хотите остаться живым, к нам не показывайтесь".

Настроение было определенно большевистское, встречались аплодисментами только те ораторы, которые призывали к свержению Временного Правительства. Вот это обстоятельство было учтено, и в самый день праздника, утром 22-го октября, вдруг был объявлен приказ, в силу которого крестный ход отменялся. Но население не успело еще ознакомиться с этим приказом, и толпы стали стекаться к Казанскому собору, Временное Правительство попало в нелепое и затруднительное положение: чтобы поддержать свой престиж и запретить крестный ход, приходилось воевать с народом, собравшимся со своими священниками и хоругвями. Я присутствовал в этой толпе и видел, как наростало определенное настроение. Там не было рабочих — это была самая обыкновенная обывательская публика: мещане, старушки, всякого рода интеллигенция. Настроение было определенно против правительства; правда, оно окрашивалось в религиозный оттенок, но характерно то, что даже в обывательских кругах не было поддержки Временному Правительству.

Мне было совершенно непонятно поэтому, когда на другой день пришлось присутствовать на последнем докладе, Керенский заявил: „Вся Россия за нас, нам нечего бояться выступления большевиков, нам нечего бояться, что власть будет у нас отнята". Мне не было понятно, на кого он опирается, ибо, как рабочие массы, поскольку мне удалось выяснить это на фабриках и заводах, так и широкие обывательские круги были против Временного Правительства [1]).

Но возвращусь к событиям. Когда крестный ход дошел до той улицы, которая поворачивает к Зимнему дворцу, часть толпы настаивала на том, чтобы пойти к Зимнему дворцу и потребовать от Керенского объяснения, почему им не разрешают молиться; другие отговаривали, боясь, как бы не повторилось то, что произошло 9-го января 1905 года, и толпа, наконец, отправилась в Исаакиевский собор. Все это я привожу для того, чтобы показать, что население в широких своих слоях было определенно подготовлено к тому, что эта власть доживала последние дни, что свержение ее никого не тронет, не вызовет никаких активных выступлений. Таково было настроение толпы, таково было настроение и обывательской публики.

Но что делалось в это время в Смольном институте? Там должен был открыться 2-й Съезд Советов. Официально и формально Съезд был созван Исполкомом I Совета меньшевистского, председателем которого был Чхеидзе,

---

[1]) С той разницей, что обыватели были против Временного Правительства и за возвращение прежнего реформированного режима, а рабочие массы против Временного Правительства и за большевистскую, Советскую, власть.

а членами состояли: Дан, Либер и др. Именно этот Исполком созывал Съезд и подготовлял его под своим углом зрения, т.-е. под углом зрения меньшевиков и эс-эров.

В общежитии, в котором жил, среди делегатов, я понял, что песенка старого Исполкома спета. Партийная группировка Съезда была характерна. На 100 делегатов попадался один—другой меньшевик, да и тот оказывался с большим изъяном. Абсолютное большинство делегатов, формально еще не примыкая к партии большевиков, расходясь с ней по некоторым вопросам, в одном сходилось окончательно — это по вопросу гнать Временное Правительство. Они не представляли себе, какая иная власть займет место Временного Правительства, но настроение было определенно против него. Я помню споры, которые возникали у нас в общежитии о предстоящих событиях, и было ясно, что вопрос о свержении существующей власти предрешен. Никто определенно ничего не знал, но смутно чувствовалось, что назревают важные события и управляет этими событиями не старый Исполком, а кто-то другой, не выступавший наружу, но ясно осязаемый и чувствуемый.

Исполком же старый, меньшевистский, был совершенно растерян, никого из членов его нельзя было найти. Не меньшая растерянность была и во фракции меньшевиков и эс-эров: шли бесконечные принципиальные прения, намечались десятки группировок по каждому вопросу, а события проходили мимо них. Во Временном Совете, помнится, я обратился к одному из видных меньшевиков с вопросом: „Что вы предполагаете на этом Съезде делать, с какой программой выступите?“ и ответ был таков: „Ну, мы, собственно говоря, вряд ли что можем сделать, ибо нас так мало, что мы, по всей вероятности, ничего сделать и не сможем“. Так было у меньшевиков.

Не то происходило у большевиков — там шла большая лихорадочная работа. Даже самый наружный вид Смольного преобразовывался с каждым днем. События развертывались медленно, но решительно, хотя Съезд не открывался. Назначен он был на 25-е октября, но уже 24-го октября город стал наполняться всевозможными слухами: то Военный штаб занят кем-то, то телеграф захвачен и т. д.

Вспоминаю два последних момента перед великими событиями: последнее заседание Временного Совета Республики; оно происходило в Мариинском дворце. Поздней ночью, около 12-ти часов, явился неожиданно Керенский; он взял слово вне очереди и говорил, что „по имеющимся у него сведениям завтра ожидается выступление большевиков и захват власти,“ но он лично не сомневается, что „авантюра“ эта, дескать, кончится ничем. Он сам уверенно перечислял те полки, которые остаются верными Временному Правительству.

Собрание было назначено на другое утро в десять часов, но оно уже состояться не могло. Мариинский дворец был оцеплен войсками. Оттуда я отправился в Смольный. Здание Смольного представляло невиданную картину. Оно преобразовалось в военный лагерь. У дверей расставлялись пулеметы и орудия, где-то наверху упорно стучали, и, когда я спросил, что там делают, мне ответили „папиросы набивают.“ Перед Смольным большой сад, и уже у входа в этот сад начиналась проверка билетов и документов. У входных дверей проверялись билеты и мандаты. Внутри тоже все было необычно, шла

какая-то лихорадочная жизнь, фракции совещались, а в главном зале шли бесконечные, непрерывные митинги, на которых подготовлялись те события, которые разыгрались ночью.

Меньшевики решили устроить объединенное заседание с большевиками по вопросу о порядке дня и открытии съезда. В Смольном из главарей был только т. Троцкий; т. т. Зиновьев и Ленин скрывались, их в Смольном пока не было, и давал ответы на все вопросы т. Троцкий. На предложение меньшевиков он никакого ответа не дал, но его дали сами события.

А события развертывались с головокружительной быстротой.

Помню, 25-го октября я пришел в Смольный, когда говорил в большом зале т. Троцкий. Он заявил, что в Петербурге власть перешла в руки народа, и поэтому свободно могут явиться т. т. Ленин и Зиновьев. Эти слова были встречены громом аплодисментов. Когда же на трибуне появились т. т. Зиновьев и Ленин, им был устроен такой триумф, что было ясно, на чьей стороне победа. С речами поочередно выступали и Троцкий, и Ленин, и Зиновьев. Особенно врезалась мне в память бессмертная речь т. Троцкого. Я слыхал его до этой речи и после нее, но такой речи мне больше не удавалось слышать. Это был какой-то расплавленный металл, каждое слово жгло душу, будило мысль и рождало отвагу, а говорил он о победе пролетариата. Слушали его с затаенным дыханием, и я видел, как у многих сжимались кулаки, как складывалась определенная решимость бороться до конца.

Наконец, открылся Съезд. Открыл его Дан, но президиум был избран исключительно из большевиков. Председательское место занял т. Свердлов, и Съезд приступил к занятиям. Вдруг вбежал бледный растерянный Абрамович — член старого Исполкома меньшевик — и заявил, что „Аврора" бомбардирует Зимний дворец. Он требовал немедленного приостановления осады. Слова его потонули в бурных аплодисментах по адресу матроса, явившегося с „Авроры" сообщить, что Зимний дворец сдался. Пали, таким образом, последние остатки крепости Временного Правительства, власть фактически перешла к Совету.

Собрание Съезда продолжалось до 5-ти часов утра.

Было холодное туманное утро. Шел снег, и только-только начал просыпаться Петербург, когда мы возвращались домой. Тихо, спокойно принял он события ночи, кучки любопытных толпились на площади у Зимнего дворца и оживленно обсуждали события. Ни полки, ни народ, как уверял Керенский, не заступились за Временное Правительство.

Побег Керенского в Красное Село и попытка его организовать отряды тоже ни к чему не привели — история похоронила Временное Правительство, и его наследником назначила пролетариат. Это было ясно. Сочувствия к старому правительству не слышно было, интересовались больше всего подробностями ночного боя.

Больших следов разрушения не было видно: кое-где лежали опрокинутые фонари, были разбросаны в огромных количествах дрова у Зимнего дворца.

В 10 часов утра было назначено продолжение Съезда, началось оно после обеда и кончилось опять поздно ночью. На этом заседании были избраны народные комиссары и приняты важнейшие декреты, положившие начало новому строю.

Закончился Съезд. Делегаты, нагруженные литературой, начали разъезжаться. Всех занимала одна мысль: как-то откликнется Россия на то, что произошло в Петербурге. Поддержит ли или нет. А сведений не было никаких. Но скоро мы услышали ответ России. Когда мы подъезжали к Москве, там шла канонада, — это рабочая Москва поддерживала рабочий Петербург. Красные столицы послужили примером для всей России, вся она раньше или позже присоединилась к тому, что совершилось в ночь на 25-е — 26-е Октября в Петербурге.

Легко и безболезненно взял власть в свои руки русский пролетариат в Октябре 1917 года, но вы знаете, сколько тысяч жертв пришлось ему потом положить на то, чтобы удержать в своих руках и укрепить эту власть.

Вечная память погибшим!

Вечная память бессмертным героям! Арсеньев.

Памятная ночь.

В райкомах шла лихорадочная работа. На заводах готовились к выступлению. Отряды Красной Гвардии ждали распоряжения.

Все рабочие искали оружия.

Один старик притащил с собой железные вилы. Позднее я видел его на площади. Он что-то говорил в толпе, размахивая руками и потрясая своими вилами. Несмотря на холод, полушубок его был расстегнут. Виднелась худая грудь. На шапке у него был приколот красный лоскут.

* * *

Вместе с отрядом Красной Гвардии я пришел на площадь.

Второй раз приходил я на ее мостовые — с определенной целью.

Первый раз шел просить царя-батюшку. Это было 9-го Января 1905 года. Второй раз шел свергать прихвостней буржуазии. Это было 25-го Октября 1917 года. На площади было много народу. По Николаевскому мосту, по Литейному и другим шли все новые и новые толпы рабочих. У многих были винтовки. Один завод — сейчас не припомню какой, притащил пару пулеметов. В толпе царило ожидание. На лицах была печать упорства и настойчивости. Кое-где щелкали ружейные затворы, раздавались выстрелы.

В разных концах площади устраивались летучие митинги. Их никто не созывал. Не было официальных докладчиков. Сама толпа собиралась, сама обсуждала жгучие больные вопросы. Везде и всюду ругали Временное Правительство.

— Что же от них ждать? Прохвосты они,—кричала какая-то женщина.

Вспомнили Июльские дни.

„Где Ильич, Зиновьев?“

Судьбою своих вождей живо интересовались.

* * *

С Петропавловской крепости раздался выстрел. Толпа встрепенулась, стала собираться к дворцу.

Выстрелила „Аврора“. Защелкали пулеметы. Опять где-то слышалась речь...

Мы ворвались во дворец. По лестнице сбежали вверх по какому-то коридору. Вошли в комнаты, вошли и ахнули. Такой роскоши мы никогда не видели. Зеркала, золото, шелк...

Один мальчик потянулся к часам. Его оттянули... кто-то колотил его... И смех и горе. Влезли в комнаты, а не знаем где и выйти. Хуже, чем в лесу дремучем. Заблудились, а сзади напирают все новые и новые рабочие. Еле-еле вышли.

* * *

Раздался выстрел. Что такое? Откуда? У стен за диваном прилегла „баба". По отличиям узнали, что из батальона смерти. Мы уж в комнате, а она целится, подлая. Подлетели к дивану, схватили ее, а она кусается, царапается, словно кошка дикая. Вошли в другую комнату, а там их человек десять. Кто в шкафу, кто под столом, а одна сжалась в комок, у камина притулилась.

Извлекли и их. Дрожат, на колени упали: „Ради куска хлеба пошли", — говорят. Отпустили их на все четыре стороны.

* * *

А на улице ревела свинцовая буря. Дворец был ярко освещен. Прожектора „Авроры" резали ночную тьму — освещая ярким светом последнюю опору Временного Правительства.

* * *

„Временное Правительство пало! Власть в наших руках!" Молнией пронеслась эта весть. Люди целовались друг с другом, поздравляли друг друга. Лица у всех веселые, светлые, праздничные.

Еще бы! Мы победили!

Мы взяли власть!..

Рабочий **Адамович.**

Среди печатников.

С первых дней революции 1917 года, бывш. Государственная типография (на Гатчинской ул.) превратилась в „желтое гнездо", где прочно засели меньшевики и эс-эры; из 1.200 чел. было всего 1 — 2 большевика и группа сочувствующих.

Рабочие, руководимые меньшевиками и эс-эрами, ненавидели нас, ругали и грозили нам „по успокоении" всех перевешать. Мы, слушая эту брехню, делали свое дело, и по приказанию П. К. все, как один, вошли в заводскую охрану и вооружились винтовками.

Накануне переворота мы были все начеку. Меньшевики и эс-эры тоже не дремали, печатали свои листовки и рассказывали чудовищные слухи об аресте т. Ленина, т. Зиновьева и пр.

День был очень тревожный, по окончании работы в типографии большинство рабочих разошлись по домам, а меньшевики и эс-эры, предчувствуя что-то неладное, остались „дежурить." К вечеру, вооруженную охрану из типографии потребовали в комендатуру, оставив только 4 человека для охраны типографии.

Находясь в караульном помещении, я услышал телефонный звонок; подошел и сказал: — „Слушаю" — мне торопливо ответили:

— Сейчас же, по приказанию коменданта Крамера, идите в комендатуру.

Я сообщил весь разговор товарищам, и мы сейчас же пошли в комендатуру.

Приходим. В комендатуре целая толчея: люди толпами входят и выходят, беспрерывно звонят телефоны. Комендант т. Крамер, вооруженный с ног до головы, носится, как угорелый. С большим трудом мне удается пробраться к Крамеру, и я доношу ему о нашем прибытии. Он с удивлением посмотрел на меня, и ответил, что не приказывал оставлять типографию без охраны, велел сейчас же итти обратно.

Возвращаясь обратно, не доходя ворот типографии, мы встретили какого-то товарища, который нам сказал:

— В типографии работают вооруженные винтовками люди. Не ходите туда — вас арестуют.

Мы сейчас же повернули обратно в комендатуру. Оказывается, меньшевики и эс-эры спровоцировали, ложно позвонив по телефону, после нашего ухода они разобрали оставшиеся винтовки и, вооружившись, стали набирать воззвания Керенского. Потресов, редактор газеты „День" привез им оригинал и матрицы с только что где-то набранного № газеты „День", чтобы отлить в стереотипной мастерской полосы и отпечатать газету. Не забыта была также и „подмазка". Потресов привез масла, сахару и хлеба; сам намазывал масло на хлеб и раздавал рабочим, чтобы работали поскорей.

В комендатуре сейчас же распорядились послать автомобиль-грузовик с вооруженными людьми, и по приезде в типографию автомобиля, предупрежденные „работники" разбежались кто куда, оставив винтовки и неоконченную работу, забрав с собой только хлеб и масло. На месте были захвачены только „храбрецы" во главе с Потресовым. В стереотипной мастерской нашли отлитые полосы газеты „День" и воззвания Керенского. Тут же все разбили на мелкие кусочки, арестованных допросили; составили акт и отпустили.

В это время под гром выстрелов пал Зимний дворец.

На другой день, в то время как на Петроградской стороне разбивали последнее юнкерское гнездо, меньшевики и эс-эры из Государственной типографии, пытались продолжать свою гнусную работу: отпечатав листовку, пошли на Большой проспект и стали раздавать ее. Наборщик Маркоч (меньшевик) нарвался на рабочую группу, которая отняла у него листовки, и он с „фонарями" возвратился в типографию.

„Так кончился пир их бедою". Никакая гнусная ложь не помогла их делу.

И теперь, по делам печатников видно, что они порвали всякую связь с меньшевиками и эс-эрами и идут вместе с коммунистами под красным знаменем 3-го Интернационала.

Да здравствуют красные печатники!

Да здравствует Великий праздник Октября!

Наборщик **С. Гаврилов.**

Дни великой Октябрьской революции на заводе б. „Айваза"

Октябрьская революция не явилась неожиданностью для айвазовцев. Ей предшествовала длительная подготовка, особенно деятельная после неудачи Июльских дней.

Как я уже писал в воспоминаниях об Июльских днях, у нас было сохранено все оружие, удачно спрятанное в заводском складе в ящиках. Настроение рабочих все подымалось, и к моменту Октября положение было таково, что лишь раздастся сигнал—все придет в движение. Все было готово к действию, и создавшаяся Революционная Тройка имела в своем распоряжении вполне готовых к выступлению рабочих.

Было ясно, что мы вступили в период гражданской войны. Наши противники метались по заводу нервные, растерянные.

Накануне выступления, после обеда у нас все были в полной боевой готовности. По назначению штаба часть товарищей отправилась в Выборгский район. Оставшиеся на месте рабочие были тоже вооружены. Все это проходило под руководством т. Сидора Воробьева, который был у нас первым организатором Красной Гвардии и выкинул ясный и определенный лозунг: „Надо кончать с буржуазией!"

Нам не пришлось принять участия во взятии Зимнего дворца, ибо мы были разбиты на отряды постовой охраны в районе. После взятия власти Советами, как только был дан приказ о погоне за Керенским, от нас было отправлено два грузовика с вооруженными рабочими. Женщины отправились в качестве санитарного отряда. Желающих итти на борьбу было много — если бы забрать их всех, то не хватило бы и четырех грузовиков. Трудно себе представить тот энтузиазм и ту жажду покончить раз навсегда с буржуазией, какую проявляли рабочие.

Мне лично пришлось дежурить на телеграфе на Финляндском вокзале. Через заводский комитет мне сообщили, что меня требуют в район для перевода финских писем. Я побежал. Прибегаю в район, т. Женя сразу сует мне в руку бумажку: „Иди и заяви себя комиссаром телеграфа".

Я так и сделал. Как только я показал свою бумажку главному чиновнику, он моментально исчез. Но телеграфистки остались. Мне только этого и нужно было, чтобы немедленно приступить к работе. Я знаю только финский язык, но это не мешало мне с весьма авторитетным видом задерживать телеграммы на шведском, датском и др. языках, содержания которых я не понимал. Такое „знание" иностранных языков снискало мне всеобщее уважение телеграфисток, и к утру мы уже были друзьями...

Далее помню ночь, когда мы в Озерках захватили женский „батальон смерти." Всю ночь мы их разоружали и увезли два грузовика винтовок. Бедные женщины были рады, что мы их сразу отпустили на свободу...

Помню саботаж инженеров после Октябрьской революции. В один прекрасный день завод остался без единого инженера, все они забастовали. Я работал в ночной смене, когда явился т. Розин и передал мне, что я должен

в эту ночь всех их арестовать и доставить в Смольный, но сразу этого сделать не удалось, так как было невозможно их разыскать.

Была скверная погода, валил снег и шел дождь, и шоффер не мог ехать. На следующее утро, вероятно, пронюхав о предполагавшемся аресте, инженеры все явились на работу.

После Октября наш завод дал лучших товарищей для работы по всей России. Мы не без гордости вспоминаем, что и „всероссийский староста" вышел из нашей среды. Последнее место его работы и его станок с любовью охраняются нашими рабочими.

Многих товарищей нет уже в наших рядах: им не довелось дожить до лучших дней, они пали в тяжелой борьбе.

Воспоминание об этих товарищах будет жить среди рабочих и будет звать их к борьбе до полной победы рабочего класса во всем мире...

Н. Кокко.

Из воспоминаний об Октябрьской революции.

Октябрьские дни приближались с головокружительной быстротой.

Недолго Керенскому и К⁰ удалось диктаторствовать в России. Рабочие, крестьяне и солдаты, собравшись с силами после июльского поражения, вновь зашевелились под лозунгом большевиков: „Вся власть Советам Рабочих и Солдатских депутатов".

При Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, который находился в Смольном, организовался Военно-Революционный Комитет. К 23-му октябрю почти весь питерский гарнизон, за исключением кавалерийских частей, находился на стороне Военного Революционного Комитета. К 24-му октябрю к гарнизону присоединилась и вся кавалерия.

Мне удалось попасть на один из митингов—в 9-м кавалерийском полку, на Шпалерной улице. Полк этот был довольно реакционно настроен, в особенности офицерство. Большевиков в полку было очень мало; все же, когда там побывал т. Антонов-Овсеенко, присланный из Смольного, полк, после долгих дебатов, присоединился к Военно-Революционному Комитету. Победа большевиков в 9-м кавалерийском полку имела большое значение, так как в окрестностях Петрограда находились порядочные силы кавалерии, подчиненные этому полку.

Керенский хотел вывести ненадежные войсковые части из Петрограда, но не успел этого сделать.

25-го октября, с утра, к Зимнему дворцу Временное Правительство начало стягивать казаков, юнкеров и женский батальон Бочкаревой.

В 3—4 часа дня положение в городе стало тревожным,— Невский и прилегающие к нему улицы были оцеплены войсковыми частями, и началась проверка документов у прохожих. Все мосты охранялись пулеметами и усиленными караулами. Появились вооруженные отряды Красной Гвардии. Войска Военно-Революционного Комитета постепенно начали окружать Зимний дворец с засевшими в нем министрами-капиталистами. Ждали с минуты на минуту прибытия кронштадтцев, которые и явились в скором времени. Временному Правительству был предложен ультиматум о сдаче.

Тихо. Ни выстрела. Казаки вдруг сразу отошли от Зимнего дворца. Возле него остались только юнкера да женский батальон.

Уже совершенно стемнело, когда Зимний дворец открыл пулеметный и ружейный огонь; со всех сторон ему стали отвечать наши. Среди наших бойцов выделялись большим количеством стрелков Финляндский и Павловский полки. Моряки не отставали. Бой разгорался жаркий. Защитники Временного Правительства засели за баррикадами и штабелями дров, которыми был окружен весь дворец, и им было легче, чем осаждавшим, ориентироваться в наступившей темноте и бить по открытой цели.

Вдруг раздался гул орудийного выстрела, за ним другой, третий... — это крейсер „Аврора" и Петропавловская крепость открыли артиллерийский огонь по Зимнему дворцу. Нам стало немного жутко: в темноте цель берется довольно трудно, и снаряды могли попасть в свои же войска; к счастью, этого не случилось. Мы двинулись на приступ. В рядах защитников дворца началась паника. Первыми врываются в Зимний дворец павловцы и моряки; затем красногвардейцы.

Бой затих. Стали по громадным залам искать членов Временного Правительства, находили многих и арестовывали. Керенского среди них не оказалось, он сбежал неизвестно куда.

Временное Правительство под усиленным конвоем ведут на улицу, здесь часть разгоряченных бойцов хочет пристрелить их на месте, но член Военно-Революционного Комитета призывает, не производя насилия, отправить арестованных в Петропавловскую крепость. Всех „горе-министров" отправляют в крепость; туда же направляют под усиленным караулом и разоруженных юнкеров. Некоторые из юнкеров оказывали сопротивление даже тогда, когда наши ворвались во дворец. С такими пришлось разделаться, как подобает во фронтовой атаке.

Возбуждение, вызванное боем, постепенно начинает проходить. На лицах борцов видны радостные улыбки, — быстро, мол, прикончили с теми, кто обманывал в течение 8-ми месяцев революционных питерских рабочих и солдат.

Рабочий-табачник **А. Клыкин.**

Перед Октябрем и Октябрь 1917 года.

(Колпино.)

Во время наступления на Петроград диких дивизий Корнилова в конце августа и в начале сентября 1917 года повсюду организовались Реввоенкомитеты.

Казалось, все были против Корнилова, который нес смерть развертывавшейся революции. Коалиция в лице Керенскаго, или еще не успела сговориться с Корниловым или, вернее, испугалась гнева трудящихся и призывала итти против дивизий Корнилова. Июльские дни доказали соглашателям, что не устоять будет Корнилову и другим врагам народа, и они решили взять линию на учредилку, пользуясь еще не изжитым некоторым влиянием эс-эров и меньшевиков на массы. Таким образом для отвода глаз соглашатели призывали рабочих защищать революцию против дивизий Корнилова.

Мы, большевики, вполне учли их уловку и, в интересах развертывавшейся революции, вошли в Реввоенкомы. Образован был такой комитет и в Колпино: в состав его вошли эс-эры, меньшевики, большевики и анархисты.

Кроме того, в Колпино был организован отряд и штаб Красной Гвардии и приняты меры к вооружению рабочих Ижорского завода. Надо отметить, что в Колпинском Реввоенкоме во главе стояли большевики.

Помню, как т.т. Т. Панов, Веселов и Костин, по поручению Колпинского Комитета Р.С.-Д.Р.П(б) и Реввоенкомитета, доставили грузовой автомобиль, нагруженный ящиками с винтовками, патронами, бомбами, динамитными шашками и несколькими пулеметами из Питерскаго арсенала. Все привезенное находилось в распоряжении штаба Красной Гвардии, во главе которого стояли наш старый бунтовщик, член Р.С.-Д.Р.П(б) с 1912 года т. Панов Тимофей, рабочий Бронезакалочной мастерской № 2 Ижорвода, и его помощник т. Веселов—молодой энергичный рабочий механической мастерской.

С ликвидацией Корниловской авантюры, ликвидировался и Колпинский Реввоенком; продолжал работать лишь местный Совет, в котором преобладали эс-эры и меньшевики.

Казалось, угроза рабочим и революции отпала, но вот, в конце сентября и в начале октября 1917 года, в Питере, произошел ряд вооруженных столкновений рабочих с юнкерами. Выяснилось, что, по приказу Коалиционного Правительства, юнкера приступили к разоружению рабочих на заводах и фабриках. Значит, такая же участь ждала и ижорцев в Колпино, тем более, что здесь стояли две сотни казаков как бы для охраны завода.

Эс-эры и меньшевики повели агитацию за сдачу рабочими оружия. Нам, большевикам, приходилось напрягать все силы, чтобы доказать рабочим, что оружие сдавать нельзя. Оружие решено было не сдавать. Боевой отряд переведен был на казарменное положение, усилена охрана, а неиспользованное оружие, патроны и взрывчатые вещества пришлось ночью секретно, чтобы не узнали эс-эры и меньшевики, спрятать. Так же секретно вооружать товарищей рабочих-добровольцев, пополнявших отряды Красной Гвардии.

Где же все оружие было спрятано? Обсудив создавшееся положение в узком кругу партийцев т.т. Панова, Немвицкого, Баклайкина, Дмитриева и Головешко, решили отправить оружие на окраину города Колпино. Там проживал в изолированном маленьком домике рабочий Ижорвода преклонных лет А. П. Головешко, отец четырех сыновей большевиков,—у него и решили спрятать оружие. Т. Головешко сам помогал нам, Панову и мне, прятать в подполье привезенное на лошади оружие.

Силы Красной Гвардии увеличивались с каждым днем, чувствовалось, что приближается решительный момент.

Наконец, мы получили циркулярное указание от Ц.К. Р.С.-Д.Р.П(б) за подписью нашего любимейшего вождя Владимира Ильича Ленина: „*К вооруженному выступлению, товарищи рабочие, к захвату заводов, фабрик и оружейных складов, банков и т. д., время не ждет*". Когда это было объявлено отряду Красной Гвардии и рабочим Ижорвода, то все единодушно заявили о своей готовности выступить на борьбу.

24-го октября под вечер было заседание Комитета Р.С.-Д.Р.П (б), затем экстренное заседание Исполнительного Комитета Совета, а в ночь с 24-го на 25-е расширенный пленум Колпинского Совета совместно со всеми организациями: заводским комитетом, представителями профсоюза, политическими организациями и цеховым комитетом; на этом расширенном заседании от нашей организации были: Е. Герасимов, М. Огурцов, М. Баклайкин, Костин, С. Каренов, В. Мельников, Веселов, А. Уланов, Осип Коростик, А. Легков, В. Алексеев и др. Присутствовало всего около 200 человек. По лицам присутствующих видно было, что все они в каком-то праздничном настроении и что они уже решили: „Вся власть Советам".

На Всероссийский Съезд Советов избираются преимущественно большевики, они же и в члены Петросовета. Всеми, за исключением заядлых эс-эров и меньшевиков, принимается наказ большевиков, хотя большевиков с решающим голосом на собрании одна двадцатая часть.

Фракция большевиков предложила создать Реввоенкомитет для руководства классовой борьбой. Фракциями меньшевиков и эс-эров было заявлено, что они в такой Реввоенкомитет не пойдут. Левые эс-эры заколебались, говоря, что не имеют из своего центра соответствующих указаний. Несмотря на это, абсолютным большинством решено создать Реввоенкомитет, в который вошли вместе с большевиками беспартийные и одиночки анархисты. Тут же ночью выделяется Президиум Реввоенкомитета в составе: т.т. Немвицкого, Т. Панова, И. Головешко, И. Алексеева (от большевиков) и Дыбиц (от анархистов). Затем вырабатывается план обороны. Товарищи, избранные на съезд: Немвицкий, Панов, Дмитриев, Пронин, Герасимов, Огурцов, Костин, Баклайкин, Алексеев уезжают в Петроград. Мне, как заместителю председателя, вместе с другими членами Реввоенкомитета, поручается руководство дальнейшей работой.

Через короткое время из уехавших делегатов возвращаются т.т. Герасимов, Костин, Алексеев с требованием дать им автоброневики, вооруженные пулеметами, с которыми они отправятся в Смольный, бывший в то время штабом восставшего пролетариата. Одновременно они кратко рассказывали, что на улицах Питера идут бои и что целые полки переходят на сторону рабочих. Я, не медля ни одной минуты, вызываю председателя рабочего комитета Ижорвода Степана Королева и на мой вопрос: сколько готовых бронеавтомашин, которые сейчас же можно двинуть для боевых операций в Питер, т. Королев отвечает, что есть 17-ть готовых, некоторые из них вооружены пулеметами, а две машины требуют кое-каких мелких работ, — в экстренном порядке они могут быть выпущены через два дня.

Начальником завода был Гусаковский, морской офицер, именовавший себя, между прочим, революционером. На энергичные заявления т. Королева по телефону о немедленной отправке автомашин, по распоряжению Реввоенкомитета, Гусаковский ответил, что требованию Колпинского Реввоенкомитета и Совета он подчиниться не может, а завтра же снесется по этому вопросу с Морским Главным Штабом (понятно, в чью руку играл этот революционер), тогда я ему заявляю по телефону, что броневики будут взяты. Гусаковский отвечает: „Можете только вооруженной силой" и вешает трубку. Я тут же делаю распоряжение выключить его телефон, чтобы он не мог снестись

ни с Питером, ни с находящимися в Колпино казаками. Одновременно выключается и казарма с казаками.

Т. Королев получает от Реввоенкомитета официальное распоряжение. Снаряжаем шоферов, находившихся тут же в отряде, через короткое время выкатывается грозная эскадрилья, в нее усаживаются Герасимов, Костин, Алексеев с товарищами красногвардейцами для охраны и, с соответствующим паролем, направляются в Питер. Немного позднее выходят еще два броневика, которые оказалось возможным приспособить к боевым операциям: один остается в распоряжении Реввоенкомитета, другой — штаба Красной Гвардии. Броневики тут же вооружаются пулеметами и патрулируют по городу.

Под утро 25-го октября получаем сообщение, что в Петрограде власть в руках рабочих. Министры коалиции арестованы, Керенский бежал и вместе с генералом Красновым ведет казаков на Питер. Рабочее и Крестьянское Правительство призывает напрячь все силы и разбить врага. Фронт образовался между Царским, ныне Детским, Селом и Пулковом; первое было занято казаками, и опасность угрожала непосредственно Колпино. Немедленно под руководством Тимофея Панова выделяются красногвардейцы на заставы по дорогам на Детско-Павловск и организуется передовая разведка во главе с т. Коростик. Затем из Петрограда постепенно подтягиваются один за другими полки и отряды рабочих, и устанавливается тесная связь с ними. Ижорцы принимают самое деятельное участие в разгорающейся борьбе как на фронте с винтовкой в руках, так и за работой по изготовлению бронемашин. Надо отметить, что, кроме 17-ти машин, отправленных в Питер, на фронте против казаков оперировало еще 6-ть машин, выпущенных силами рабочих.

В бою казаки Керенского и Краснова не устояли против рабочих отрядов и полков и были опрокинуты в течение суток. Но борьба в целом была далеко не окончена. Много раз еще пришлось русскому пролетариату вступать в бои с врагами трудового народа и в этой тяжелой упорной борьбе пали от пуль врагов многие товарищи на революционном посту: т. Володарский, Урицкий, а из товарищей колпинцев многие остались на полях сражений: т.т. Вавилов, Цыкунов, Лисицын, Веселов, Вересов, Коркин и другие, оставив завет бороться до конца, бороться за дело пролетариата.

Товарищи! Имена их навсегда останутся живыми в каждом рабочем сердце. Теснее ряды вокруг Коммунистической партии!

Илья Головешко.

Шлиссельбуржцы в Октябрьские дни.

Во время Февральской и Октябрьской революций пишущий эти строки был рабочим Шлиссельбургского порохового завода и красногвардейцем в заводском отряде.

Нужно сказать, что, несмотря на то, что Шлиссельбург находится в 60-ти верстах от Петрограда, рабочие порохового завода принимали самое активное участие в революционной борьбе питерского пролетариата как с самодержавием, так и с соглашательским Временным Правительством.

С первых дней февральской революции в массе рабочих завода не было колебаний, за кем, с какой партией они должны итти.

„Вся власть Советам, долой министров-капиталистов!“ — Этот лозунг, выброшенный большевиками, был сразу же воспринят рабочими Порохового завода. Контроль над производством был осуществлен фактически на заводе еще задолго до Октябрьских дней. Больше того, — за период с февраля по октябрь Шлиссельбургский Совет Рабочих Депутатов был единственной властью как в заводском городке, так и в прилегающих к нему окрестностях.

В дни Октябрьской революции рабочие, — все до одного, были готовы выступить за власть Советов. Помню, когда 24-го октября на заводе было получено от штаба Рабочей Красной Гвардии (начальником ее был, если не ошибаюсь, в то время т. Юренев) приказание выслать в Петроград отряд из 200 рабочих-красногвардейцев в полной боевой готовности, желающих принять непосредственное участие в борьбе было так много, что пришлось просить товарищей не уходить всем сразу, а частью остаться на заводе. Срочно были выданы тогда всем 200 рабочим винтовки и боевое снаряжение, необходимое солдату в походе.

В тот же день отряд выступил из Шлиссельбурга под командой шлиссельбуржца, т. Жука, погибшего в 1919 году на фронте против белого генерала Юденича.

По прибытии в Петроград, отряд сразу же получил задание — выбить из Михайловского военного училища засевших там юнкеров. Это было выполнено отрядом легко, без боя. Перетрусившие юнкера, не сопротивляясь, сдали оружие, все вплоть до последнего кортика.

Наш отряд не удовлетворился этим: он хотел, чтобы его бросили на подходившие в это время к Питеру верные Керенскому войсковые части и, в частности, на казаков.

Это желание было исполнено.

Штаб рабочей Красной Гвардии дал Шлиссельбургскому пороховому заводу новое задание: выслать пополнение к находящемуся в Петрограде отряду шлиссельбуржцев в 300 человек.

Было часов 11-ть ночи, когда я прибыл на завод с этим приказанием штаба Красной Гвардии и передал его председателю Совета т. Чекалову (убит в 1919 году на фронте против белого генерала Юденича). Немедленно были извещены все рабочие. Красногвардейцы быстро получили все необходимое вооружение и снаряжение, и в 9-ть часов утра наш новый отряд в 300 человек под командой т. Чекалова быстро погрузился в вагоны на ст. Ириновке и двинулся в Петроград. С этим отрядом пошел и я.

В Петрограде весь отряд, пройдя в Смольный, соединился с первым отрядом шлиссельбуржцев.

Утром 25-го октября соединенные отряды рабочих Шлиссельбурга походным порядком выступили к Пулкову.

Не привыкшие к длинным переходам, да еще по грязной, вязкой дороге, с винтовкой и снаряжением на плечах, не спавши предыдущую ночь, красногвардейцы сильно утомились и ослабели. Но желание поскорее дойти „до самого фронта“, как выражались наши бойцы, заглушало все.

Около Пулкова начал чувствоваться фронт, вот разбитый снарядами автомобиль, в котором, как передавали, погибла т. Слуцкая; вот воронки от разорвавшихся снарядов.

В Пулкове шлиссельбуржцы должны были сделать большой привал, отдохнуть, поесть. Последнее было невозможно, так как казаки и здесь оставили следы своих бесчинств: в чайных мебель была вся изломана, посуда до последнего стакана перебита; такая же картина наблюдалась и в некоторых частных квартирах. Отобедали кое-как, а затем часов в 9-ть вечера двинулись дальше на Детское Село.

Переход от Пулкова до Детского был самым трудным: темно... Грязь... Вода... Сверху моросит дождь. Невыносимо было итти, но, тем не менее, не было ни малейшего ропота.

Вот и Детское. Южнее кое-где слышались отдельные ружейные выстрелы.

Прийдя в Детское, отряд остановился во дворце б. княгини Марии Павловны. Весь отряд занял всего 3 комнаты, отчего не только лечь, но и сесть даже было негде. Даже в разгар революции и борьбы рабочие понимали, что нельзя разрушать и портить ценности, которые впоследствии могут быть полезны рабочему классу, и никто не роптал на тесноту.

Промокшие и усталые, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться, все скоро уснули, за исключением часовых.

Утром было еще темно, когда подняли на ноги весь отряд. Наш штаб получил оперативное задание — наступать. Не прошло и нескольких минут— все были готовы. Эти минуты для всего отряда были самыми счастливыми. Всем хотелось скорее вступить в бой и вернуться победителями. Но вот штаб шлиссельбуржцев получает новое распоряжение: не выступать, а ждать дальнейших приказаний. Минуты томительного ожидания.

Спустя недолгий промежуток времени получаем известие: противник сдался по всему фронту — фронт ликвидирован. Торжественно подходим к вокзалу, чтобы ехать в Петроград.

А там, в Петрограде, вышли к вокзалу воинские части и рабочие организации, чтобы встретить победителей. Несмолкаемое „ура" далеко разносилось при встрече каждого эшелона. Выступали ораторы, которые приветствовали победу рабочего класса. Играл духовой оркестр. Лица у всех были восторженные. Только буржуазия сверкающими злыми глазами наблюдала происходившее и не хотела верить, что масса рабочих и солдат навсегда сбила с себя цепи рабства.

Ив. Погодин.

Из Гельсингфорса в Питер! [1])

Дождливые осенние дни наводили скуку, усиливая нетерпение. Все ждали сигнала. Когда же? Дни казались годами. Хотелось, как можно скорее ринуться в бой, пока не поздно, пока не наступили холода не только в воздухе, но и в душе. С кораблей все настойчивее и настойчивее спрашивали: что же медлите? Скоро ли? Когда? Ответ один; ждем приказа. Получим, не замедлим. На сей раз не вернемся без Советской власти.

---

[1]) Из книги „П. Е. Дыбенко — Мятежники", изд. „Красная Новь", Москва, 1923 г.

Т. Смилга уехал в Петроград с докладом. Ему поручено доложить Ц. К., что флот ждет только сигнала. Откладывать немыслимо. Если все откажутся, флот выступит один. Так он решил бесповоротно на своем Съезде. Вернулись и наши представители с Северного Областного Съезда. С их прибытием как-то у всех прояснились лица. Решено. Задача всем дана. Пароли и сигналы установлены. Наш сигнал о выступлении — телеграмма из Петрограда за подписью т. Антонова-Овсеенко выслать устав.

Это значит выслать в Петроград миноносцы и десант не менее 5-ти тысяч. При повторной телеграмме — к Петрограду двинуть часть броненосцев и крейсеров.

В секрете держу пароль, планомерно ведем подготовку. Времени осталось немного. Постепенно один за другим в Петроград направляем корабли для ремонта. Наивный Вердеревский, уже не говоря о Керенском, не понимал, для чего вводились корабли. Главная тревога была за крейсер „Аврора". Он спешно заканчивал ремонт и предназначался к отправке в Гельсингфорс. Необходимо было его задержать в Петрограде. От имени Центробалта передаю председателю комитета „Авроры": „В случае, если последует приказ о выходе „Авроры" на рейд, приказ без санкции Центробалта не выполнять. Распоряжения Центробалта будут адресованы на ваше имя!" Установили условные переговоры. Один только флотский гвардейский экипаж в Петрограде да оборончески настроенный Центрофлот еще дышат керенщиной. Направляем туда заблаговременно своих преданных и стойких товарищей-толкачей.

За два дня до выступления еще раз проверили, все ли на местах. Где может быть задержка? Все было в порядке. Несколько тревожил вопрос о своевременном окончании ремонта миноносцев, которые предназначены быпи для похода в Петроград. Чтобы не ослаблять защиты подступов с моря, боеспособные корабли оставались на своих местах. Они зорко следили за внешним врагом. Наступали тревожно-лихорадочные дни. На несколько суток перед схваткой все как будто затихло.

В ночь на 22-е октября была получена телеграмма с „Авроры": „Приказано выйти в море на пробу и после пробы следовать в Гельсингфорс. Как быть?" — Центробалт отвечает: „*Аврore*" произвести пробу 25-го октября". Несмотря на угрозы и посылку к ней броневиков с юнкерами, „Аврора" категорически отказалась выполнить приказ Правительства Керенского. Верный часовой оставался на своем посту.

23-го октября, с утра, ведутся переговоры с левыми эс-эрами о совместном вооруженном выступлении. Прошьян и Устинов дают уклончивые ответы. Они не уверены в успехе и предлагают вести переговоры с меньшевиками. С их мнением соглашается и председатель Гельсингфорсского совета Шейман (большевик). Его колебания не обещали создания в городе твердой власти в момент самого переворота. К вечеру созывается общее собрание Совета и всех судовых и полковых комитетов. Собрание одушевлено одним желанием — немедленного свержения Коалиционного Правительства. Меньшевики и правые эс-эры пытаются протестовать, вносят свои предложения, предостерегают от „анархии" и „погромов". Левые эс-эры, уверяющие, что за ними „половина" флота и финляндской армии, предлагают компромиссные решения. Резко против компромиссов выступает т. Смилга. К концу заседания огла-

шается резолюция Центробалта; в ней говорится, что никаких отступлений от решения съезда Балтфлота, никаких компромиссов флот не признает. Если даже собрание вынесет обратное решение, фракция большевиков и Центробалт берут на себя ответственность за выступление. Члены Центробалта левые эс-эры единогласно голосовали за резолюцию Центробалта. Проходит резолюция Центробалта, тут же для руководства и координирования действий избирается тройка, нас снабжают неограниченными полномочиями. Ведем переговоры с финляндскими коммунистами о перевороте в Финляндии и захвате ими власти. Финские товарищи еще колеблются. Мы им заявляем: „Если вы отказываетесь нас поддержать, мы сами совершим переворот. Тогда вы вынуждены будете взять власть в свои руки". После долгих переговоров финны соглашаются.

Ночью арестовываем остатки представителей Коалиционного Правительства. Перед арестом Набокова перехватываем его разговор с князем Львовым, где сообщается из Петрограда, что в Петрограде начинается анархия. Большевики готовят вооруженное свержение Правительства. С фронта вызваны войска. Керенского решено отправить в Японию с целью ввода японских войск для подавления восстания при помощи японцев.

Этот разговор был немедленно передан в Петроград Революционному Комитету. Связь с Петроградом находилась в наших руках. В городе Гельсингфорсе царили спокойствие и тишина. Сопротивляться было некому. По городу во избежание каких бы то ни было случайностей циркулировали усиленные матросские патрули.

24-го октября. С самого утра спокойно. К 12-ти часам из Петрограда получаются одна за другой телеграммы о готовящемся выступлении. Телеграммы передаются Северо-Западному фронту. Связь с ним была установлена. Все телеграммы правительственные задерживаются. В Центробалте для руководства назначена тройка в составе: Аверичкин, Ховрин и Дыбенко. На всех кораблях, командах и пехотных частях установлены дежурные части. Кроме дежурных частей, на каждом корабле наготове по одной роте в полном вооружении. Огнеприпасы для отправки в Петроград приготовлены. Эшелоны для погрузки отрядов составляются. Идет усиленная спешка с ремонтом миноносцев. Ремонт должны закончить к утру. В 8-м часов вечера получена телеграмма из Петрограда: „Центробалт—Дыбенко. Высылай устав. Антонов-Овсеенко".

Флоту отдается приказание: боевым ротам прибыть на вокзал к 24-м часам. На вокзале установлена комендатура, с утра комендатура установлена также на всех станциях до Петрограда. Порядок погрузки и следования эшелонов передан коменданту и старшим в эшелонах.

Выходит задержка с ремонтом миноносцев. Вызываю командующего флотом Развозова и старшего флагманского механика. Обращаюсь к Развозову: „Будут ли готовы миноносцы к утру". Механик: „Никак нет. Они могут быть готовы только через двое суток".

— Что это? Неисполнение приказания.

Вызываю механиков и старших машинистов с миноносцев. Один за другим являются в Центробалт. На вопрос: будут ли миноносцы готовы к утру, они отвечают: „Ровно в 8-м часов утра миноносцы покинут Гельсинг-

форсскую гавань. Матросы на миноносцах не спят уже третьи сутки. Они сами работают день и ночь. Они полны желанием во-время выполнить возложенное на них величайшее историческое поручение. И они с честью выполнили революционный приказ...".

Когда ушли машинисты, механик и адмирал Развозов, качая головами, повторяли: „Невероятно. Это не может быть сделано. Миноносцы не могут быть готовыми к утру".

— Вы можете не верить в то, что миноносцы будут готовы, но вы отвечаете за командиров.

— Так точно. — Уходят.

23 часа. Из Петрограда вызывает т. Баранов Алексей. Подхожу к аппарату.

Баранов: „Настроение тревожное. Можем ли надеяться на своевременную поддержку. Центрофлот в наших руках. Правительство растерялось. С минуты на минуту может начаться выступление. Не опоздаете ли прийти на помощь".

— На рассвете выйдут миноносцы. Отправляю отряды.

— Передам Военно-Революционному Комитету.

25-го октября в 2 часа ночи. На улицах Гельсингфорса мертвая тишина. Тихо без сирен к пристани подходят один за другим буксиры. Бесшумно высаживаются боевые роты, тут же выстраиваются, подается команда, и мерными шагами направляются они к вокзалу. Погрузка проходит без всяких задержек. Эшелоны отходят через каждые полтора часа один за другим. Оркестры музыки играют „Марсельезу". С эшелонов несется громкое и радостное „ура". В 8 часов утра провожаю последний эшелон и спешу в Центробалт. В этот момент мимо Центробалта стройно, величаво проходят один за другим миноносцы. На них развеваются красные флаги с надписью: „Вся власть Советам". Команда на уходящих миноносцах и остающихся кораблях стоит во фронт. Оркестры музыки и громовые раскаты „ура" провожают уходящих в Петроград на борьбу.

С „Республики" и „Петропавловска" звонят по телефону и спрашивают: „А мы разве не пойдем в Петроград? У нас все готово. Мы ждем приказания".

— Потребуетесь, и вас пошлем. Пока будьте настраже.

На борту „Полярной Звезды" (помещение Центробалта) стоит командующий адмирал Развозов. Обращаюсь к нему: „Ну что? Теперь поверите".

— Да это чудо. Совершается невозможное. При таком рвении и силе желания за вами обеспечен успех. В таких условиях приятно и служить.

Наконец, все отправлено, кажется, можно и отдохнуть. Но всевозможные запросы и распоряжения не дают и минуты покоя. Некогда думать об отдыхе.

12 часов ночи. У аппарата опять т. Баранов: „Правительство свергнуто. Петропавловская крепость в наших руках. Идет бой за овладание Зимним. „Аврора" ведет себя геройски. До сих пор из Гельсингфорса нет поддержки: Антонов-Овсеенко, Крыленко и ты. Ты должен немедленно выехать в Петроград".

— Т. Баранов, все это великолепно. Но выехать я не могу и считаю совершенно неправильным отрывать меня от флота. В Петрограде вас много. Когда будут уверены в успехе и больше от флота не потребуется поддержки, тогда я выеду. Поддержка же вам выслана и с минуты на минуту должна прибыть.

На следующий день снова т. Баранов вызывает к аппарату и передает распоряжение т. Антонова-Овсеенко о высылке еще подкрепления и артиллерии. Снова требует моего выезда в Петроград.

К ночи сформированные батареи и отряды быстро направляются для погрузки. К рассвету погрузка закончена, и эшелоны направляются в Петроград.

27-го октября оставляю своим заместителем в Центробалте т. Измайлова и выезжаю в Петроград. По пути обгоняю эшелоны с артиллерией и отрядами моряков. Настроение у всех великолепное. Все уверены в успехе.

28-го октября. Поезд подходит к Финляндскому вокзалу. На вокзале караул из красногвардейцев и моряков. На улицах пусто. Пытаюсь найти извозчика, но безрезультатно. После долгих усилий удается дозвониться по телефону в Центрофлот. Наконец, подают из Центрофлота автомобиль. Еду в Смольный. На улицах встречаются отдельные вооруженные красногвардейцы и группы рабочих и солдат. У Смольного дежурят броневики, самокатчики и пехотные части. Поднимаюсь на второй этаж в комнату т. Подвойского.

Т. Подвойский: „Вы приехали. Вот и хорошо. С вами прибыли отряды матросов. А артиллерия? Сколько? Миноносцы и броненосцы, пришли?“ Засыпает целым рядом вопросов.

— Позвольте, т. Подвойский, броненосцев мы и не думали посылать. Я считаю, что судов здесь вполне достаточно. Три тысячи моряков уже прибыло, в эшелонах следует около 1500 человек, кроме того, две батареи. К вечеру они прибудут в Петроград.

Т. Подвойский: „Но они нужны немедленно! Наши части оставили Гатчину. Керенский прибыл с войсками с фронта, движется на Царское и Петроград. Поезжайте сейчас же в Царское, узнайте, что там делается, и немедленно сообщите“.

По тону разговора т. Подвойского видно, что в Смольном нервничают, незнание, где и что творится, заставляло беспокоиться, не было еще уверенности в положительных результатах исхода борьбы, особенно с подходом войск с фронта во главе с Керенским.

Переговорив с т. Подвойским, ухожу от него, чтобы ехать в Царское. Встречаюсь с Антоновым-Овсеенко. Он едет на Пулковский участок. Решаем ехать пока что вместе. С большим трудом отыскиваем автомобиль. При выезде за город автомобиль ломается. Досадная неудача. Навстречу несется чей-то частный автомобиль. Останавливаем. В автомобиле штатский господин. Спрашиваем:

— Вы разрешите в вашем амтомобиле доехать до Царского? Я запишу ваш адрес и автомобиль верну... Вы же через несколько минут доедете до моего автомобиля.

Пассажир: — Позвольте; я итальянский консул.

— Что же дело революционное, спешное.

Несколько поморщившись, консул слезает с автомобиля. Едем на его автомобиле дальше. По дороге в Царское тянется туда и обратно беспрерывная вереница отдельных групп рабочих с винтовками. Вкрадывается вопрос: неужели нет никакого управления, порядка? Кто куда хочет, тот туда и бредет.

Подъезжаем к Большому Пулкову, но стрельбы еще ни с какой стороны не слышно. Может быть, все кончено. Начинаем расспрашивать. Солдат сообщает, что Керенский уже занял Царское. Наши отступили к Пулкову. В Пулкове штаб. Разыскиваем штаб. В то время этот штаб мне казался штабом, по существу же это было недоразумение. Бывший полковник Вадин, растерявшийся, беспомощно разводил руками, упорно смотрел на карту и недоуменно бормотал: „Разрешите доложить, у нас никого не осталось. Все разбегаются, на ночь уходят по домам. Гвардейские полки без сопротивления отступают от Царского. Есть сведения, что часть их сдалась и перешла на сторону Керенского. Задержать уходящих нет возможности".

Входит военный, очевидно бывший офицер, и докладывает, что Царское занято Керенским. В Царское прибыло множество казаков с артиллерией и бронепоездом. Части разбегаются, и Пулково остается беззащитным. Необходимо задержать бегущих, привести их в порядок и установить на ночь хотя бы охранение и наблюдение за Царским, пока не подойдут отряды. Выходим из избы, в тот момент со стороны Царского начался обстрел Пулкова из артиллерии. Один из снарядов разрушает часть избы, где только что помещался „штаб". С трудом удается задержать группу уходящих вооруженных рабочих и солдат. Засыпают вопросами: что же матросы? Скоро ли придут? Уверил их, что матросы сейчас двигаются уже на фронт и что идет артиллерия. В надежде на подход матросов остаются не столько оборонять Пулково, сколько просто на месте. Т. Антонов-Овсеенко остается для того, чтобы попытаться наладить кое-как оборону. Я же возвращаюсь в Смольный с докладом к т. Подвойскому. Он снова засыпает меня вопросами; делает сразу несколько распоряжений и предлагает немедленно взять артиллерию с Путиловского завода.

— Помилуйте, т. Подвойский, ведь там же лошадей нет. Прислуга-то там имеется ли?

Т. Подвойский: „Погрузите артиллерию на платформу, а из рабочих там уже формируется прислуга".

Встречаю в Смольном Владимира Ильича. Он очень спокоен. Спрашивает: „Ну как дела на фронте?" Сообщаю ему о положении и заявляю:

— Я еду в Центрофлот и немедленно двину матросские отряды, в противном случае Керенский будет в Петрограде. Владимир Ильич безмолвным кивком головы одобряет мое предложение. Ухожу.

В течение ночи удается направить два отряда моряков к Пулкову. Прибывшую из Финляндии артиллерию выгружают, и к вечеру 29-го октября артиллерия прибывает в Пулково. Весь день 29-го войска Керенского были пассивны и тем самым дали возможность Военно-Революционному Комитету не только под Пулковым, но и под Красным и под Колпиным сгруппировать отряды моряков и пехотные полки.

30-го октября атаки казаков разбились о стойкое сопротивление моряков. Отразив атаки, моряки сами перешли в наступление и бросились в штык на бронепоезд. Войска Керенского, понеся значительные потери, поспешно отошли к Гатчине, не оказав сколько-нибудь значительного сопротивления.

Кронштадтцы [1]).

Когда условный гудок пароходного завода разбудил густым ревом спящий воздух, ему завторили на разные голоса сирены и гудки из военной гавани, с судов. Весь Кронштадт зашевелился, зашумел, закипел, и стихия ринулась на улицу.

В одно мгновение весь гарнизон был на Якорной площади. Т. Раскольников на трибуне. Когда он прочел тысячеголовой, грозно гудевшей массе призыв Петроградского Совета, подъем был так велик, что захлестнул и местных эс-эров-максималистов, коноводы-вожди которых вынуждены были итти вместе с нами. Они поняли: отказ от борьбы на баррикадах раз навсегда отбросит их от революции и от масс.

В ночь с 23-го на 24-е октября состоялось постановление Исполкома о том, какие воинские части, сколько, под чьим начальством и как выделяют и отправляют людей в Питер. Просились даже больные. Поэтому и потребовалось определить число выделяемых, чтобы оставить резерв в крепости. Мне известно, что в некоторых частях даже бросали жребий, кому оставаться в Кронштадте, а кому итти. Выступающие чувствовали себя счастливыми.

Всю ночь до полудня 24-го октября кипела работа. Формировали отряды, получали винтовки, продукты, грузили, тащили, везли. Гавань кипела. Над всем Кронштадтом стоял гомон.

Наконец, все погружено, все приготовлено.

Из Кронштадта выходит целая флотилия. Мобилизованы все плавучие средства вплоть до судов пассажирского сообщения, которые загружены по самые иллюминаторы. Верхняя палуба минного заградителя „Амур" полна черными бушлатами.

„Амур" идет головным, за ним грузно шлепают колесные пароходы и остальные суда. Наученные опытом Июльских дней, мы ждем вероломства. Пулеметы и пушки мелкого калибра выставлены на борт. Патроны приготовлены. Орудия заряжены.

При входе в Неву слышим изредка одиночные выстрелы. В гавани царит тишина. В тумане вырисовывается на Неве, ниже Николаевского моста, „Аврора", стоящая на якоре, слегка дымящая. Пушки без чехлов. Возле них вахтенные в тулупах. Оказывается, „Аврора" еще утром выступила и теперь господствовала над прилежащим районом.

Как только „Амур" подошел, на него тотчас же прибыл т. Антонов-Овсеенко от Военно-Революционного Комитета Петросовета. От него узнаем, что вопрос о восстании решен и Петросоветом, и П.К. и Ц.К.Р.К.П., что Петросоветом захвачены уже все главные учреждения и банки и что

---

[1]) „Под вымпелом Октября", сборник, изд. „Молодая Гвардия" Москва, 1923 г.

остановка лишь за Зимним, где засело Временное Правительство; „Петропавловка“ уже была в наших руках.

Намечается расположение судов, даются задания кронштадтскому отряду, определяется участок для его наступления на Зимний, порядок открытия огня с судов, при чем заранее решено стрелять холостыми, и лишь в крайнем случае боевыми снарядами.

Закипела работа. Через два часа все готово для начала активных действий.

Мне пришлось взять на себя обязанности начальника штаба, а тянуло на улицу в атмосферу надвигающихся событий. Как я распоряжался, когда, как и где спал, — назавтра уже не помнил. Так много нахлынуло впечатлений.

В 7 часов началось наступление частей, охвативших плотным кольцом Зимний. Кронштадтский отряд, оставив резерв и выслав несколько отрядов на охрану в распоряжение Петросовета, наступал по берегу Невы, левым флангом упираясь в реку, правым в Кексгольмский полк. Так как ни „Амур“ ни „Аврора“, стоя близко к Николаевскому мосту, фактически не могли стрелять боевыми снарядами из-за высившихся арок моста, — перестановок делать было некогда, — один из миноносцев был направлен за мосты к самому Зимнему для обстрела его в случае надобности артиллерийским, а также, для поддержки отряда на берегу пулеметным огнем.

Посланные по плану в Зимний с предложением сдаться парламентеры были арестованы. „Петропавловка“ открыла огонь из своих старинных пушек, затрещали сотни пулеметов, тысячи винтовок. Прожектора с кораблей шарили по Зимнему. Началась атака, через 20 минут последовал перерыв огня с „Петропавловки“, которая прислала нам ошибочное сообщение, что Зимний взят. Мы ответили, что по нашим сведениям он держится и что все атаки пока отбиты. Затем поступило донесение, что вновь посланы парламентеры и что опять получен отрицательный ответ: Зимний не хочет сдаваться.

Вскоре „Петропавловка“ опять заговорила. Приказано было и „Авроре“ дать условные выстрелы с большими промежутками. Опять затрещали пулеметы, винтовки. Опять слышно „ура“. Воздух стонет от пушечных, пулеметных и ружейных залпов.

Едва „Аврора“ успела дать три залпа холостыми, как последовало сообщение, что бой идет во дворе Зимнего, что семеновцы сами прошли и провели моряков ходом со стороны Эрмитажа. „Петропавловка“ стихает. Слышен лишь пулеметный и ружейный огонь.

Наконец, Зимний взят окончательно. Арестованы министры, часть которых найдена в лазарете дворца в койках под одеялами. Керенский бежал. Поздно ночью узнаем, что 2-й Всероссийский Съезд постановил взять власть в свои руки, опубликован состав Совнаркома.

С большим воодушевлением встречают отряды весть о новом Рабоче-Крестьянском Правительстве.

25-го и 26-го октября с мандатом Ревкома выполняю ряд поручений. По дороге заезжаю в Зимний — там уже орудует т. Дзержинский.

Ночью 26-го октября получаем сведения, что меньшевики готовят при помощи юнкеров восстание. Части срочно приводятся в боевое состояние. Их требуют то в одно, то в другое место, в усиленные караулы, на охраны,

на разоружение юнкерских училищ. Гоц и Полковников мобилизовали все силы и удачными налетами захватили телефонную станцию, овладели заселенной офицерами гостинницей „Астория“, а также прилегающей площадью. В Инженерном Замке, во Владимирском и Павловском юнкерских училищах белые создали опорные пункты. Параллельно с этим Керенский и Гоц двинули на Питер казачьи части под командой генерала Краснова со стороны Гатчины и Царского Села.

Положение требовало решительных и быстрых действий.

Юнкерское восстание подавляется в один день. К вечеру 27-го октября все ликвидировано. На Исаакиевской площади захваченный юнкерами у телефонной станции броневик берется матросами голыми руками. Телефонная станция, Инженерный замок и Павловское училище сдались быстро. Упорно оборонялось Владимирское училище, где юнкера отбивались за каждой дверью, за каждой стеной, вынудив пустить в дело артиллерию и только после обстрела были разбиты.

Ночью на пристань к штабу были приведены пленные юнкера, а оттуда направлены в Кронштадт.

По ликвидации юнкерского восстания, где погибло не мало лучших моряков, все внимание было обращено на Гатчину, где посланные отряды уже вошли в соприкосновение с противником. Почти весь кронштадтский отряд был брошен на этот новый фронт. Часть миноносцев отправлена вверх по Неве, чтобы в случае приближения противника к Питеру по Николаевской ж. д. содействовать обороне стратегических пунктов артиллерийским огнем. Между прочим, последнее задание, с указанием этих пунктов исходило, насколько мне известно, непосредственно от т. Ленина. Другая часть кронштадтского отряда готовилась к отправке в Москву с т. Раскольниковым.

Ликвидация Гатчинского фронта удалась после большого напряжения сил.

После ликвидации керенщины, на Кронштадт была возложена последняя задача. Он должен был выделить тысячи агитаторов, организаторов, специалистов-телеграфистов. Как и прежние задачи, он ее выполнил добросовестно. Кронштадтцы были в первых рядах тех, кто „сделал Октябрь“. Они были в первых рядах тех, кто его закрепил.

П. Смирнов.

„Аврора“ у Зимнего [1]).

Во время Октябрьских празднеств 1922 г. в Петербурге в рядах демонстрантов проползла через площадь Урицкого грузная модель крейсера „Аврора“, встреченная бурей восторга и приветствий. Красные военморы справедливо гордятся тем, что Октябрь был предначертан веками, а начат залпами „Авроры“.

В 1917 году „Аврора“ стояла в ремонте у Франко-Русского завода.

Уже до того команда „Авроры“ принимала активное участие во всех выступлениях петроградских рабочих против керенщины. „Аврора“ была пугалом для питерской буржуазии. В Октябре, когда начали готовиться

[1]) „Под вымпелом Октября“, сборник, изд. „Молодая Гвардия“, Москва, 1923 г.

ко 2-му Съезду Советов и когда наша партия повела усиленную работу, правительство труса Керенского приказало „Авроре" уйти в Гельсингфорс, решив этим убавить силы против керенщины. Но соотношение сил было таково, что с приказами соглашательского „шута на троне" считались мало. Центробалт, бывший настоящим хозяином положения во флоте, приказ отменил.

20-го октября в Петрограде бурлили рабочие митинги. В пролетарских районах раздавались речи о захвате власти. Было очевидно, что в ближайшие дни неизбежно выступление.

И вот — началось! Керенский закрыл наши большевистские газеты „Солдат" и „Рабочий Путь". В это время мы получили приказ от т. Троцкого передать по радио „всем, всем", что контр-революция перешла в наступление, предлагается быть всем бдительными и арестовывать противящихся решениям Петербургского Совета.

„Все, все, все", и в первую голову — сама „Аврора", узнали, что выступление началось. Мы ждали дальнейших распоряжений, ждали момента, когда „Аврора" сможет принять участие в борьбе.

24-го октября „Аврора" получила предписание следующего содержания:

„Петроградскому Совету грозит прямая опасность: ночью контр-революционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петербург. Газеты „Солдат" и „Рабочий Путь" закрыты. Предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений. Всякое промедление и замешательство будет рассматриваться как измена революции. Выслать двух представителей на делегатское собрание в Смольный".

После получения этого документа от нас назначен комиссар в Революционный Комитет и двоих послали для постоянной связи в Смольный. Кроме того, послали представителя в городской партийный комитет и дали туда патроны и снаряжение.

Таким образом, связь была налажена. Все, что было революционного на крейсере, чутко следило за развивающимися событиями и было готово по первому призыву ринуться в бой.

К вечеру, на „Аврору" прибыло второе предписание:

„Комиссару и Комитету крейсера „Аврора". В случае нападений на Петроградский гарнизон со стороны контр-революционных сил, крейсеру „Аврора" надлежит обеспечить себя буксирами, пароходами и паровыми катерами.

Все буксиры, которые вооружены, должны быть выведены из плавания".

Эти приказы дали нам основание полагать, что „Авроре" придется скоро двинуться в дело. Все меры для выполнения данных нам задач нами приняты. Через пару часов узнаем, что панически-настроенный Керенский развел мосты, и в том числе Николаевский.

Вслед за этим известием следует предписание:

„Военно-Революционный Комитет Петроградского Совета постановил: поручить вам всеми имеющимися в вашем разпоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту".

Мы сделали все, что смогли. Приближался решительный момент.

„Авроре" нужно было сняться от Франко-Русского завода и итти к мосту.

Тут командир отказался вести корабль. Тогда комиссар арестовал его и других отказавшихся и поставил к ним часового.

Вести крейсер взялся старшина Сергей Захаров, который на шлюпке сделал промер Невы. Когда показали промер командиру, он, наконец, работать согласился и повел судно к мосту.

Шли посреди Невы, притихшей и насторожившейся. Мост охранялся юнкерами. По левому берегу двигались моряки из 2-го Балтийского флотского экипажа, а по правому—моряки из Дерябкинских казарм.

Когда „Аврора" подошла на нужную дистанцию, она, отдав якорь, стала среди Невы. Мы послали на мост отряд моряков, которые сообщили, что молодчиков-юнкеров уже и след простыл. Моряки свели мост и восстановили прерванное сообщение.

Вечером к нам прибыл т. Антонов-Овсеенко и другие, которые в судовом комитете познакомили нас с положением дел и условились, когда „Авроре" надлежит стрелять. Условились так: когда будет залп с Петропавловской крепости, „Авроре" следует дать холостой выстрел, боевыми — стрелять в исключительном случае.

Когда наши пошли на Зимний дворец, мы туда послали своих информаторов и нескольких товарищей для переговоров с юнкерами. На сдачу они соглашались, но, как только наши парламентеры уходили, юнкера не сдавались и начинали волынку снова.

В это время на 2-м Съезде уже, как мы потом узнали, был выбран Совнарком с Ильичем во главе...

„Аврора" получила условный сигнал и немедля же дала холостые залпы. С какой радостью услыхали их рабочие красногвардейцы, боровшиеся на улицах Петрограда и штурмовавшие Зимний дворец. Эти залпы были похоронными для буржуазии, радостными для восставших рабочих Петрограда. Эти залпы навеки войдут в историю.

Грохот орудий с „Авроры" донесся до заседавшего съезда Советов. Фракция меньшевиков нагло заявила, что команда крейсера „Аврора", якобы, расстреляла министров-социалистов. Конечно, этой лжи не поверили сами меньшевики.

После перехода власти в руки советов команда „Авроры" принимала участие в организации охраны, порядка и закрепления советовластия... Во время восстания юнкеров „аврорцы" участвовали в его подавлении и забрали броневик, самоотверженно бросившись на его корпус и вышибая из амбразур его прислугу. После этого „аврорцы" были посланы с тов. Крыленко во главе в отряд в Москву. Много поработала в те славные дни наша команда.

В виду усиленной работы „Авроры" одному из предателей дали 100.000 руб., чтобы он взорвал ее, но это не удалось. Дело было в январе 1918 г. раскрыто. Не удалась и вторая попытка врагов погубить „Аврору". В апреле месяце 1918 г. была принесена на корабль адская машина; она не взорвалась, но механизм из нее во время его исследования взорвался, тяжело ранив одного из артиллеристов.

„Аврора" выполнила свой долг перед рабочим классом. Рабочая молодежь запомнит подвиги красного крейсера, орудия которого возвестили наступление Октября.

П. К.

25-го Октября [1]).

... Двенадцать часов 25-го Октября. По словам коменданта „Петропавловки" все в крепости готово. Орудия накатаны на валы. Обстрел Зимнего дворца можно начать по первому сигналу... Из Смольного сообщают, что захват всех правительственных зданий и вокзалов обошелся без кровопролития. Соглашательский предпарламент — „совет республики" разогнан в два счета. Съезд Советов должен открыться в два часа дня. Надо скорее кончать с правительством Керенского.

Миноносцы из Гельсингфорса прибыли и с рассветом вошли в Неву. „Аврора" продвинулась к самому Николаевскому мосту.

Но вот что-то оцепления по Мойке из гвардейских частей все еще нет. Кронштадтцы известили, что раньше трех часов дня не смогут прибыть на транспортах.

* * *

... Быстро несет меня катер мимо нахохлившегося Зимнего дворца (на набережной какое-то движение, кажется выдвигают орудие) к „Авроре". Славные ребятки — моряки! Кой с кем мы знакомы по совместному сиденью волей Керенского в „Крестах". Выясняется, что обстреливать окружный штаб, где засело Временное Правительство, с „Авроры" невозможно. Уславливаюсь, что по сигнальному выстрелу с „Петропавловки" „Аврора" даст пару холостых выстрелов из шестидюймовки. Передаю миноносцам, чтобы проникли за Николаевский мост и развернулись по сигналу для обстрела Зимнего...

* * *

Ну, вот! Кронштадтцы едут. Изрядно запоздали. Несколько тысяч молодых, стройных парней с винтовками в надежных руках заполняют палубу транспорта. Говорю им краткое приветствие от имени Советской власти, указываю им цель. Вот Зимний — последнее прибежище керенщины. Его надо взять. Сейчас они высадятся у Конногвардейского бульвара, войдут в связь с первым флотским экипажем и после артиллерийского обстрела атакуют Зимний дворец.

Я говорю им, гляжу на эти энергичные, нетерпеливые лица. Нет, этих не к чему агитировать. Могучий молодой вал докатился из Кронштадта до Питера. Держись, Керенский!

Да здравствует революционный Кронштадт! — невольно взволнованно и радостно заканчиваю я. „Ура" — покатилось по Неве грозовым предостережением.

* * *

... Темнота. Всплески выстрелов, таканье пулеметов. По Миллионной беспорядочная толпа матросов, солдат, красногвардейцев то наплывет к воротам дворца, то отхлынет, прижимаясь к стенкам, когда с дровяных баррикад юнкера открывают стрельбу.

---

[1]) „Под вымпелом Октября", сборник, изд. „Молодая Гвардия" Москва, 1923 г.

... Наконец-то! Глухо донесся орудийный выстрел. Еще и еще. Заговорила „Петропавловка".

— Не предложить ли им сдаться? — спрашивает Чудновский, приведший часть павловцев и, как всегда, отважный и говорливый.

Я соглашаюсь.

Артиллерийский обстрел подействовал. Сдались ударницы, какая-то школа юнкеров. Тут же на панели складывали винтовки и под конвоем уходили по Миллионной. Чудновский хотел оставить им вооружение, я не согласился. Остальные юнкера упорствовали еще час. По узкой извилистой лестнице атаковать их было трудно, — несколько раз они отразили натиск осаждавшей толпы.

Но и эти, наконец, дрогнули. Прислали сказать, что сопротивление прекращают. Вдвоем с Чудновским мы поднялись в палаты дворца. Повсюду разбросаны остатки баррикад, матрацы, огрызки, обоймы, оружие. Разношерстная толпа хлынула за нами, расплылась по всем этажам. Юнкера сдавались... Но вот в обширном зале у порога какой-то комнаты — их неподвижный четкий ряд с ружьями на изготовку. Осаждавшие замялись... Мы с Чудновским подошли к этой горсти юнцов, последней гвардии Временного Правительства. Они как бы окаменели. И стоило труда вырвать винтовки из их рук.

— Здесь Временное Правительство?

— Здесь, здесь, — заюлил какой-то юнкер. — Я ваш, — шепнул он мне.

... Вот оно — Правительство Временщиков, пытавшихся удержать неудержимое, спасти осужденное самою жизнью — последнее буржуйское правительство на Руси. Все тринадцать (только Керенский сбежал!) застыли они за столом, сливаясь в одно трепетное, бледное пятно. И такими дрожащими и немощными они оставались, когда я вел их под сильным конвоем в Петропавловскую крепость.

Перед ними расступалось и вновь смыкалось за ними взволнованное народное море. И были они, как бы щепа жалкая на волнах. Так тщедушно было это правительство, павшее среди общего презрения, не встретившее нигде серьезной поддержки, сметенное одним ударом восстания рабочих, солдат и моряков!

В. Антонов-Овсеенко.

Октябрьские дни во Пскове.

(Воспоминания.)

Псков играл важную роль в Октябрьской революции, являясь промежуточным пунктом между Петроградом и фронтом. В городе находился штаб Северного фронта и целый ряд армейских и фронтовых организаций.

Недели за две до Октябрьских дней началась подготовка к перевороту. Прибыли товарищи из Петрограда со специальным поручением от Центрального Комитета с.-д. большевиков и Петроградского Совета, а также и воинских частей, находящихся в Петрограде, для переговоров и выяснений в штабе Северного фронта у главнокомандующего генерала Черемисова по

поводу вывода Петроградского гарнизона на фронт. Это были т. т. Лашевич, Позерн, Рябков, Зоф, Панюшкин, Федоров, Садовский, Мехоношин, Ефремов, Дашкевич и другие; они устроили совещание в штабе фронта в присутствии генералитета, комиссаров Временного Правительства и прочих членов, на котором обсуждался вопрос о положении на фронте и море и по вопросу о необходимости выступления на фронт Петроградскому гарнизону.

Черемисов доказывал необходимость вывода гарнизона. В конце совещания делегацией была оглашена декларация, написанная Яковом Михайловичем Свердловым, — она выражала точку зрения нашей партии на события. На этом совещание закончилось.

Т. Лашевичем и другими товарищами было устроено заседание местного комитета с.-д. большевиков (в которое входили т. т. Ушарнов, М. Иванов, А. Иванов, Юров и Ю. Гей) и еще пригласили на него некоторых подпольников. На заседании т. Лашевич сделал доклад о предстоящих событиях и надвигающейся пролетарской революции. После обсуждения доклада был организован Революционный Комитет в составе пяти человек: Позерна, Панюшкина, М. Иванова, А. Иванова и Ушарнова. Позерн был у нас предназначен комиссаром фронта.

Революционный Комитет работал нелегально и повел подготовительную работу в военных частях, на заводах и в мастерских. Во все части были назначены комиссары. В результате мы так распропагандировали солдат, что они были вполне на нашей стороне и могли выступить по первому зову Революционного Комитета.

Особенно революционно были настроены мастерские автомобильной роты (где работал и пишущий эти строки), запасный батальон и 7-й авиационный отряд; на радио-станции тоже были свои люди, которые передавали нам всевозможные сведения о событиях. Из рабочих с нами были металлисты, техническая и гидротехническая мастерские фронта и деревообделочники. Перед самыми Октябрьскими днями во Псков явился Виктор Чернов, которому эс-эры устроили почетную встречу. Состоялся бурный митинг в Пушкинском театре, где большевики состязались с Черновым. Митинг раскололся на две части. Влияния на солдатские массы Чернов не произвел. Они попрежнему были революционны.

Комитету нашей партии и Революционному Комитету удалось создать газету „Псковский Набат", первый номер которой вышел 2-го ноября 1917 года (по новому стилю), первым редактором был М. Иванов, а в редакционную коллегию входили Ушарнов, А. Иванов, Ширинский и Ю. Гей. Газета с первых дней пошла нарасхват, особенно среди воинских частей.

В одном из заседаний Псковского Совета, состоявшего в большинстве из эс-эров и меньшевиков и в небольшой части из большевиков, фракция большевиков предложила избрать Революционный Комитет для руководства событиями и предложила список, в который вошли уже состоявшие в подпольном Ревкоме товарищи.

Каким-то чудом удалось провести это предложение. За нас голосовали все присутствующие на заседании, и таким путем был легализирован Революционный Комитет, но на второй день Совет снова его распустил. С этого момента и начинается открытая борьба с меньшевиками и эс-эрами. Мне

пришлось по заданию Областного Комитета Советов (Искроборсев), который помещался во Пскове, выехать в г. Лугу для того, чтобы задержать эшелоны войск, направляющихся на Петроград с фронта, в большинстве казаков, которые были сторонниками Учредительного Собрания и правительства Керенского. Мне удалось большинство из них уговорить и задержать эшелоны, которые больше не поехали, но зато пришлось удирать от Лужского Исполкома, который хотел меня арестовать.

Когда я вернулся во Псков, то сразу попал на заседание Исполкома, где к удивлению своему нашел двух представителей Лужского Исполкома. Мое появление их смутило, и они потребовали моего ареста, на что Псковский Исполком охотно согласился, даже больше—меньшевик Шохерман предложил арестовать всех большевиков в Исполкоме (нас было четверо: Ушарнов, Чувырин, Ширинский и я). Ушарнов успел выскочить в другую комнату к телефону и вызвал роту запасного батальона, которая немедленно прибыла вместе с несколькими десятками рабочих. Многие из них ворвались в зал заседания с требованием роспуска Исполкома и перевыборов Совета, на что трусливые меньшевики согласились. У меня запечатлелись в памяти слова старого меньшевика Цина: „Мы за рабочих и помирать будем с рабочими, но мы против такой анархии и только, не желая проливать кровь, идем на уступки." Это происходило в 7-м часов вечера, а в час ночи уже заседал новый Совет.

Весь Ревком и члены большевистского комитета разошлись по заводам и воинским частям, где проводили перевыборы. Они дали хорошие результаты—в новый Совет прошли большевики и сочувствующие им. Новый Совет утвердил Революционный Комитет и избрал новый Исполком, в который вошли большевики. На другой день на заседание Совета был вызван комиссар фронта (назначенец Временного Правительства) Войтинский, который должен был сделать доклад о положении на фронте, но ему совершенно не давали говорить. Его помощник Совицкий выбежал из зала, переоделся в женское платье и скрылся. Сам Войтинский еще 27-го октября ночью был воинственно настроен против большевиков. Во время беседы с представителем комитета пехотной дивизии доказывл необходимость борьбы с большевиками и посылки войск на Петроград. Керенский также был во Пскове, и после обсуждения с Войтинским решено было послать на Петроград третий конный корпус, это тот самый корпус, который был известен, как Корниловский, т.-е. не так давно боровшийся против Керенского А Керенский с Красновым уехали в штаб этого корпуса в город Остров.

Когда мы уже заняли большинство учреждений, почту и телеграф (гражданский и военный) и вокзал—вдруг появляется несколько эшелонов казаков, которые двигались с 3-х концов на помощь Керенскому. Они захватывают вокзал, арестовывают некоторых членов Ревкома, захватывают артиллерийские склады и прилегающие к ним казармы. В городе паника. В некоторых частях колебания. В Ревкоме остались т. Позерн и я.

Мы решили во что бы то ни стало и каких бы жертв это ни стоило взять в ночь все обратно и восстановить порядок. Комиссару запасного батальона было предложено отобрать верных солдат и прислать в распоряжение Ревкома. К нашему счастью весь батальон согласился выступить на защиту

революции. Авторота была вызвана для охраны города. Дом, где помещался Ревком (сейчас в нем М. Д. К.), превратился в крепость. Кругом на балконе и в окнах пулеметы, здание полно войсками, часть солдат отправилась к вокзалу. Идет разбивка по командам, и к 4-м часам утра все готово. Товарищ Позерн отправляется с отрядом, я остаюсь в штабе.

В 5 часов начинается наступление, затрещали пулеметы и ружья. Казаки уже успели вырыть окопы, но в результате наша победа. Взяты склады и вокзал. Несколько раненых. Полторы сотни пленных казаков были приведены в штаб, а остальные, бывшие в вагонах, согласились не принимать никакого участия в подавлении революции и отправились обратно на фронт.

В городе полная победа на нашей стороне. Позерн, в штабе фронта вступил в свои обязанности комиссара фронта, куда и был нами заранее назначен. Все арестованные на свободе. Вечером идут митинги, выходят листовки, бюллетени, имеем по радио связь с Петроградом. Но по ночам приходится разбирать железнодорожные рельсы, чтобы не пропускать эшелонов, шедших на помощь Керенскому, а утром снова их собирать. Ревком работает день и ночь. Там получают фронтовики информацию о событиях, формируются и посылаются в Порхов и на Дно отряды.

В противовес Ревкому эс-эры и меньшевики-трудовики организовали Комитет Спасения родины и революции (в помещении комиссара фронта Войтинского), в который входили прибывшие, насколько помню: Войтинский — комиссар фронта, Шехерман, Шаскольский (профессор), Швабинский и другая меньшевистская и эс-эровская братия. Комитет занимался больше рассуждениями по принципиальным вопросам, и представители его доказывали на собраниях в воинских частях необходимость помощи Керенскому и продолжения войны.

Уходили с собраний представители с очень кислыми физиономиями, солдаты не хотели слушать таких „спасителей революции". Один был характерный случай в Земсоюзе, у которого во Пскове было много мастерских, складов, управляющими в них были в большинстве рабочие и служащие, которые решили к себе на собрание пригласить представителей Революционного Комитета и представителя Комитета Спасения родины и революции для освещения вопроса и выявления точек зрения на события. От Комитета Спасения родины и революции был Шаскольский, а от Революционного Комитета пишущий эти строки. Прибыли мы на собрание, на котором публика была еще не определившаяся, — не знала, за кем пойти. Первым выступил Шаскольский и изложил точку зрения Комитета Спасения, вторым выступил я от Ревкома, и во время моей речи можно было уже определить, что собрание вполне на стороне Ревкома, и были слышны выкрики по адресу первого оратора „изменники", „предатели", „ваше место в тюрьме, а не в Комитете Спасения." Пока я говорил, Шаскольский удрал с собрания. По окончании моей речи собрание начало задавать вопросы представителю „Спасения революции", но председатель собрания объявил, что представитель удрал с собрания и этим самым только доказал свою и комитета трусость и слабость.

Собрание приняло резолюцию о полном подчинении и доверии Ревкому. После таких поражений Комитет Спасения родины и революции распался, и члены его разбежались, а помещение его занял Ревком.

После бурных дней наступает организационный период молодой Советской власти. Созываем Губсъезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Меньшевики и правые эс-эры на первом же заседании заявили, что они уходят и не хотят с большевиками работать. Тогда мы, большевики, остались одни и провели наспех съезд, избрали Исполком и постановили слиться с крестьянским советом. У последнего чрез несколько дней состоялся также съезд, на котором и был избран общий Губисполком, в который вошло большинство эс-эров. На первом же заседании нового Губисполкома был сконструирован его президиум, и председателем был избран левый эс-эр Петров, товарищем председателя А. Иванов (большевик), и было решено немедленно взять всю власть в губернии в свои руки и отстранить всех старых руководителей учреждений, а главным образом—комиссара Временного Правительства. Петров и я были делегированы к комиссару Временного Правительства. Мы предложили ему сдать дела, но он отказался, заявив, что такой власти не признает. Тогда пришлось заявить, что в противном случае он будет немедленно арестован. Он подчинился и сдал дела.

Числа 27 — 28-го октября были освобождены из тюрьмы политические заключенные (более 300 солдат и 7 офицеров), арестованные во время керенщины. Освобождать их мы отправились на грузовиках с пулеметами. Освобожденные влились в наши ряды и принимали деятельное участие в нашей работе.

Мы занялись организацией отделов и распределением членов Губисполкома.

Отделы были организованы следующие: Отдел Управления, Военком, Отдел Труда, Продовольственный, Юстиции.

Во все отделы назначили комиссаров, только с большими затруднениями пришлось встретиться в продовольственной управе, которую возглавлял кадет Рокотов и еще работал, кажется, заместителем Семякин. Меньшевик Ракитов удрал, опытных в продовольственном деле у нас не было, пришлось предложить Семякину пост комиссара продовольствия, который охотно согласился работать с нами. Служащие проявляли небольшой саботаж.

Во всех других Отделах служащие на своих местах. Всем хочется взглянуть на новую власть. При появлении „начальства“ в отделах все служащие вставали по старой привычке. Мы, конечно, сразу же отдали распоряжение не вставать. Проходит день, другой, — все работают. Находится только один смельчак, который заходит в кабинет с заявлением, что он работать не может и просит его уволить, так как он не согласен с большевиками. Это был управляющий губернской канцелярией. Я его охотно отпустил.

Так и остались все работать. Перемена власти произошла без особых заминок, и мы благополучно во Пскове пробыли до 25-го февраля 1918 года, т.-е. до того дня, когда Псков был занят немцами.

А. Иванов.

В Луге.

Вызванные буржуазией с фронта войска рано утром начали прибывать на ст. Луга из Пскова. Первый эшелон казаков, через полчаса другой и т. д. через каждые полчаса прибывал эшелон за эшелоном, и к 1 часу дня прибыло 9 эшелонов. Казакам не позволяли выходить из вагонов. В 10 час. утра в экстренном заседании местного Совета было постановлено задержать казаков в Луге, было дано распоряжение автомастерским вооружаться и быть наготове; Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских депутатов было также об этом сообщено, и держалась связь.

Меня командировали для разбора пути по направлению к Петрограду. На ст. Луга было 2 паровоза в горячем состоянии, один пассажирский, другой товарный, которые при помощи железно-дорожных рабочих были выведены из депо, и на них мы и поехали на ближайший железно-дорожный мост для разбора пути; путь был разобран в двух местах. Таким образом линия на Петроград была повреждена.

На станции тоже не дремали, было дано распоряжение стрелочнику отцеплять от поездов с прибывающими эшелонами паровозы, которые немедленно охлаждались рабочими.

Выполнив задание разбора пути, я возвратился обратно. К этому времени были приготовлены воззвания к т. т. казакам, в которых говорилось, что в Питере никаких восстаний нет, и что офицерство хочет натравить их на своих же братьев рабочих и солдат. К эшелонам пройти было очень трудно, ибо они были окружены часовыми, но мне удалось проникнуть и узнать, что казаки не имеют понятия, куда и зачем их везут, а также удалось передать несколько воззваний. Мое пребывание вскоре было обнаружено офицерами, которые попросили меня немедленно убраться и не распускать провокационных слухов, но цель была достигнута.

К 6 часам вечера все учреждения в Луге были заняты вооруженными т.т. солдатами из автомастерской, я занял телефонную станцию, в моих руках оказался коммутатор, и я работал до 10 часов утра.

В 8 часов вечера казакам был дан приказ высадиться и двинуться в боевом порядке за город. Приказ был выполнен, казаки в боевом порядке выехали и остановились в двух верстах от города. Петроградским Советом Солдатских и Рабочих Депутатов было поручено автомастерским выступить, но не принимать боя, а задерживать казаков и отступать, а под Питером присоединиться к выступившим рабочим и солдатам Петрограда. Задание было выполнено. Все, как один, вооруженные с ног до головы, солдаты автомастерских вечером выступили и заняли дорогу за мостом местной реки. Агитационная работа среди казаков достигла хороших результатов: ночью по телефону мне сообщили, что в наш Совет прибыло два перебежчика от казаков. С ними мы выяснили положение дел, и обо всем мною было сообщено в Петроград.

Эти два казака дошли обратно к своим товарищам и все им рассказали. Казаки выбрали двух представителей: одного от казаков и одного от офицерства. Утром в 7 часов эти представители выехали в Петроград

на автомобилях с членом Совета, а по возвращении их из Питера казаки вскоре выехали все обратно в свои части.

Когда в Питере вспыхнула пролетарская революция, когда рабочие восстали против буржуазии и золотопогонников, то в это время мне было предложено ехать с Красной Гвардией на бронеавтомобилях в Питер. Охотно я согласился и проработал, не покидая руля и своих товарищей, три дня. Участвовал в боях с женским батальоном и юнкерскими отрядами. Видя, что я изнемогаю от усталости и чувствую себя совсем разбитым, матросы сняли меня с автомобиля и снесли в Смольный, где я впервые услышал речь нашего великого Вождя Всемирной Революции т. Ленина.

Да здравствует Октябрьская Революция!

Да здравствуют вожди ее...

Да здравствует Союз Рабочих и Крестьян, основа нашей победы.

П. Васильев.

В Октябрьские дни на фронте.

До самой почти Октябрьской революции наша стрелковая дивизия стояла в Бессарабии. Солдаты зажили, было, на „мамалыге" и винограде, вдруг ускоренным маршем нашу дивизию погрузили и, неизвестно куда и зачем, повезли без остановок в глубь России, все на север. (Я тогда служил телефонистом при штабе 35-й дивизии.) По дороге мы узнали, что нас везут на другой, неизвестно какой, фронт. Насчет этого было много разных толков и догадок, одни говорили, что нас везут на рижский фронт, другие—что нас оставят в России, третьи, правда, догадывались, что нас гонят в Петроград, сменять Петроградский гарнизон. Все мы были уверены, что последняя догадка верна, но не могли понять, что побудило правительство вызвать с фронта целых две дивизии (кроме нашей еще была двинута 32-я дивизия). Любопытство узнать, что делается в России и в Петрограде, заставляло нас расспрашивать всех, кого попало.

Наше начальство строго следило за нами и все собирающиеся кружки любопытных разгоняло. Нас окружили патрулями и агентами, а также строго-настрого запретили отлучаться из вагона. Несмотря на такие предосторожности и строгости, у нас были свои связи. Кроме того мы доставали газеты и жадно впитывали в себя известия о том, что генерал Корнилов покушался захватить власть и стать диктатором, что это ему не удалось, он пойман, арестован и посажен в тюрьму, а также о том, что большевики готовятся захватить власть, и поэтому Керенский и стягивает войска в Петроград, где местный гарнизон на стороне большевиков. Радовались наши ребята, узнав, что едем в Петроград, и каждый мечтал о спокойной гарнизонной службе и отдыхе от позиционных тасканий.

Приближаясь к ст. Остров (уездный городок Могилевской губ.), мы узнали, что там сидит Корнилов, и, когда остановился поезд, то чуть ли не весь эшелон побежал смотреть его. Спешили все, солдаты и вольные, каждый любопытствовал взглянуть на Корнилова, так нашумевшего, а также узнать, за что его арестовали и т. д. Собралось много народа. Все были возбу-

ждены, и стоило лишь блеснуть политической мысли, как из двух слов загорался костер спора, и собирался кружок вокруг споривших. Спорили, пока, осторожно. Каждый боялся открыто обличать Керенского, а чаще всего нападали на Корнилова, как авантюриста, осмелившегося посягнуть на власть, но стоило какому-нибудь офицеру пугнуть собравшихся, как кружок расходился.

Мне не пришлось увидеть белого генерала Корнилова, так как я тотчас же увлекся спором в кружках. Спорил каждый как умел, начинали с солдата, переходили к рабочим и кончали крестьянином и аграрным вопросом. Мы начали ближе знакомиться с революционной массой, но, жаль, недолго стояли в Острове, и скоро наш эшелон двинулся дальше.

На одной из следующих станций наш штабной адъютант, поручик Евский, прочитал нам нотацию, строго-настрого приказал от эшелона никуда не отходить и не вмешиваться ни в какие разговоры: „Где увидишь, говорил он, собрался кружок — разгони, или же приди и доложи", ибо, как он выражался: „Есть много немецких агентов, которые провоцируют" и т. д.

На станциях мы уже больше не спорили, доехали до Витебска, где была подпольная организация большевиков, уже успевшая многое сделать. Вот с одним из членов этой организации мы и познакомились. Он дал нам газет и литературы, осведомил о сути дела, а также просил нас оставить армию и итти работать в организацию. От этого мы отказались, говоря, что мы нужны в армии и обещали, что не пойдем на своих и сумеем убедить и остальную солдатскую массу пойти за большевиками и Петроградским Советом Р. С. и К. Д. Некоторые из наших товарищей пошли в город на митинг, а мы двинулись дальше.

В дороге остановились и, по стратегическим соображениям, нам приказано было выгружаться и расквартироваться по ближайшим селам.

Погода была скверная, грязь и холод, у солдат не было теплой одежды и обуви, продовольствия также. Все это служило хорошей почвой для агитации, легко было подорвать доверие к офицерам и командованию, вселить в сознание солдата мысль, что его обманывают, и посеять недовольство к золотопогонникам.

Результаты этой агитации не замедлили проявиться во всю ширь. Полки, один за другим, стали отказываться итти на Петроград. В более слабых полках, где меньше велось агитации и было еще сильно влияние золотопогонников, солдаты пошли, но только с тем, чтобы лично узнать, в чем дело. Мы также решили ехать и продолжать свое дело „разлагающей агитации".

Перед отправкой нам приказано было сильным аппаратом включиться на станции в правительственную линию, чтобы иметь связь с частями, разбросанными и движущимися на Петроград по всей линии и для прямой связи со штабом Керенского. Это распоряжение должен был выполнить я с двумя товарищами, но все наши аппараты оказались слабы и не в состоянии были обслуживать такой широкий радиус, за что наш старший получил хорошую нахлобучку от начальника штаба.

На станции я познакомился с дежурившим в ту ночь телеграфистом, который оказался большевиком. С ним мы перехватывали все срочные распоряжения Керенского и, между прочим, его депешу, призывающую к неподчинению Совету, которую припрятали. В ту же ночь мы получили телеграмму

от Петроградского Совета Р. С. и К. Д., эту мы в ту же ночь распространили по всем частям. На следующее утро меня приказано было снять с работы. Прибыли команды, и мы ночью погрузились ехать в Петроград.

Ночь делала незаметной агитацию, и мы при погрузке усиленно убеждали солдат не ехать, но каждый из любопытства хотел поехать — сам все узнать — „а потом, говорили, — увидим". Правда, в одном месте нам удалось сагитировать солдат, которые начали собирать митинг и кричать: „Не хотим ехать", но тут вышел скандал. Офицер, вмешавшийся в толпу солдат и споривший с ними, не вытерпев того, что „рядовые" так его осаживают и ругают Керенского, ударил по лицу спорившего с ним солдата. Этого офицера чуть было не убили, но подоспевшие офицеры с ударниками разогнали собравшуюся толпу, а нескольких зачинщиков арестовали.

Тут же мы решили пустить большевистскую пропаганду и литературу между ударными батальонами, дабы вырвать этих „чудаков" — как выражался наш старший, из-под влияния офицеров. Офицеры в свою очередь не дремали. Некоторые из них, переодевшись в солдатские шинели, пошли работать в „кружки", но это было бесполезно.

Борьба шла не на живот, а на смерть. Солдаты окончательно разуверились в своем начальстве. Дисциплина совершенно пала. Пошли избиения офицеров, стали срывать с них погоны. В кружках, которые собирались на станциях, перевес был на стороне большевиков. Офицеров, выступавших с речами в солдатских шинелях, тотчас разоблачали по их толстым, белым шеям или выхоленным рукам, и со смехом удаляли.

Железнодорожные служащие были за Керенского, доказательством чего был саботаж железнодорожников, но рабочие были против него.

В таком настроении мы подъезжали к г. Луге. Тут был революционно-настроенный гарнизон, сочувствующий большевикам. В наших полках, особенно в ударном батальоне, была пущена гнусная провокация, что гарнизон г. Луги, под влиянием немецких агентов, грабит мирных граждан и т. д., а среди солдат гарнизона распускали слух, что 35-я дивизия прибыла сменять их, что она разгоняет комитеты и Советы. Гарнизон г. Луги ночью вооружился и выступил за город в ожидании вооруженного столкновения.

В то время мы уже бросили команду и штаб и пошли работать. Тут же на станции собрался громадный митинг, на котором выступали большевики, питерские рабочие, не побоявшиеся выступить с большевистской правдой про Керенского и его казаков, они разъясняли, куда ведет задурманенные солдатские массы Керенский, что такое Петроградский Совет и партия большевиков. Агитаторы призывали не итти на Петроград, а повернуть штыки на своих обманщиков-офицеров.

Настроение массы, присутствовавшей на митинге, было революционное; после митинга внесли предложение: не двигаться дальше, а послать делегатов в Петроградский Совет Р. С. и К. Д., чтобы передать ему, что 35-я дивизия всецело на его стороне и узнать, как идут дела. Предложение было принято. В число делегатов попал и я. Тут же, на живую руку были заготовлены документы от дивизионного комитета.

Между тем о митинге пронюхали офицеры и не замедлили явиться с ударниками. С этой минуты положение дела резко изменилось в противную

сторону. На вагоне, который служил трибуной, появился речистый капитан контр-революционер, приспешник Керенского, и своими подслащенными речами стал сеять злобу на большевиков и говоривших прежде ораторов. Нас, большевиков, окружили ударники и не давали говорить, даже угрожали убить.

Поднялась целая буря. Я посылаю собрать своих ребят и сочувствующих, чтобы они пришли на выручку. Началась потасовка. Помнится, как один за другим слетали с вагона-трибуны ораторы, сдернутые то той, то другой стороной. Помню, как окружили выступавшего раньше товарища рабочего из Петрограда и как я пошел его выручать, нам двоим было бы плохо, если бы не подоспели наши ребята, ринувшиеся напролом.

Расталкивая опешивших ударников, они дали рабочему возможность говорить. Его пламенная и правдивая речь оказала громадное влияние. Офицеры были побеждены и стали улепетывать. Тем временем подошел поезд, и мы все шестеро вскочили туда на-ходу и поехали. На станции Дно нас задержали, но мы все-таки прорвались, хотя нам пришлось ехать сначала на Гатчино.

Везде мы встречали препятствие за препятствием. Всюду рыскали вооруженные казаки; тревожно настроен был весь лагерь Керенского. Почти на каждом шагу нас останавливали, задерживали, спрашивали документы и т. д. Одному из наших попало от казацкой нагайки за то, что тот неосторожно обозвал казацкого старшину товарищем.

Под Гатчиной шел бой. Благодаря случайности, мы лесом пробрались и присоединились к рабочим батальона, сражавшимся с казаками Керенского. Рабочие были рады, узнав от нас о настроении фронтовиков. Черные, забрызганные грязью и кровью эти борцы за революцию шли вперед и дрались, как львы, не взирая на падающих вокруг товарищей. Нас, испытанных фронтовиков, удивляло их бесстрашие. Ни холод, ни голод, ни казацкие дивизии Керенского не могли охладить революционного пыла рабочих. При взгляде на них, у нас подымался дух, и легче было переносить все лишения.

Полки Керенского не выдержали, дрогнули и побежали. Бежал и сам Керенский, гонимый своими же казаками. Нас всюду останавливали, расспрашивали. и мы, и сами, интересуясь узнать, что делается в Петрограде, спешили туда.

Трое из наших товарищей остались в бою под Гатчиной, а мы, остальные, решили обязательно побывать в Петроградском Совете и вернуться к своим, дабы разъяснить обманутым фронтовикам, в чем дело.

После ряда столкновений и препятствий мы встретили автомобиль, шедший в Смольный, автомобиль взял нас.

По улицам всюду сновали автомобили, набитые вооруженными матросами, солдатами и рабочими. Треск пулеметов и ружейные выстрелы составляли общую революционно-военную музыку.

Там, вдали где-то, шел бой; туда спешили вооруженные солдаты, рабочие и во главе их матросы, это передовые борцы Октябрьской революции.

Все дышало революцией. Творилось что-то непонятное, величественное — небывалый переворот в жизни России.

В Смольный мы попали прямо на митинг. Возле Смольного и внутри была большая давка, каждый стремился внутрь здания. Мы еле пролезли...

Говорил, как раз т. Троцкий.

Казалось, даже стены Смольного говорили вместе с ним и, как по волшебству, все начинали видеть всю грязь и обман социал-соглашателей во главе с Керенским. Может быть не каждый присутствующий учитывал всю важность Октябрьского переворота, но каждый с восторгом смотрел на Совет и его представителей, большевиков, поднявших знамя восстания.

А они, с распахнутой грудью, зачастую без фуражки, всюду и везде, одни и те же, уверенные, непоколебимые и решительные. Их призыв везде и всюду один и тот же.

„Вперед"... „За власть Советов". „Смерть буржуазии"... „Долой социал-соглашателей и авантюриста Керенского"... „Война — войне"... „Да здравствует власть Советов Р. С. и К. Д."

Узнав, откуда мы приехали и зачем, они прямо нас гнали.

— Назад в армию!—говорил т. Троцкий: — Дело сделано, пожар зажжен, власть в руках Советов, так идите и сделайте, чтобы власть в руках Советов была по всей России.

И мы пошли... и передали то, что слышали.

А. Мусенко.

Из жизни самокатчиков 3-го батальона в Октябрьские дни 1917 года [1].

После отступления из-под Тарнополя на Западном фронте 3-й Самокатный батальон находился на отдыхе в деревне в 13-ти верстах от города Проскурова. Отступление началось с 5-го на 6-е июня. За участие в боях во время отступления Керенским было дано на батальон около 200 наград — Георгиевские кресты, медали,—предполагая, что можно будет иметь на случай надежный батальон для защиты Временного Правительства. Несмотря на усилия комсостава ввести дисциплину среди солдат батальона, ввести ее не удавалось. Два раза, под влиянием агитации, первая рота не выполнила приказа, несмотря на угрозы арестовать зачинщиков.

Батальон простоял в деревне около двух месяцев. 19-го—20-го октября была получена срочная телеграмма от Керенского, что 3-й Самокатный батальон должен немедленно выехать в его распоряжение на станцию Дно для дальнейшего следования, которое никому не было известно. 20-го вечером батальон погрузился в два эшелона на станции Проскурово и двинулся по направлению Жлобин, Могилев и Дно. Перед тем как выехать, самокатчики осаждали комитет вопросами:

— Куда нас отправляют? Зачем? Почему все в секрете?

Комитет призвал командира батальона для получения ответов на все волнующие вопросы, но тот не дал ничего определенного. Вместе с тем он ясно видел, что солдаты догадываются, что батальон хотят использовать для подавления предполагающегося восстания рабочих в Петрограде в связи с созывом второго съезда Советов. Учитывая настроенне солдатской массы, можно заранее было сказать, что батальон для этой цели использовать

---

[1]) „Красная Летопись", журнал Ленинградского Бюро Истпарта, № 2—3, 1922 г.

нельзя, ибо солдаты могут и не поехать. Задачи текущего момента и второго съезда Советов были хорошо известны батальону, так как излагались в беседах и собраниях тремя товарищами, бывшими в конце сентября на партийной конференции при Штабе XI армии (Сердовинцев, Чаплыгин и Смирнов), которые за свою агитацию находились под надзором.

Командир батальона заявил, что возможна посылка батальона на Северный фронт. Такое заявление внесло успокоение в солдатские массы. Батальон двинулся в двух эшелонах. Движение эшелонов нигде не задерживалось, а наоборот, путь все время был открыт. Пассажирские поезда пропускали наши эшелоны. Настроение солдат в пути было выжидающее. Для всех были непонятны цели переброски, и в вагонах шли разговоры о том, что если нас пожелают бросить на усмирение рабочих Петрограда, то этого не должно быть.

На одном из вагонов мелом было написано: „Вся власть Советам!". Эту надпись при проезде через станцию Могилев при обходе батальона командир под угрозой ареста приказал стереть, но это выполнено не было. Со станции Дно эшелоны после небольшой стоянки, двинулись по направлению к Петрограду. Цель переброски стала ясна, и во всех вагонах пошла подготовка к устройству батальонного митинга на ближайшей станции. На станции Передольская 24-го октября утром все выходят из вагонов и собираются к платформе товарной станции, требуют собрания, которое открывается. Первый говорит командир батальона. Вся его речь была построена на угрозах батальону за большевистское настроение. В заключение он просил доверия Временному Правительству, иначе расформируют и часть могут расстрелять. Речь его несколько раз прерывалась возгласами солдат: „Долой, довольно обмана!"..

Представитель комитета заявил, что сейчас послана телеграмма Временному Правительству, что батальон стоит всецело на стороне правительства и по первому требованию станет на его защиту, если это будет необходимо.

Присутствующие на митинге не дали ему закончить, требуя выяснить мотивы такой телеграммы и оглашения ее общему собранию. После оглашения телеграммы постановили посланную телеграмму считать недействительной и сообщить в Смольный, чтобы оттуда прислали товарищей для доклада о текущем моменте и на первой же станции ждать их прибытия. На этом же собрании выступало 6 товарищей с кратким разъяснением о целях и задачах второго съезда Советов и партии большевиков в связи с создавшимся положением. С ораторами все присутствующие были вполне согласны.

Эшелоны двинулись дальше. 25-го октября утром прибыли на станцию Новинка. Все вышли из вагонов. Прибывает поезд из Петрограда, с которым приехали два представителя—один из Петрограда—от Военно-Революционного Комитета, другой из Ревкома ныне Детского Села. В течение трех, пяти минут собрание собрано. Все в ожидании сообщения о том, что делается в Петрограде. Представители призывали самокатчиков стать на сторону второго съезда Советов, не подчиняться распоряжениям Керенского и без особого распоряжения Военно-Революционного Комитета дальше не двигаться. Со стороны самокатчиков полное сочувствие. В таком же духе принимается единогласно резолюция. Выбираются делегаты (из большевиков и сочувству-

ющих) во второй съезд Советов и с первым же поездом они отправляются в Петроград. Представитель Военно-Революционного Комитета сообщил делегатам, что в Павловске для встречи нашего батальона поставлена засада с пулеметами, которые необходимо снять. Делегация приезжает в Павловск, встречает начальника отряда для встречи батальона, сообщает ему о настроении батальона. После предложения представителя из Смольного начальник отряда снимает засаду. В Петрограде делегация является в Военно-Революционный Комитет к т. Крыленко и докладывает о положении батальона. Батальон решено было двинуть в Детское Село, о чем сейчас же было отдано приказание.

Делегация пошла на заседание второго съезда Советов. В первом часу ночи 25-го Октября одному из наших делегатов было дано слово с приветствием съезду от батальона. По окончании заседания в 7 часов утра 26-го октября едем в Детское Село.

Батальон уже прибыл, докладываем по вагонам о съезде Советов. Батальон весь на стороне решений 2-го съезда Советов. Вечером 26-го октября делегация едет опять на заседание съезда. 27-го октября к вечеру стали слышны орудийные выстрелы, которые все ближе и ближе подвигались к городу.

В это время в батальоне положение было неопределенное. Большинство командного состава было против переворота, почему мы никаких не принимали мер к выяснению дальнейшего положения. Распоряжений из Петрограда никаких не дано.

Вскоре пришел первый эшелон с рабочими, матросами, солдатами и работницами из Петрограда для отражения наступающих казаков. С прибытием эшелона у самокатчиков загорелось желание стать вместе с рабочими в окопы и отбить Петроград. Необходимо отметить, что быстро принять боевой вид батальон не мог по техническим условиям: пулеметы находились в разобранном виде, мотоциклы и автомобили снять было нельзя. В связи с этим было решено ехать в Петроград, но не было паровозов, лишь силой оружия был взят находившийся на станции для маневрирования паровоз, с которым срочно был отправлен первый эшелон в Петроград, второй эшелон остался в Детском Селе и был захвачен казаками Керенского.

Второму эшелону было предложено наступать на большевиков, но самокатчики отказались за исключением трех рядовых солдат и трех или четырех офицеров; за отказ самокатчики были заперты в вагонах и у них отобраны 1500 банок консервов, хлеб и часть оружия.

28-го октября утром адъютант Керенского звонил из Детского Села по телефону в Петроград на станцию, вызывал командира батальона или председателя месткома. Было передано, что по приказанию Керенского 1-й эшелон 3-го Самокатного батальона должен немедленно прибыть в Детское Село, в противном случае батальон будет считаться вне закона и будут приняты самые репрессивные меры вплоть до расстрела. Эшелон оставался в Петрограде, и весь батальон был размещен в Новочеркасских казармах на Охте. Карта, поставленная Керенским на самокатчиков 3-го батальона для расправы с рабочими Красного Петрограда, была бита. Самокатчики стали на сторону Советской власти.

А. М. Смирнов.

На подступах к Петрограду.

20-го октября 1917 года, 3-му стрелковому дивизиону, расположенному резервом в районе местечка Гусятин на Юго-Западном фронте, был отдан приказ по армии срочно погрузиться и быть готовым к переброске. — Но куда? Никто не знал, кроме штаба дивизии и дивкома. Слухи и предположения были самые разнообразные, но так как движение предполагалось в тыл, — солдаты были довольны, что уезжают дальше от ненавистного фронта и потому, уже начиная с полудня, рота за ротой быстро погружались в эшелоны, которые спешно один за другим отходили от станции Подлесье и двигались на восток. Большинство членов эс-эровско-меньшевистского дивкома было распущено по своим частям для поднятия дисциплины и настроения в солдатских массах.

12-й Финляндский стрелковый полк, в котором служил я, командовал конными разведчиками, был настроен „большевистски". Полк грузился последним. В первом эшелоне вместе со штабом полка и батальоном пехоты, ехал и я со своей командой.

Поздно ночью отходил наш эшелон от станции. В вагонах было тихо. Люди спали. На-ходу ко мне в вагон-теплушку вспрыгнул солдат т. Филатов — большевик, член дивкома от нашего полка. Я был с ним в самых дружеских отношениях, несмотря на то, что был левым с.-р., — взгляды о целях и задачах настоящего момента у нас были одинаковы. В полку, тайно пока, существовала наша революционная организация, и мы довольно успешно работали среди солдат.

Т. Филатов тоже не знал о цели нашего передвижения.

— Будущее подскажет — что, куда и за чем?—говорил он мне, развалившись на охапке сена в вагоне. Во всяком случае нас везут на север и возможно в Питер. А если так, то ясно против кого — против большевиков. Видишь, как работают наши меньшевички и эс-эры по укреплению среди масс доверия ко Временному Правительству. Знаешь, друг, и нам нельзя спать. Надо принять свои контр-меры. Давай-ка на следующей большой станции, соберемся все и решим, что делать.

Эшелоны мчались один за другим. Мимо мелькали станции. Вот и станция Лунинец. Здесь назначена большая остановка и горячая пища полку. Все пути заняты эшелонами. Людно, шумно кругом. Слышатся солдатские песни, и на запасных путях группами и в одиночку приготовляют кипяток солдаты. В моей теплушке, вскоре по прибытии всех эшелонов полка, собрались наши „активисты", около 10 человек. Тут были большевики т. Филатов, прапорщик Пугачев, прапорщик Смирнов и еще человека два, фамилии которых не помню; из левых с.-р. были — я, прапорщик Сизых, солдат Лаунс и Злобин.

Начал т. Филатов.

— Товарищи! Мне теперь почти достоверно известно, что в Питере нашей партией назначен переворот под лозунгами: „Долой Временное Правительство!" „Долой войну"! „Вся власть Советам, земля мужикам и фабрики рабочим!" Эти лозунги будут, я думаю, и нашими лозунгами в агитации

среди солдат. Временное Правительство стягивает к Питеру надежные части. Я думаю, что и нашу дивизию причислили к лику надежных, а мы должны доказать обратное, а посему я предлагаю: 1) организовать в каждом районе из верных нам ребят революционные тройки; 2) немедленно усилить агитацию в ротах за власть Советов; 3) из своей среды выбрать Ревком, для проведения всей текущей революционной работы; 4) связаться и войти в контакт с другими полками нашей дивизии; 5) в случае нашего успеха перейти на сторону Советов и выбрать свой командный состав.

Все пункты без прений были приняты. В Ревком избрали: т.т. Филатова, Пугачева и Лациса. Работа закипела. В течение суток избрали ротные тройки, провели несколько тайных митингов, и нам видно было сразу, что массы с нами.

Кадровое офицерство шипело, злилось и нервничало. Командир полка не знал, что делать, и хотя в штабе полка было известно, где центр брожения, но не хватало смелости и решительности у старого офицерства принять те или иные активные меры против нас. Эс-эры же и меньшевики-комитетчики только болтали и то безуспешно, почему и видно было, что поле грядущего боя будет за нами, массы за нас, и победа за нами.

25-го Октября поздно вечером наш эшелон прибыл в г. Псков. В городе расположен был штаб Северного фронта. Масса войск заполняла город. Все пути на станции были загромождены эшелонами, больше было казаков и кавалерии.

26-го октября шел мелкий дождик. Туман застилал и город, и окружающую болотистую равнину. По грязным улицам бродили солдаты толпами и в одиночку и группами проходили пьяные офицеры. В толпе передавались упорные слухи, что т. Ленин с большевиками захватили власть в Питере, что Временное Правительство арестовано, и Керенский бежал. Слухи росли и ширились. Эс-эры митинговали, но массы солдатские были молчаливы, и не высказывали своих затаенных дум.

Наши ряды росли. Можно было с уверенностью сказать, что весь 12-й Финляндский полк пойдет за нами. К вечеру связались с фракцией большевиков Псковского Совдепа. Я видел, что события назревают, что надо принимать то или иное решение, дабы не упустить случая и времени. Поздно вечером у меня в вагоне сидели мои партийцы. Их было человек 25. Вопрос стоял ребром: в предстоящей борьбе, с кем пойдет наша группа.

Получен был ответ единогласный — с большевиками.

Утром 26-го октября передал об этом т. Филатову. Тот долго мне жал руку.

— Наша возьмет. За нас все. Эх, скорее бы!—говорил полушопотом взволнованный т. Филатов.

27-го октября утром стало официально известно, что переворот в Питере совершон, и Керенский в Пскове. Эшелоны казаков выступили к Питеру, а 9-й Финляндский полк вместе со штабом дивизии и артиллерией направился к Луге. Чувствовалось, что великие исторические события назрели и развиваются. И ум и чувство подсказывали каждому из нас, что надо действовать, двигать массы и помочь питерским борцам, пока не поздно.

Отходили эшелоны спешно к северу. С криками „ура!“ проезжали ударники, молча выглядывали из теплушек казаки. Темнело. Возвращаюсь к своему вагону. Подходит ко мне конный разведчик Голубков.

— Господин поручик, сейчас только мне передал денщик командира полка, что отдан приказ начальнику пешей разведки капитану Болтуцу арестовать т.т. Филатова, Пугачева и Лациса, а вас отстранить от командования конной разведкой. Что прикажете делать?

Хотя мы к этому были готовы, но для сегодняшнего вечера это было неожиданно. Надо что-то срочно, немедленно предпринять.

— Голубков, валяйте за Филатовым и всеми нашими ребятами... Пусть собираются ко мне, — передал я Голубкову, а сам побежал к вагонам нашей разведки. Бежал мимо штабного вагона, он был ярко освещен и оттуда слышалась веселая песня. Пели пьяные офицеры.

Вызвал члена тройки пешей разведки. Передал ему, чтобы люди были на-чеку и не исполняли приказа Болтуца об аресте наших ребят.

У моей теплушки собрались все наши ребята. Тихо в темноте о чем-то перешептывались. Быстро вошли в теплушку. Я передал, в чем дело. Водворилось недолгое молчание. Каждый думал упорно, что предпринять, наконец, раздался твердый голос т. Филатова.

— Товарищи! Настало время. Надо действовать!

Моментально быстрее заработала мысль. Главное было сказано и решено. Тут-же условились: т.т. Злобин и Смирнов направляются в Совет и через фракцию большевиков поднимают восстание в городе. Т. Филатов и другие товарищи поднимают оставшиеся полки дивизии за власть Советов. Т. Пугачев через ротные тройки организует восстание в полку, арестовывает штаб и офицерство и ведет полк в город для захвата штаба фронта. Я с командой конных разведчиков сразу же захватываю вокзал, телеграф и другие сооружения.

Все быстро разошлись, и не успел я еще построить свою команду конных разведчиков, как весь наш полк высыпал из вагонов. Солдаты были с ружьями. Шумели. Раздавались выстрелы.

— Долой буржуев! Да здравствуют Советы! — неслись крики со стороны эшелонов.

— Долой командира! Арестовать офицеров! Крики и шум росли и ширились. Из вагонов классных куда глаза глядят бежали очумелые в испуге офицеры. Командир был арестован и под караулом сидел в своем вагоне. По всем путям поднималось и ширилось восстание солдат. В темноте неслись крики, шум и выстрелы. Полк за полком устремлялись в город. Гремел оркестр, и в страхе по закоулкам большого города прятались офицеры.

Без особого труда захатил я со своей командой вокзальное здание. Выставил караул в телеграфе. В городе разросталась стрельба, правда, пока одиночная, и слышались крики „ура“ восставших солдат.

Было совершенно ясно, что победа за нами. Вскоре прислали ко мне своих представителей артиллеристы и броневики, что и они готовы защищать вместе с нами Советы.

Через час звонил в штаб фронта, предлагая им без кровопролития перейти на нашу сторону. Перепуганные офицеры не защищались и сдались к утру т. Пугачеву. Псков и штаб Северного фронта были в наших руках. Победа революции была обеспечена и Питер спасен.

В 7 часов утра 28-го октября от имени Ревкома дивизии и штаба фронта в Питер и Лугу передавались телеграммы: „Псков — штаб Северного фронта в руках революционных солдат и рабочих".

В 12-ть часов из Луги передавали по прямому проводу: „Начдив 3 покончил самоубийством. 9-й полк перешел на сторону революции. Казаки бунтуют".

Так на подступах к Питеру, в красные боевые Октябрьские дни делали свое кропотливое, трудное дело в честь революции и Советской власти революционеры - финляндцы.

Ф. М. Мелих.

Заветный порог.

Смольный. Вечереет. Быстро спускается ночь, историческая Октябрьская ночь, когда рабочие и крестьяне России провозгласили себя властью, утвердив первую в мире трудовую, Советскую Республику.

Лихорадочно спешишь по бесконечно длинной, по-осеннему вязкой аллее к знакомому зданию, где сейчас решается судьба мировой рабочей революции.

Съезд делегатов начался.

Неожиданно открыто появился на заседании тот, кто с непоколебимым упорством, железной волей и предвидением мыслителя гения вел революцию к ее неизбежному историческому завершению.

Вчера еще он принужден был скрываться от ищеек Керенского, сегодня волны восторженного энтузиазма понеслись ему навстречу в белом зале Совета.

Перелом совершился.

Съезд будет наш!

Огнями залит Смольный, весь необычайный, напряженный, люднокипучий. Матросы, винтовки, Красная Гвардия и пулеметы. Новый Смольный! По-военному настороженный, деловито - спешащий.

А кругом — все свои близкие, знакомые лица. Все „большевики".

Где Чхеидзе? Церетели? Где их соратники?

Они — в другом лагере, открыто на той стороне революционной баррикады. Они с теми, кто засел в Зимнем дворце.

Парламентером от них явился Гоц. Взывал к „благоразумию", предлагал сойтись на компромиссе, уговаривал, убеждал, старался склонить к соглашению. И уехал раздосадованный — отклонили. „Безумцы — большевики! Сами по своей воле катятся в пропасть".

— Неужели вы не понимаете, что это безумие? Что то, что вы затеяли,— верная гибель большевиков и большевизма?

Насмешливо-задорный огонек в наших взорах — лучший ответ Гоцу. Он сам чувствует — сила за нами. Их час отошел в историю, их деяния занесены на страницах вчерашнего дня. Сегодня история открывает книгу судеб перед большевиками.

— От вас другого и ждать было нечего, — не без раздражения в мою сторону. Но что т. Каменев станет поддерживать эту ребяческую безумную затею, этого никто не предполагал. Мы его считали более положительным государственным умом.

И Гоц уходит, не заглянув в тот зал, где еще месяц тому назад царили Гоцы и Либер-Даны.

А зал торжественно серьезен. Он весь в ожидании. Приливают и быстро растекаются новости среди делегатов второго, исторического, съезда, которые из города приносят новоприбывшие.

Кто делегаты? Много серых солдатских шинелей, но не меньше и главных зачинщиков назревшего переворота — рабочих. Есть и крестьяне. Меньшинство.

Около них теснятся левые эс-эры, сбивают их в кучки и стараются „обратить" на лево-эс-эровский лад.

— Нет уж, если брать власть Советам, так чего же медлить? Больше промедлить — дольше война затянется. А война, сами знаете, измотала народ,—вразумительно, с крестьянским упорством отводит доводы эс-эровского вождя бородатый депутат, землероб.

— Какие еще там „соглашения". Возьмем землю, а Советы эту землю за нами утвердят. Вот и весь сказ,—коротко и бодро-радостно решает солдатик, тоже крестьянский депутат.

Крепко засела в головах пахаря идея „власти Советов", привился лозунг „троица": „власть Советов, мир и земля".

Что-то даст сегодняшнее заседание? Будет ли „решительный бой". Переступим ли заветный порог?

Заседание началось. Идет выбор президиума. Проходят все большевики и левые эс-эры. Нет больше меньшевиков и правых эс-эров, час соглашателей пробил.

Занимаем места за столом президиума. Спешно, в последний момент, правим редакцию обращения к народам о мире, чуть заостряем ее, чтобы ярче звучал призыв не к правителям, а к самому народу. Ведь это обращение—братская рука восставших, ищущая в мире ответного, мощного рукопожатия рабочих других стран. Это не призыв угнетенных к угнетенным, это первый в мире акт, когда пролетарии-победители возвещают миру о своей великой победе. Это язык тех, кто сумел взять власть в свои руки. Кто смелым шагом стал на дорогу диктатуры рабочего класса.

Меч над богом войны занесен, пламенный меч рабочей революции. Торжественно тихо на съезде.

Выжидательно напряженно. Будто прислушиваются к призывному колоколу первой в мире рабочей революции. И колокол зазвучал мощно и властно.

Голосом вождя-мыслителя возвещен величайший в истории акт: власть Советов провозглашена.

Час диктатуры рабочего класса настал. Плывет что-то светлое, радостное, застилает взор... „Вся власть Советам!"

Властный лозунг призыв! Неужели свершается на глазах! Неужели осилим, вместим, переступим заветный порог.

Трепещет сердце радостью, но нет еще твердой веры.

Что скажет съезд?

Скучны, мертвы, неубедительны, как голос отмирающего прошлого звучат слова благоразумия—предостережения в устах отбрасываемых вдаль истории меньшевиков и правых эс-эров. Их заглушает звонкий, бодрящий призыв-

ной клич будущего в приветствиях от армии, крестьянства, представителей национальностей, флота. Все с нами заодно! Съезд — наш, не их, не тех, кто боится скалистого, крутого подъема в царство будущего, через кровавые тернии гражданской войны.

На трибуне т. Троцкий. Вдохновенно-подъемный, непоколебимо-убежденный. Весь порыв, весь устремление в будущее, весь решимость борьбы.

Пламенно округло звучит его речь, будто сам призывной колокол. В ней гнев и страсть, в ней вера и непоколебимость.

Растаяли призраки прошлого, нет в зале больше меньшевиков и правых эс-эров. Остались только мы, те, что готовы переступить заветный порог.

Растет, крепнет молчаливо торжественный гимн сотен сердец, объединенных единым решением: стать властью, первой в мире властью вчерашних рабов... Все торжественнее, благоговейнее в зале, все бурнее, до боли бьется опьяненное ликованием сердце...

Склонив голову на руку, глубоко задумался т. Ленин. Может быть взгляд провидца-мыслителя вопрошает историческое завтра, ищет дальнейших путей.

Речь т. Троцкого кончена.

Настает решительный час: взявшие в руки власть рабочий и солдат, крестьянин и матрос проводят в жизнь тот клич, что нарастающим, многомиллионным хором повторяет весь трудовой народ России: „долой империалистическую войну!“.

Призыв к народам о немедленном мире.

Четко, сильно и ярко звучат призывные слова.

Притаился, замер съезд, внемлет благоговейно, с верой, с умиленной радостью. Конец кровавому, бессмысленному сну! Конец „окопной жизни“ и страданиями!

Мы, мы взяли власть. Повержен властный идол — бог империалистических войн.

Слава власти Советов!

Слава пролетарской революции!

Слава тем, кто ее совершает!

Призыв прочитан. В едином порыве весь съезд на ногах. Ликующе торжественный, победным гимном звучит многоголосый, слитно мощный хор. „Вставай, проклятьем заклейменный...“ И кажется, что не сотни депутатов исторического съезда России, а весь восставший „мир рабочих и рабов“, что в этом гимне победившего социал-патриотизм Интернационала сливается страстная воля рабочих всех стран к миру и братству народов.

Растут, крепнут звуки знакомого гимна. Рассыпаются, блекнут, отмирают испуганно побледневшие, вялые тени вчерашнего узкого национализма.

Незабвенная минута достижения!

Величие таинства, совершаемое историей.

Вот он — заветный порог!

Переступили.

Ликует растроганной радостью бурно-взволнованное сердце, еще полно умиления... А воля, революционная воля уже зовет на утверждение великого шага, на действие, на новую, долгую, многотрудную борьбу.

А. Коллонтай.

Экстренное заседание Петроградского Совета.

Заседание 25-го Октября.

Заседание открывается в 2 часа 35 м. дня.

Заявление т. Троцкого.

От имени Военно-Революционного Комитета объявляю, что Временного Правительства больше не существует (аплодисменты). Отдельные министры подвергнуты аресту. Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы (аплодисменты).

Революционный гарнизон, состоящий в распоряжении Военно-Революционного Комитета, распустил собрание парламента (шумные аплодисменты, возглас: „Да здравствует Военно-Революционный Комитет".)

Нам говорили, что восстание гарнизона в настоящую минуту вызовет погром и потопит революцию в потоках крови. Пока все прошло бескровно. Мы не знаем ни одной жертвы. Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которое прошло бы так бескровно.

Власть Временного Правительства, возглавлявшаяся Керенским, была мертва и ожидала удара метлы истории, которая должна была ее смести.

Мы должны отметить героизм и самоотверженность петроградских солдат и рабочих. Мы здесь бодрствовали всю ночь и, находясь у телефонной проволоки, следили, как отряды революционных солдат и рабочей гвардии бесшумно исполняли свое дело. Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменяется другой.

Вокзалы, почта, телеграф, петроградское телеграфное агентство, Государственный банк—заняты (шумные аплодисменты).

Зимний дворец еще не взят. Но судьба его решится в течение ближайших минут.

Петроградский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов в праве гордиться теми солдатами и рабочими, на которых он опирается, которых он повел в бой и привел к славной победе.

Свойство буржуазных и мелко-буржуазных правительств состоит в том, чтобы обманывать массы.

Нам в настоящее время — нам, Советам Солдатских Рабочих и Крестьянских Депутатов, предстоит небывалый в истории опыт создания власти, которая не знала бы иных целей, кроме потребностей солдат, рабочих и крестьян.

Государство должно быть орудием масс в борьбе за освобождение их от всякого рабства.

Работа не может итти вне влияния Советов. Лучшие силы буржуазной науки поймут, что условия, созданные Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов — есть лучшие условия для их работы.

Необходимо установить контроль над производством. Крестьяне, рабочие и солдаты должны почувствовать, что народное хозяйство есть их хозяйство.

Это основной принцип построения власти.

Далее т. Троцкий сообщает, что в порядке дня стоит доклад Военно-Революционного Комитета и доклад о задачах власти Советов.

Докладчиком по второму вопросу выступает т. Ленин (несмолкаемые аплодисменты).

Т. Троцкий сообщает, что заключенные по политическим делам освобождены, и некоторые из них уже исполняют обязанности революционных комиссаров.

Т. Зиновьев, — сообщает, т. Троцкий, тоже будет гостем сегодняшнего заседания Петроградского Совета (аплодисменты).

В действующую армию посланы радиотелеграммы о падении старой власти и о предстоящем образовании новой власти. Первые шаги новой власти должны быть следующие: немедленное перемирие на всех фронтах, передача земли в руки крестьян, скорейший созыв подлинного Демократического Учредительного Собрания.

Местопребывание бывшего министра-председателя Керенского не известно, но мы полагаем, что скоро его пребывание станет известно всем.

На вопрос о том, как относится к событиям фронт, т. Троцкий отвечает: мы могли только послать телеграммы. Ответа

еще не последовало. Но мы здесь неоднократно слышали представителей фронта, которые нас упрекали в том, что мы до сих пор не предпринимали решительных шагов.

В это время в зале появляется т. Ленин. Собрание устраивает ему бурную овацию.

Т. Троцкий продолжает:

— В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу целого ряда условий не мог до сего времени появляться в нашей среде.

Т. Троцкий характеризует роль т. Ленина в истории революционного движения в России и провозглашает:

— Да здравствует возвратившийся к нам т. Ленин. (По адресу т. Ленина снова бурные овации.)

Речь т. Ленина.

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское Правительство, наш собственный орган власти, без какого то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьян сказала: довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими.

Мы приобретаем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством. Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует Всемирная Социалистическая революция. (Бурные аплодисменты).

Вместо послесловия.

Пусть с бешенством ругают эту революцию буржуазия и пацифисты, генералы и мещане, капиталисты и филистеры, все верующие христиане и все рыцари 2 и 2½ Интернационалов. Никакими криками злобы, клеветы и лжи не замутят они того всемирно-исторического факта, что первый раз за сотни и за тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: „Превратим эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций".

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действенную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войн, дела союза рабочих всех стран над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится и воюет на счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся.

Эта первая победа — еще не окончательная победа, и она далась нашей Октябрьской революции с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыханными мучениями, с рядом громадных неудач и ошибок, с нашей стороны. Еще бы, без неудач и без ошибок удалось одному отсталому народу победить империалистические войны самых могущественных и самых передовых стран земного шара! Мы не боимся признать свои ошибки и трезво будем смотреть на них, чтобы научиться исправлять их. Но факт остается фактом: первый раз за сотни и за тысячи лет обещание „ответить" на войну между рабовладельцами революцией рабов против всех и всяческих рабовладельцев выполнено до конца и выполняется вопреки всем трудностям.

Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца — вопрос не существенный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана.

Продолжайте свое лицемерие, господа капиталисты всех стран, „защищайте отечество“ японское от американского, американское от японского, французское от английского и т. д.! Продолжайте „отписываться“ от вопроса о средствах борьбы против империалистических войн новыми „базельскими манифестами“ (по образцу базельского манифеста 1912 года, господа-рыцари 2 и $2^1/_2$ Интернационалов, со всеми пацифистскими мещанами и филистерами всего мира! Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество. *)

Н. Ленин.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

*) Из статьи Ленина — «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», «Правда» № 234, 18-го октября 1921 г. Н. Ленин (В. Ульянов), собрание сочинений, Том XVIII, часть I, стр. 363, Гос. Изд., Москва, 1923 г.

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ленинград, Дом Книги, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 132-44, 570-14.

Москва, Тверская, 51. Телефон 3-92-07, 4-92-31.

Ленинградский Отдел Комиссии по истории Октябрьской Революции и Р.К.П. (большевиков) — Истпарт.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ЮНОШЕСТВО.

Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи.

Сборник I.

Из истории революционного движения учащихся средне-учебных заведений Петербурга.

1905 — 1917 г.г.

Общая редакция Редакционной Коллегии Истпарта.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Предисловие. II. К истории петербургского средне-школьного движения 1904-1909 г.г.: 1) Яковлев, Николай, — „Из воспоминаний реалиста". 2) Неслуховская, Татьяна, — „Воспоминания гимназистки". 3) Новин, Юр., — „К воспоминаниям Т. Неслуховской" (архивная справка). 4) Шидловский, Георгий, — „Из ученических воспоминаний" (отрывки пережитого). 5) Афанасьева, Анна, — „Воспоминания о прошлом". 6) Афанасьева, Анна, — „Из дневника гимназистки, 1907—1909 г.г." (отрывки). — III. К истории петербургского средне-школьного движения 1912—1917 г.г.: 1) Закс, Григорий, — „Семен Рошаль в подполье" (из воспоминаний о 1912—1915 г.г.). 2) Новин, Юр., — „Примечания к воспоминаниям Гр. Закса". 3) Ильин (Женевский), Александр, — „Воспоминания о межученической организации 1911—1912 г.г." 4) Новин, Юр., — „О витмеровцах" (архивная справка). 5) Ильин (Женевский), Александр, — „Еще о витмеровцах". 6) Гришанин, В. Д., Моникайнен, Е. А., и Отрожденов, Н. А., — „Петергофский социал-демократический ученический кружок" (воспоминания). 7) Ковнатор, Рахиль, — „Накануне Февраля" (отрывки из воспоминаний). IV. Приложения. А. 1905 год и петербургские учащиеся: 1) Гнесин, Григорий, — „Красные дни русских музыкантов" (воспоминания ученика С.-Петербургской консерватории о 1905 годе). 2) Новин, Юр., — „Из записной книжки ученика 4-го класса Охтенского технического училища А. Пертмана" (1905—1907 г.г.). 3) Варнашев, Николай, — „Примечания к запискам А. Пертмана". Б. 1917—1919 г.г. и петроградские учащиеся: 1) Дрязгов, Григорий, — „К истории движения учащихся средне-учебных заведений Петрограда в 1917—1918 г.г. — О.С.У.З. при партии социалистов-революционеров и Р.Л.К.С.М.". 2) Шидловский, Георгий, — „Страница из истории движения петроградских учащихся-коммунистов" (1918—1919 г.г.).

Цена 75 к.